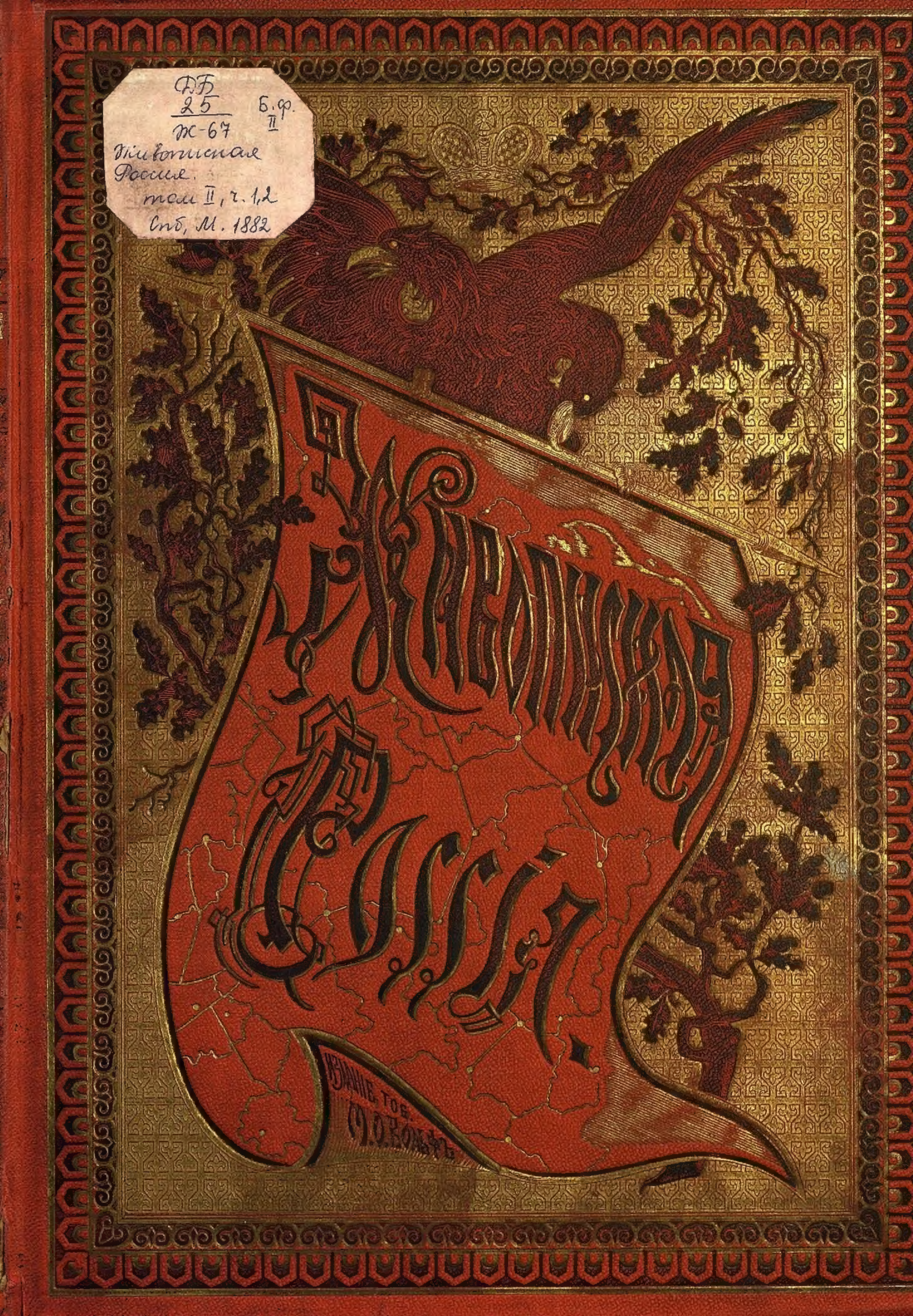

Живописная
Россія
ИЗДАНІЕ ТОВ.
М. О. ВОЛЬФЪ

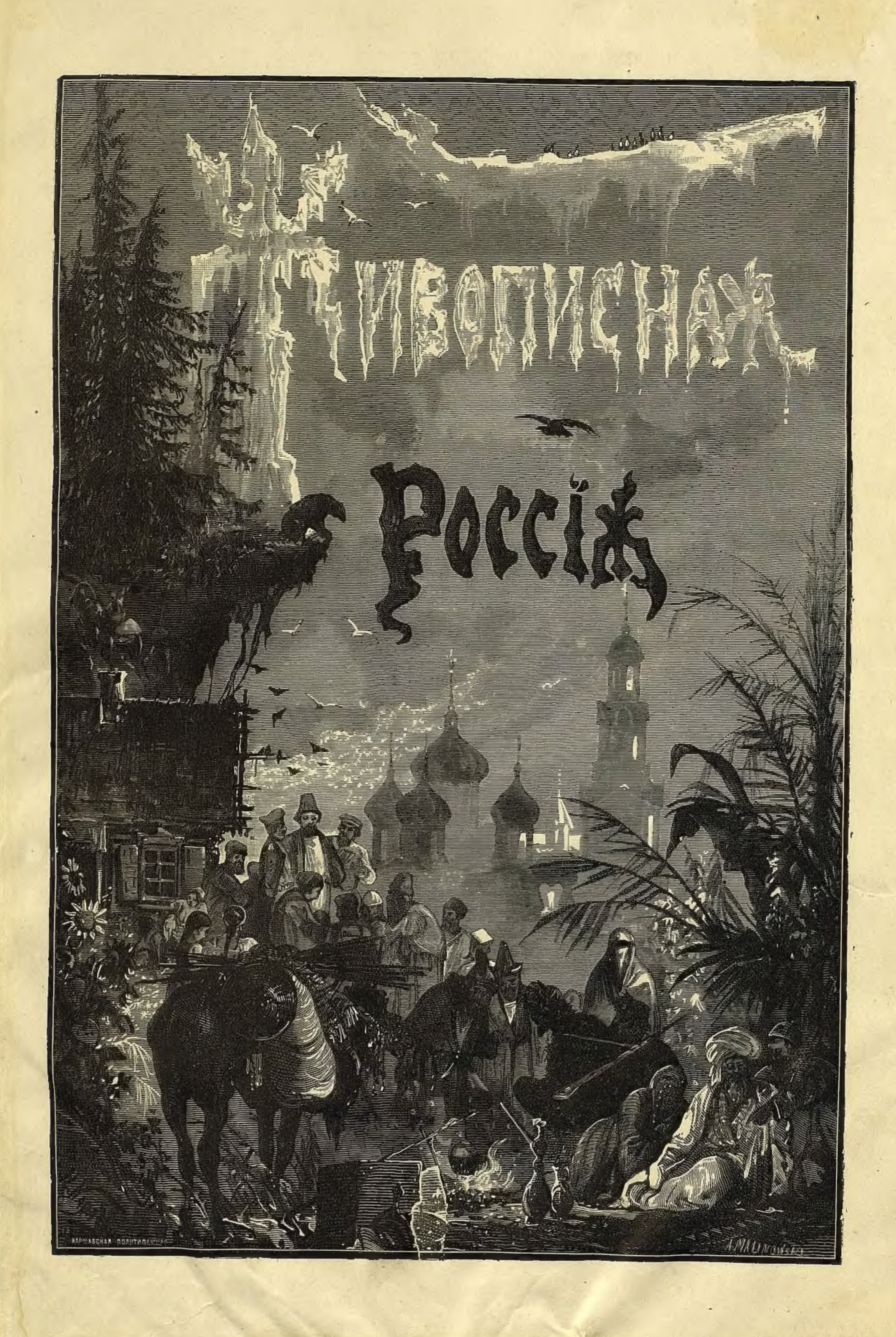

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл.: 5
инв: 4215
шк: 11
полка: 11
мѣсто: 11
№: 3938
ТОВАРИЩЕСТВО М.О.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Живописная
Россія
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНЯ
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. -2

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ.

СЪ 73 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 11 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, д. Михалкова.*

1882.

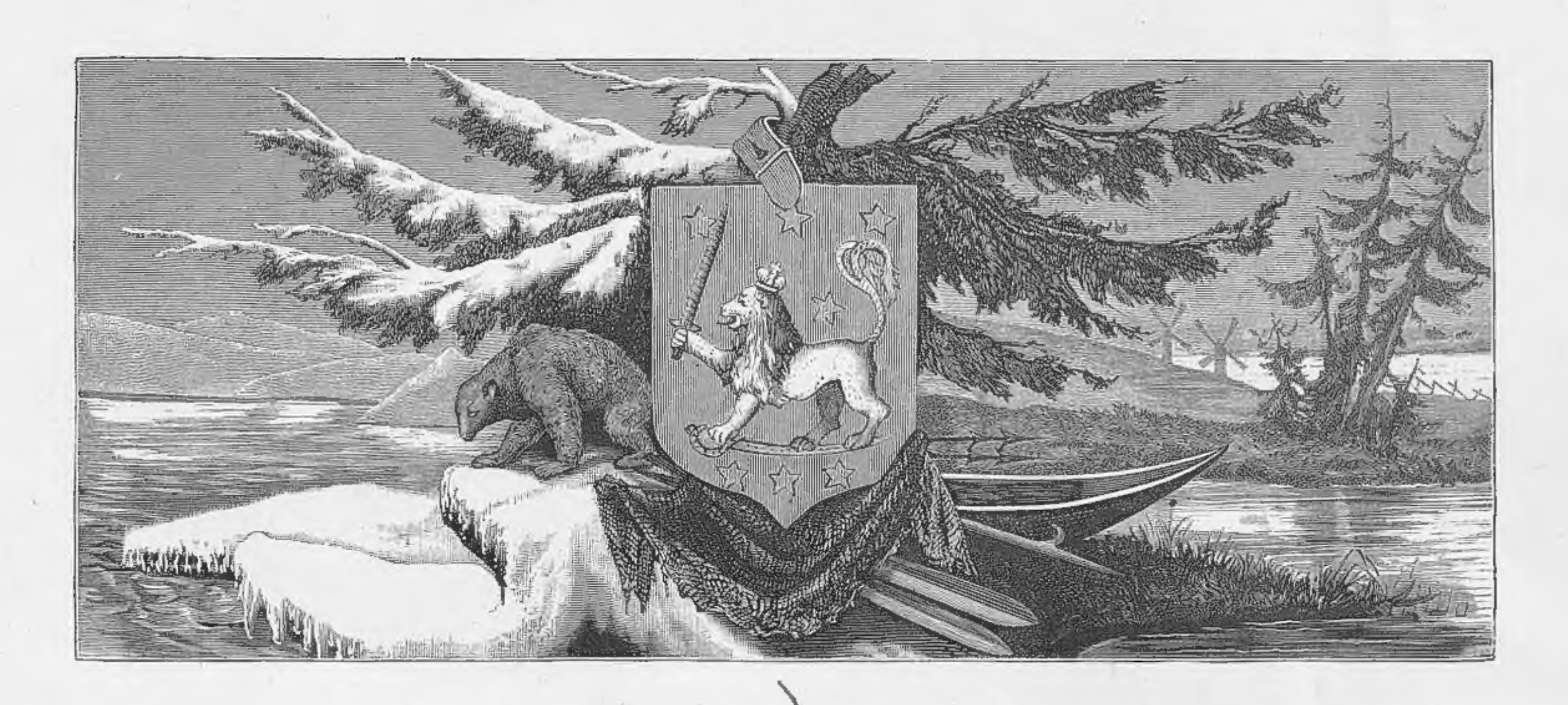
Дозволено цензурою. Спб., 27 марта 1882 г.

Печать типографіи Маврикія Осиповича Вольфа, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты изъ Словолитни его же.

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЯ

ОКРАИНЫ РОССІИ.

Великое княжество Финляндское.

ГУБЕРНІИ: АБО-БЬЕРНЕБОРГСКАЯ, ВАЗАСКАЯ, ВЫБОРГСКАЯ, КУОПІОСКАЯ, НЮЛАНДСКАЯ, САНКТЪ-МИХЕЛЬСКАЯ, ТАВАСТГУССКАЯ, УЛЕОБОРГСКАЯ.

ОЧЕРКЪ I

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ФИНЛЯНДІИ И ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ ШВЕЦІИ И РОССІИ.

[illegible]

Храни, о Боже, край родной
Твоей всесильною рукой —
И въ мирѣ и въ войнѣ храни,
И въ свѣтлые и въ черные дни!

Здѣсь все, чѣмъ въ жизни дорожимъ,
Здѣсь все, что любимъ, все что чтимъ,
И нѣтъ нигдѣ земли другой
Намъ такъ же милой, дорогой.

[illegible]

Чтеніе указа объ открытіи финляндскаго сейма.

Археологическія изслѣдованія Геродотова описанія Скиѳіи доказали, что уже тогда югъ нынѣшней Россіи былъ населенъ Славянами, давшими названіе рѣкамъ: Дону, Днѣпру, Днѣстру, Дунаю, а сѣверъ — Финнами, и что тогда границу между Славянами и Финнами составляла рѣка Ока, сохранившая донынѣ свое финское названіе: ока — йоки — рѣка. Геродотъ принималъ ее за верховье Волги, которую онъ называетъ Ра; это была — «Райя — йоки», т. е. «грань-рѣка». Финны, долго живши то по сосѣдству, то вперемежку съ русскими Славянами, заимствовали отъ нихъ много словъ, иногда измѣненныхъ почти до неузнаваемости, отчасти благодаря тому, что Финны во всѣхъ иностранныхъ словахъ, начинающихся съ двухъ или болѣе согласныхъ, оставляютъ лишь одну послѣднюю, такъ напр. слово «слив-

ки» они произносятъ «ливки», вмѣсто «крѣпко» скажутъ «рѣпко»; такимъ образомъ слова — *грань* и *край* превратятся по-фински въ *ра*, или *рая*.

Изъ древнихъ пѣсенъ и сказокъ (сагъ) финскихъ и скандинавскихъ можно заключать, что въ древности по нынѣшней Финляндіи бродилъ народъ, совершенно исчезнувшій, или поглощенный передовою волною финскаго племени, извѣстною подъ именемъ *Лопарей*, т. е. «крайнихъ»: по-фински слово loppu значитъ «край, конецъ». Еще на памяти исторіи Лопари занимали весь сѣверовостокъ Финляндіи а теперь они, въ небольшомъ числѣ, находятся только въ самыхъ сѣверовосточныхъ частяхъ Норвегіи и Финляндіи да въ сѣверозападномъ углу Архангельской губерніи. Сами себя Лопари называютъ не крайними, а подобно другимъ Финнамъ, болотняками, сосѣди всѣ называютъ ихъ не иначе, какъ *крайними*, т. е. Лопарями. Сами Финны никогда себя не называли и не называютъ Финнами, а «Сумью» suomi, или suomalaiset, т. е. болотняками; названіе же Финновъ, или Фенновъ дано имъ латинскими писателями, услыхавшими его отъ Германцевъ, на языкѣ которыхъ «фенъ» значило тоже, что «suomaa» по-фински, т. е. болото, или точнѣе «многоводная земля,» какою Финляндія и теперь еще можетъ по справедливости называться; а встарину право на такое названіе простиралось къ югу отъ нынѣшней Финляндіи, конечно, гораздо далѣе, нежели теперь.

Финны, населяющіе Финляндію и сосѣднія съ нею части губерній Олонецкой и Архангельской, составились изъ нѣсколькихъ одноплеменныхъ народовъ, имѣвшихъ свои особыя названія; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *Емь* (hämälaiset), *Вотъ*, *Чудь* и другія, соединились подъ двумя нынѣшними, бывшими и въ древности, а именно: на западѣ *Сумь* (suomalaiset) «болотняки,» вѣроятно ichtiophagi, въ смыслѣ «рыболовы»; на востокѣ Корелы, правильнѣе *Карелы*, (karialaiset), т. е. «скотоводы, коровники». Теперь и вся Финляндія называется по-фински не иначе, какъ Suomi — Суоми.

По разсказу Нестора финскіе народы участвовали въ призваніи Славянами изъ-за моря князей варяжскихъ, основавшихъ Русское государство. Достойно замѣчанія, что по-фински и теперь еще *русью* (ruotsi) называются Шведы, а Русскіе называются *вянами*, т. е. *славянами*.

Въ сѣверныхъ дружинахъ князей русскихъ находились, разумѣется, и Финны, хотя ихъ также, какъ и Славянъ, называли Русскими: дѣйствительно — тѣ и другіе были русскіе люди, т. е. кмети русскаго князя; да они же, вмѣстѣ съ настоящими Русами, или Варягами (väringar), пріѣзжавшими изъ-за моря, тогда называвшагося Варяжскимъ, а теперь называемаго Балтійскимъ, составляли и дружину русскаго князя — славянскаго государя. А иногда Финны и сами воевали, т. е. подъ предводительствомъ какого нибудь удальца изъ своего племени сами неожиданно нападали на своихъ сосѣдей, какъ на заморскихъ въ Швеціи, такъ и на заозерныхъ — въ нынѣшней Россіи. Разумѣется, что эти сосѣди не оставались у нихъ въ долгу, и вѣроятно сами нападали на Финновъ, ища себѣ добычи и славы. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи проявляется и съ востока и съ запада стремленіе не довольствоваться бѣдною добычею, а прочно присоединять къ себѣ край, дѣлая жителей его своими подданными, при обращеніи ихъ въ свою христіанскую вѣру. Въ русскихъ лѣтописяхъ нѣсколько разъ упоминается объ удачныхъ походахъ то князей, то воеводъ новгородскихъ — иногда для отраженія нападавшихъ, а чаще чтобы воевать въ ихъ землѣ, причемъ нѣкоторыя части ея считались уже и забранными, взятыми подъ власть русскую.

Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія король Свѣевъ и Готовъ *Эрикъ IX*, соединивши подъ своею властію большую часть жителей нынѣшней Швеціи, въ 1157 году, по приглашенію папы Адріана IV-го (родомъ англичанина) и по совѣтамъ упсальскаго епископа (родомъ тоже англичанина) Генриха (Инрика), совершилъ крестовый походъ на Финляндію. Шведскіе крестоносцы отправились на судахъ черезъ Оландское море, западные острова котораго тогда уже были населены Шведами-христіанами, къ устью рѣки Авры (Ауры), гдѣ и основали

свое первое поселеніе, назвавъ его «Обу, т. е. «Порѣчье» — нынѣшній городъ Обу (по-шведски), обыкновенно называемый Абовомъ (по-русски), или Або (по-нѣмецки).

Проповѣдь христіанства силою меча производилась въ то время очень просто: толпы туземцевъ, собравшіяся чтобы прогнать наѣхавшихъ къ нимъ чужеземцевъ, были разбиты крестоносцами, хотя бывшими и въ меньшемъ числѣ, но лучше вооруженными и лучше умѣвшими воевать.. Добрый король Эрикъ оплакивалъ множество убитыхъ Финновъ, оплакивалъ, что они умерли въ язычествѣ и потому на томъ свѣтѣ не могутъ пойти въ рай; оставшимся въ живыхъ и всѣмъ прочимъ жителямъ края объявлялъ, что побѣда, дарованная Богомъ крестоносцамъ, служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, что шведскій богъ сильнѣе финскихъ боговъ и даже болѣе — финскіе боги совсѣмъ не боги, а черти, которые не могутъ противустоять не только самому истинному Богу — Іисусу Христу, но также ни святымъ Его, ни ангеламъ Его. Множество народа обоего пола и всякаго возраста, по приглашенію побѣдителей, собралось въ окрестностяхъ возникавшаго перваго въ Финляндіи христіанскаго поселенія, и тамъ въ небольшомъ ручьѣ самъ епископъ крестилъ ихъ всѣхъ. Послѣ того король, съ главными силами, воротился къ себѣ за море, а въ *Абовѣ* остался епископъ съ воинскою дружиной. Онъ объѣзжалъ свою новую епархію, крестя народъ во многихъ мѣстахъ; но былъ убитъ (19 января) однимъ язычникомъ и потомъ чтимъ, какъ святой мученикъ за вѣру, продолжавшую распространяться въ Финляндіи.

Поколѣніе покоренныхъ шведами *Сумей* смѣнилось новымъ поколѣніемъ, уже рожденнымъ въ христіанствѣ. Къ востоку отъ нихъ жили еще въ идолопоклонствѣ *Еми*, а за ними еще далѣе обширное племя «скотоводовъ» — kairalaiset, *Кареловъ*, часть которыхъ уже принимала христіанство православное отъ своихъ сосѣдей Русскихъ — отъ Новгородцевъ, а часть еще продолжала поклоняться своему *Перкеле*, имя котораго, кажется, составляетъ финское произношеніе русскаго слова Перунъ, а въ нынѣшнемъ финскомъ языкѣ очень употребительно, какъ бранное слово, однозначащее съ русскимъ словомъ чортъ, напоминающимъ скандинавскаго Тора, который также, какъ и Перунъ, былъ богомъ грома и молніи. Другое финское названіе чорта — *Пирунъ* еще болѣе напоминаетъ Перуна.

Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ 1227-мъ году христіанство очень удачно распространялось между Карелами, которые охотно крестились отъ русскихъ священниковъ. Емь, по враждѣ съ Карелами, вслѣдъ затѣмъ также охотно приняла къ себѣ шведскаго епископа, обѣщавшаго помощь противъ восточныхъ сосѣдей — Кареловъ, съ которыми у Еми была давняя, а въ эту пору и очень ожесточенная вражда. Шведскому епископу представлялся, повидимому, удобный случай распространить власть папы не только на Кареловъ, но и на Русскихъ, хоть и давно уже христіанъ, но не папистовъ, а православныхъ и молившихся Богу на своемъ языкѣ, а не на латинскомъ. Тогдашній повелитель Шведовъ, дядя и опекунъ короля — могущественный *ярлъ Биргеръ* двинулъ крестовый походъ, въ 1240 году, прямо на берега Невы. Но тутъ встрѣтилъ его и побѣдилъ новгородскій князь *Александръ* Ярославичъ, который за эту побѣду, одержанную въ воскресенье, 15-го іюля, и прозванъ «Невскимъ». Эта побѣда заставила Шведовъ отказаться отъ мечтаній о покореніи Новгорода и Русскихъ. Между тѣмъ мирная проповѣдь христіанства не шла успѣшно между Емью, и вотъ осенью 1249 года тотъ же Биргеръ переѣхалъ море на многихъ судахъ, съ сильнымъ войскомъ, высадился на берегъ — верстахъ въ тридцати къ западу отъ Гельсингфорса — при устьѣ рѣки седьмой къ востоку отъ рѣки Авры и потому называемой Седьмою, но не финскимъ словомъ, а шведскимъ Шўндео (sjunde-å —седьмая рѣка). Биргеръ разбилъ скопище Емей, прошелъ побѣдителемъ по ихъ землѣ и въ серединѣ ея основалъ городъ, т. е. построилъ деревянную крѣпость на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Таваст-гусъ (Tavastehus). Повелѣвая побѣжденному народу креститься, онъ принялъ и осуществилъ очень дѣйствительную мѣру, а именно: занятіе и заселеніе переселенцами изъ Швеціи тѣхъ частей финляндскаго поморья, куда удобно было переселяться не только на лодкахъ, но и пѣ-

комъ — зимою по льду, со всѣмъ скотомъ и пожитками, изъ Швеціи. Такимъ образомъ стали тогда заселяться и мало-по-малу заселились переселенцами изъ Швеціи берега заливовъ Финскаго и Ботническаго. Оттого и въ наше время заселены Шведами почти всѣ острова Финляндіи и кромѣ того береговыя пространства на югѣ отъ Оландскихъ островов до устья Кюмени (Kymenjoki), оставшейся, впрочемъ, во власти Финновъ-Еми и сохранившей свое финское названіе Кюмени, т. е. «десяти», названной такъ вѣроятно потому, что она десятая рѣка къ востоку отъ Авры. На сѣверѣ шведскіе переселенцы, переходившіе черезъ Кваркенъ, заняли всѣ острова и берега, всю полосу земли отъ Бьернова города (Björneborg) до нынѣшняго города Нюкарлебю. Такимъ образомъ Сумь и Емь были отдѣлены Шведами отъ моря, и христіанство между ними сдѣлалось единственною вѣрою, истребивъ даже всякую память о прежней вѣрѣ, сохранившейся только между Карелами, часть которыхъ, оставаясь подъ властію Русскихъ, перешла въ православіе: западная же часть, населяющая сѣверовостокъ Финляндіи, почти вся перешла — вѣроятно, прямо изъ язычества—сначала въ римско-католическую вѣру, а потомъ, вмѣстѣ со Шведами и прочими Финнами — въ лютеранство.

Занятіе извѣстной части Финляндіи переселенцами изъ Швеціи было выгодно, во-первыхъ, для утвержденія шведскаго владычества въ этой *новой землѣ* (Ny-land), какъ ее прозвали сами Шведы; а впослѣдствіи оказалось очень выгоднымъ и для самихъ Финновъ не только тѣмъ, что содѣйствовало скорѣйшему тутъ утвержденію христіанства, но весьма существенно и очевидно еще тѣмъ, что мало-по-малу превратило Финляндію изъ покоренной страны въ равноправную составную часть государства. Къ счастію для Финляндіи феодальные порядки никогда не были сильны у Шведовъ, народъ у нихъ не былъ закрѣпощаемъ, оставался вольнымъ, сохранялъ свой голосъ на вѣчѣ народномъ или государственномъ, какъ было и на Руси у насъ до нашествія Татаръ. Но между этими двумя событіями прошло у насъ шесть сотъ лѣтъ безгласности народной; въ Финляндіи же во все это время народъ пользовался свободой, и голосъ его представителей раздавался на вѣчахъ народныхъ, на сеймахъ государственныхъ, также какъ и теперь онъ раздается на земскомъ сеймѣ финляндскомъ. Финляндцы, естественно, дорожатъ своею народною свободою: а потому и нельзя упрекать ихъ за то, что они будутъ дорожить обособленностью своего края до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся, что для Русскихъ не въ чемъ завидовать Финляндцу и что русскія народныя права нисколько не меньше финляндскихъ..

Медленно, постепенно, но и безостановочно, постоянно, въ теченіе шести столѣтій, Финляндія прирастала къ Швеціи, мало обнаруживая особенной, отдѣльной жизни, но участвуя во всѣхъ судьбахъ народа шведскаго. Въ 1293 году внукъ ярла Биргера, Торкель Канутовичъ совершилъ третій и послѣдній крестовый походъ на Финляндію, окончившійся покореніемъ части Кареловъ и основаніемъ третьяго укрѣпленнаго города — Выборга, на томъ же мѣстѣ, гдѣ этотъ городъ и теперь стоитъ. Несогласія между Русскими и Шведами, разражаясь войною, обрушивались преимущественно на Финляндію: по обычаю того времени война сопровождалась истребленіемъ жителей и разореніемъ края, порождая въ остающихся чувства горькой ненависти къ воинамъ опустошителямъ. Такъ въ 1318 году новгородская рать прошла съ огнемъ и мечемъ до рѣки Авры, которая въ нашихъ лѣтописяхъ называется «Полною» рѣкою, и разорила на ея берегахъ главный городъ Финляндіи — Абовъ. Это было во время многолѣтнихъ войнъ между Новгородцами и Шведами за обладаніе Кареліей. Войны эти кончились миромъ въ городѣ Орѣшкѣ (Nöteborg), заключеннымъ 12 августа 1323 года. По этому миру западная Карелія осталась за Швеціей и граница назначена по той же чертѣ, по которой и теперь, черезъ 555 лѣтъ послѣ того, проходитъ она между губерніями С.-Петербургскою и Выборгскою.

Миръ былъ заключенъ, какъ говорилось: «вѣчный»; но эта вѣчность договоровъ тогда бывала недолга и непрочна — до первой ссоры, для которой поводовъ было всегда довольно! Приведемъ одинъ изъ нихъ: осенью 1347 года шведскій король Магнъ прислалъ Новгородцамъ предложеніе, чтобъ они выбрали отъ себя людей знающихъ, а онъ выберетъ своихъ, да и пусть

эти знающіе поспорятъ чья вѣра правая: шведская или русская? Новгородцы отвѣчали, что за такой споръ не берутся, а предоставляютъ патріарху константинопольскому вести эти споры и за нихъ. Въ отвѣтъ на такую отповѣдь Магнъ собралъ войско, и съ весны 1348 года на берегахъ Невы закипѣла война: споръ между папою и патріархомъ былъ тутъ кровопролитнымъ споромъ, успѣхъ котораго склонялся чаще на сторону Новгородцевъ, которые, напр. въ 1351 году, сожгли городъ Выборгъ. Во время этой войны такъ называемая *черная смерть*, по нынѣшнему чума, обращала въ могилы города и деревни во всей Европѣ, а въ томъ числѣ и въ Россіи, и въ Швеціи, и въ Финляндіи; но едва прекратился моръ, какъ оставшіеся въ живыхъ опять взялись за оружіе и продолжали споръ, конечно, уже не думая о поводѣ для этой войны: воевали для добычи и для славы побѣдителя, — такое было время, такіе нравы и понятія!

Въ длинной цѣпи кровопролитныхъ войнъ въ Финляндіи стараго времени долгую память оставили войны царя Ивана III Васильевича. Его войска, въ 1490 году, до самаго моря опустошали Остроботнію, т. е. южную половину нынѣшней Улеоборгской губерніи. Въ 1495 году шестидесятитысячное русское войско, которымъ начальствовалъ князь Данило Щеня̀, пронеслось грозой по мѣстамъ нынѣшнихъ губерній Выборгской и Мпкельской и усердно занималось осадою Выборга, самый кремль котораго едва не былъ взятъ приступомъ, 30 ноября, въ день Андрея Первозваннаго; осажденныхъ спасло только то, что предводитель ихъ Поссе, за свою ученость считавшійся колдуномъ, зналъ уже составъ пороха, сложилъ запасъ его подъ башнею и когда осаждающіе заняли эту башню, то онъ взорвалъ ее и тѣмъ произвелъ между нападающими смятеніе и страхъ; черезъ двѣ недѣли послѣ того осада снята и Русскіе ушли домой, уже зимнимъ путемъ. Чтобы понять всю опустошительность войнъ того времени, надо помнить, что по тогдашнему обычаю каждый воинъ считалъ себя вправѣ распоряжаться жизнію и имуществомъ непріятелей, а къ этимъ послѣднимъ причислялись отъ мала до велика всѣ жители того края, по которому шла война. Это значитъ: каждый воинъ бралъ себѣ въ добычу все, что могъ, стараясь остальное истребить огнемъ и мечемъ. Побѣдители возвращались домой со множествомъ плѣнниковъ и плѣнницъ. Чего могли ожидать себѣ мирные жители края, гдѣ происходила такая война? смерти или плѣна, т. е. тяжелаго пожизненнаго рабства гдѣ-то на далекой чужбинѣ! Разумѣется, когда не было надежды устоять, отбиться, отсидѣться, каждый спасался, какъ могъ, бѣжали въ лѣса и болота, гдѣ всегда многіе погибали отъ бѣдствій, болѣзней и голода. Такъ воевали тогда между собою люди одной вѣры и одного языка; могло ли быть лучше, когда русское войско, съ Татарами въ немъ, «гуляло» по шведской землѣ, населенной Финнами? Эта «большая русская война» окончилась миромъ въ 1501 году, за годъ до смерти царя Ивана Великаго.

Въ то время еще продолжалась такъ называемая «*кальмарская унія*», т. е. соединеніе трехъ скандинавскихъ королевствъ: Швеціи, Даніи и Норвегіи, подъ державою одного короля, произведенное королевою Маргаритою въ 1397 году и окончившееся въ 1523 году тѣмъ, что Швеція съ Финляндіею отдѣлилась отъ Даніи съ Норвегіей. Эти 126 лѣтъ уніи были временемъ ожесточенныхъ войнъ между Шведами съ одной стороны и Датчанами съ другой, причемъ къ послѣднимъ принадлежали и жители, населяющіе южную часть нынѣшней Швеціи. Соединеніе было только династическое — трехъ коронъ, а не трехъ народовъ, хоть и говорящихъ тремя очень близкими между собою нарѣчіями; подданные каждой короны особенно заботились о томъ, чтобы польза отъ уніи была для нихъ, хоть и въ ущербъ другимъ, а отсюда недалеко и до полной вражды, и до взаимной ненависти и до войны. *Густавъ Ваза* былъ счастливымъ борцомъ за независимость Швеціи отъ Даніи и сдѣлался родоначальникомъ королевской династіи, царствовавшей 287 лѣтъ.

Густавъ I сдѣлалъ много добра для своего народа. Пока еще онъ не былъ королемъ, а только предводителемъ возстанія, *Мартинъ Лютеръ* началъ свою реформаторскую дѣятельность въ Германіи. Густавъ понялъ, что Лютерово преобразованіе могло быть очень по-

лезно и въ государственномъ отношеніи, потому что римско-католическая церковь постоянно и небезуспѣшно стремилась къ тому, чтобы подчинить себѣ свѣтскую власть и захватить какъ можно болѣе мірскихъ выгодъ; принятіе реформы должно было возвратить эти выгоды свѣтской власти и тѣмъ усилить ее, что и требовалось для пользы государственной. Въ 1527 году на сеймѣ, въ городѣ Вестеросѣ, были приняты такія рѣшенія, которыми шведская церковь совершенно отдѣлялась отъ римской; такъ между прочимъ постановлено, чтобы во всѣхъ училищахъ читалось святое евангеліе, а у папистовъ эта книга была для народа запрещенною. Вслѣдъ затѣмъ были переведены сначала на шведскій, а потомъ и на финскій языкъ всѣ библейскія книги, какъ Новаго, такъ и Ветхаго Завѣта; ихъ печатали и распространяли въ народѣ. Такъ была порвана связь съ Римомъ! Папа призналъ Шведовъ и Финновъ еретиками; но этихъ еретиковъ нѣкому было сожигать здѣсь на инквизиціонныхъ кострахъ, и реформація безъ труда утвердилась какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи. Переводомъ библіи на финскій языкъ да печатаніемъ какъ этой, такъ и другихъ церковныхъ книгъ и проповѣдей на финскомъ языкѣ положено начало финской письменности.

По смерти Густава I, ему на шведскомъ престолѣ наслѣдовалъ его старшій сынъ *Эрикъ XIV;* а второй сынъ Густава *Іоаннъ*, по финскому произношенію *Юханъ*, былъ въ то время герцогомъ финляндскимъ и жилъ въ Або. Герцогъ Іоаннъ женился на дочери польскаго короля Катеринѣ Сигизмундовнѣ. Но въ то время уже была война между Эрикомъ и Сигизмундомъ за обладаніе Эстляндіей. Эрикъ требовалъ, чтобъ и братъ его Іоаннъ отправился туда со своимъ войскомъ. Іоаннъ не хотѣлъ воевать противъ своего тестя; за то Эрикъ обвинилъ своего брата въ измѣнѣ отечеству; а судебный допросъ, обыкновенный въ то время, представлялъ возможность обвинить кого угодно и въ чемъ угодно: для этого употреблялась пытка. Схватили одного финляндскаго болтуна, пытали его въ присутствіи самого Эрика и узнали отъ него всю «подлинную и подноготную правду»: будто Іоаннъ замышляетъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и сдѣлаться тамъ самостоятельнымъ государемъ. На такомъ обвиненіи основанъ былъ приговоръ суда, по которому герцогъ Іоаннъ подлежалъ смертной казни! Шведское войско было послано противъ него и осадило его въ городѣ Або. Герцогъ принужденъ былъ сдаться въ плѣнъ и, вмѣстѣ съ женою и придворными, привезенъ въ Стокгольмъ и заключенъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ. Супруга его, указавъ надпись на своемъ обручальномъ кольцѣ: «никто, кромѣ смерти!», предпочла неволю вмѣстѣ съ мужемъ свободѣ безъ него и не разлучалась съ нимъ.

Король Эрикъ XIV нѣсколько напоминаетъ нашего Ивана Грознаго: и имъ было пролито много крови неповинной, и на него тоже находили времена то бѣшенства, то раскаянія и угрызеній совѣсти; въ одно изъ такихъ временъ онъ выпустилъ на волю своего брата Іоанна. Затѣмъ опять наступила пора его опасеній, страховъ и кровожадности, что, впрочемъ, не помѣшало ему въ то же время жениться на красавицѣ, дѣвицѣ изъ простаго рода, *Каринъ-Монсъ;* но казней, которыми онъ готовился позаняться вслѣдъ за свадьбой, ужь ему не удалось произвести: его собственные братья Іоаннъ и Карлъ, въ 1568 году, низложили своего брата и заключили его въ крѣпость, къ общей радости народа. Низложеннаго короля держали въ неволѣ сначала въ Стокгольмѣ, потомъ въ Або, гдѣ онъ и скончался въ 1577 году. Жена его, овдовѣвъ, получила — какъ вдовій столъ — имѣніе въ Финляндіи, недалеко отъ Таммерфорса, гдѣ и прожила еще 35 лѣтъ, оставивъ по себѣ память умной и очень доброй женщины. Дочь ея была замужемъ за финляндскимъ дворяниномъ, по фамиліи Тотъ, а сынъ, королевичъ Густавъ, умеръ въ Москвѣ женихомъ Ксеніи Годуновой.

При низложеніи Эрика находились въ Стокгольмѣ послы царя Ивана Васильевича Грознаго, пріѣхавшіе было за Катериной Сигизмундовной, которую Эрикъ обѣщалъ отнять отъ брата и отдать въ жены царю Московскому. Послѣ того Іоаннъ царствовалъ въ Швеціи двадцать пять лѣтъ, изъ которыхъ первыя пятнадцать прошли въ войнѣ съ Иваномъ-Васильевичемъ. Война между ними велась частію въ Финляндіи, частію въ Эстляндіи, за обладаніе которою, а также

Герцогъ Карлъ у гроба Флемминга въ Або.

и Лифляндіей спорили и дрались между собою — Русскіе, Шведы, Поляки и Датчане, не забывая жечь и грабить самый край — предметъ ихъ споровъ. Финляндіи и Финляндцамъ приходилось напрягать въ этой войнѣ всѣ свои силы. По тогдашнему обычаю, названія полковъ соотвѣтствовали ихъ составу, такъ: если полкъ назывался выборгскимъ, то, значитъ, въ немъ всѣ и начальники и солдаты были изъ уроженцевъ города Выборга и его окрестностей. Нѣкоторые изъ предводителей финляндскихъ, вмѣстѣ съ ихъ полками, дѣйствовали очень удачно. Король награждалъ за то этихъ предводителей помѣстьями и титулами, а въ 1581 году придумалъ наградить за то и весь край: назвалъ Финляндію «великимъ княжествомъ», а къ своему королевскому титулу прибавилъ: «и великій князь финляндскій». Этотъ же титулъ, черезъ 228 лѣтъ послѣ того, прибавленъ къ титулу Императора Всероссійскаго, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи. Но этотъ новый титулъ великаго княжества не дѣлалъ, впрочемъ, для Финляндіи тогда ничего новаго: она попрежнему продолжала составлять неразрывную часть королевства Шведскаго, съ которымъ раздѣляла и радости и горе, причемъ иногда приходилось ей терпѣть горя и болѣе Швеціи, а именно, когда съ востока наносилась туча, поливавшая землю не водой, а кровью, палившая не молніей, а пожарами. Пятнадцатилѣтняя война была на этотъ разъ окончена не миромъ, а только перемиріемъ, которое, впрочемъ, было еще продолжено потомъ до 1591 года. Въ этомъ году царемъ былъ уже Ѳеодоръ Ивановичъ, а правителемъ государственнымъ шуринъ его Борисъ Годуновъ. Три года войны тогда сопровождались страшнымъ опустошеніемъ многихъ мѣстъ: обѣ стороны заботились главнѣйше о томъ, какъ бы нападать неожиданно на такія мѣста, гдѣ не было непріятельскаго войска, а только безоружные жители; изъ этихъ послѣднихъ остались цѣлы только тѣ, кто успѣлъ убѣжать подальше отъ военной лавины, а кого она захватила, тѣ или перебиты, или уведены въ вѣчный плѣнъ, на далекую чужбину, въ тяжкое рабство. Такъ шведское войско побывало и у Кандалакши, и у Колы, и въ Старой Русѣ и близъ Новгорода, а русское проходило и по южной части Улеоборгской губерніи до самаго моря, и вдоль Финскаго залива до самаго Абова, который былъ поженъ и пограбленъ. Наконецъ въ 1593 году несговорчивый король Іоаннъ умеръ и вслѣдъ затѣмъ заключенъ уже миръ, по которому Швеція пріобрѣла Эстляндію, а Россія Кексгольмскую область, т. е. сѣверозападное побережье Ладожскаго озера; кромѣ того, тогда же впервые опредѣлена восточная граница Финляндіи такъ же, какъ теперь проходятъ границы губерній: съ одной стороны — Выборгской, Куопіоской и Улеоборгской, съ другой — Олонецкой и Архангельской. Теперь Карелы, населяющіе этотъ край по обѣ стороны границы, почти всѣ къ западу отъ нея — лютеране, а къ востоку — православные.

Еще при жизни короля Іоанна сынъ его Сигизмундъ сдѣлался королемъ польскимъ: по матери своей онъ былъ потомокъ Ягеллоновъ, родъ которыхъ пресѣкся въ мужскомъ колѣнѣ. Поляки тѣмъ охотнѣе пригласили къ себѣ въ короли шведскаго королевича Сигизмунда, что онъ, по желанію своей матери, былъ крещенъ и воспитанъ какъ римскій католикъ. Но это же самое католичество, облегчившее Сигизмунду пріобрѣтеніе польской короны, лишило его впослѣдствіи короны шведской. Въ Польшѣ Сигизмундъ былъ выборный король, въ Швеціи наслѣдственный; но Поляки были одной съ нимъ вѣры, а Шведы другой, и потому Сигизмундъ остался королемъ польскимъ, а въ Швеціи его восьмилѣтнее царствованіе было немирно и кончилось тѣмъ, что въ 1600 году онъ былъ въ Швеціи торжественно объявленъ лишеннымъ шведскаго престола. Въ смутахъ Сигизмундова восьмилѣтія Финляндія, а болѣе дворянство и войско финляндское, дѣятельно поддерживали Сигизмунда; крестьянское же сословіе даже вооруженною силою боролось противъ дворянства и войска, хотя и было побѣждаемо. Тогда правителемъ всей Финляндіи, начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ финляндцевъ Класъ (т. е. Николай) *Флеммингъ* (Леминкайненъ) — суровый, строгій и жестокій, но упорно вѣрный своему слову. Бывшій любимецъ покойнаго короля Іоанна, онъ сильно поддерживалъ сына его Сигизмунда. Скорая смерть Флеминга въ то время,

когда онъ готовился воевать за Сигизмунда противъ Карла, облегчила этому послѣднему его торжество въ Финляндіи. Войдя въ Або побѣдителемъ, герцогъ Карлъ приказалъ снять крышку съ гробницы Флемминга и, взявши покойника за бороду, сказалъ: «еслибъ онъ не умеръ, то не остаться бы этой головѣ на своихъ плечахъ!» У гроба стояли дочь покойника и его вдова — добрая *Эбба*, родомъ *Стенбокъ*, которая тотчасъ же отвѣтила Карлу: «еслибъ онъ не умеръ, то вамъ не быть бы здѣсь!»

При своей коронаціи въ Стокгольмѣ Сигизмундъ поклялся торжественно, что не будетъ дѣйствовать противъ господства лютеранской церкви въ Швеціи, а въ слѣдъ за тѣмъ тайно поклялся передъ своими католическими монахами, что онъ будетъ всѣми силами стараться о возвращеніи шведскаго народа подъ власть папы. Событія не замедлили показать, что торжественная клятва была произнесена лишь для того, чтобы успѣшнѣе достигать обѣщаннаго тайно: іезуиты увѣрили короля, что для доставленія торжества папству всякія средства хороши и самый тяжкій грѣхъ уже не грѣхъ, а подвигъ.

Главнымъ защитникомъ Швеціи отъ тѣхъ іезуитскихъ замысловъ, которые брался осуществить Сигизмундъ, былъ дядя его, третій и самый лучшій изъ сыновей Густава Вазы—Карлъ. Почти все время отъ смерти его брата до рѣшительнаго вступленія своего на престолъ подъ именемъ Карла IX, онъ съ титуломъ герцога и правителя управлялъ королевствомъ Шведскимъ, въ постоянной борьбѣ съ большими трудностями, причемъ ему приходилось воевать то съ Поляками, то съ Датчанами. Въ 1600 году государственный сеймъ, объявивъ низложеніе короля Сигизмунда, приглашалъ его дядю и государственнаго правителя быть настоящимъ королемъ; но Карлъ указалъ на принца Іоанна, тогда еще несовершеннолѣтняго младшаго брата Сигизмундова, только отъ второй жены Іоанна. Карлъ дождался, пока этотъ принцъ не дожилъ до такого возраста, когда онъ уже былъ въ правѣ или самъ надѣть королевскую корону, или сознательно отказаться отъ нея. Принцъ Іоаннъ отказался; тогда Карлъ короновался въ 1607 году. При этой коронаціи старшій сынъ его Густавъ-Адольфъ получилъ титулъ великаго князя финляндскаго. Этотъ молодой принцъ уже тогда выказывалъ необыкновенно счастливыя и драгоцѣнныя качества ума и сердца. Король Карлъ, сознавая иногда, что для осуществленія какого либо полезнаго и важнаго дѣла нужно времени больше, нежели сколько, можетъ быть, остается жить ему, старику, говаривалъ про этого своего сына: «онъ это сдѣлаетъ!»

Много хорошаго сдѣлалъ Карлъ IX для Швеціи, да много также и особенно—для Финляндіи. Народъ прозвалъ его *добрымъ королемъ* и долго съ благодарностью вспоминалъ объ этомъ «добромъ королѣ». И дворянство дало ему особое прозвище; только оно назвало его иначе, а именно — «мужицкимъ королемъ».

Никто изъ предшественниковъ Карла IX не обращалъ столько, какъ онъ, вниманія на Финляндію. Для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ края, Карлъ провелъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ, усердно занимаясь дѣлами, причемъ открылъ множество безпорядковъ и беззаконій. Съ казенными ворами у него расправа была коротка: судъ и тотчасъ висѣлица. Обращено было особое вниманіе на правильность сбора податей государственныхъ и церковныхъ. Отъ временъ католическихъ сохранился сборъ десятины, т. е. десятой части дохода; только въ старые годы вся десятина поступала въ пользу духовенства; теперь же $^2/_3$ ея было обращено на нужды государственныя и только $^1/_3$ оставлена для церкви и причта, имѣющаго кромѣ того свой земельный надѣлъ. Благодаря правильности разсчета, эта руга въ Финляндіи представляетъ и донынѣ достаточное обезпеченіе для духовенства, не ставя его въ зависимость отъ временныхъ и случайныхъ церковныхъ доходовъ. При такой обезпеченности духовенства, оно могло успѣшно заниматься наставленіемъ народнымъ. По ученію реформаторовъ, также какъ и по ученію православныхъ, церковь Христову составляютъ *всѣ* вѣрующіе во Христа, а не одно только духовенство, какъ утверждаютъ паписты, а потому для каждаго христіанина признавалось уже и тогда необходимымъ, чтобъ онъ зналъ слово Божіе; а какъ средства для такого

познанія даетъ грамотность, то духовенство и настаивало на томъ, чтобъ всѣ дѣти учились грамотѣ и читали слово Божіе. Благодаря такой настойчивой заботѣ, неослабной въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ, теперь въ Финляндіи, также какъ и въ Швеціи, всѣ грамотны, кромѣ малыхъ дѣтей.

Карлъ IX былъ современникомъ нашихъ царей Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Кто у насъ не знаетъ исторіи нашего «смутнаго времени», а также и того, какъ дѣйствовалъ тогда другъ Михаила Скопина-Шуйскаго—Яковъ Делагарди? Но, считая эти событія принадлежностію исторіи русской вообще, а не частной финляндской, обратимъ вниманіе только на значеніе этой войны для Финляндіи.

Въ четвергъ 27 февраля 1617 года, въ селѣ *Столбовѣ*, заключенъ мирный договоръ послами царя Михаила Ѳеодоровича и короля Густава II Адольфа (вступившаго на престолъ въ 1611 году); по этому договору Швеція пріобрѣла всѣ земли къ западу отъ Ладожскаго озера и къ югу отъ Финскаго залива, въ томъ числѣ и всю Неву рѣку съ ея берегами. Такимъ образомъ шведская Финляндія соединилась съ Эстляндіею, тогда уже шведскою, да такою же стала при Густавѣ-Адольфѣ и Лифляндія.

Страна на берегахъ Невы и къ западу оттуда, вдоль Финскаго залива, до рѣки Наровы, называлась Ингерманландіею и около столѣтія была подъ властію Шведовъ, хотя не сливаясь съ остальнымъ краемъ, не посылая своихъ представителей на сеймъ государственный и сохраняя, вмѣстѣ съ Эстляндіей и Лифляндіей, много особенностей. Хотя такимъ образомъ Ингерманландія и не была частію Финляндіи, но отмежеваніе ея отъ Россіи было для Финляндіи важно тѣмъ, что прикрывало ея югозападную границу, въ случаѣ войны между Швеціей и Россіей.

Густавъ-Адольфъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей: въ немъ необыкновенно свѣтлый умъ соединялся съ рѣдкою добротою и возвышенностію души.

Въ Финляндіи хранится память о подвигахъ Финляндцевъ при Густавѣ-Адольфѣ; такъ при началѣ тридцатилѣтней войны, въ Помераніи, у Демина, король, сопровождаемый только семью, десятью финскими всадниками, попалъ въ засаду, устроенную тысячею пятью стами итальянцевъ императорской арміи. Финляндцы грудью защищали своего короля, который наконецъ былъ одинъ еще нераненъ, въ ряду немногихъ уже раненыхъ и надъ грудою перебитыхъ Финновъ, когда подоспѣло двѣсти всадниковъ шведскихъ и выручило своего короля, прогнавъ засаду, оставившую на мѣстѣ не одну сотню своихъ убитыхъ.

Въ сраженіи при Брейтенфельдѣ, въ сентябрѣ 1631 года, своею блистательною побѣдою надъ непобѣдимымъ Тилли Густавъ-Адольфъ много былъ обязанъ мужеству и стойкости своихъ Финляндцевъ: ихъ конница, подъ начальствомъ Торстена Стольгандске, побѣдоносно отразила семь нападеній вчетверо многочисленнѣйшей конницы Паппенгейма, которая до того называлась непобѣдимой. Саксонцы составляли въ арміи Густава-Адольфа цѣлую треть; опрокинувъ и разсѣявъ ихъ, Тилли уже считалъ себя побѣдителемъ, но тутъ пришлось ему бороться съ шведскими и финскими полками, бывшими подъ командою финляндца Густава Хорна и удерживавшими всѣ натиски превосходныхъ силъ, пока, по распоряженію самого короля, финляндскіе всадники не захватили артиллерію непріятеля и, обративъ ея орудія противъ него самого, не доставили тѣмъ полной побѣды въ этомъ бою протестантамъ надъ католиками.

При переходѣ черезъ рѣку Лехъ въ 1632 году, 15 апрѣля, первыми были триста Финляндцевъ, и вообще Финляндцы много содѣйствовали блистательной побѣдѣ этого дня, причемъ самъ Тилли былъ смертельно раненъ.

Въ сраженіи при Люценѣ, гдѣ палъ самъ Густавъ-Адольфъ, но гдѣ его армія, мстя за смерть своего короля, вырвала побѣду изъ рукъ неодолимаго Валленштейна, Финляндцы дѣйствовали блистательно, и самъ Паппенгеймъ палъ въ борьбѣ съ Финляндцемъ Стольгандске.

Не смотря на то, что Густавъ-Адольфъ долженъ былъ посвящать много времени на войны, изъ которыхъ въ послѣдней онъ былъ защитникомъ протестантства противъ папства

однако онъ успѣвалъ заниматься и внутренними дѣлами государственными. И для Финляндіи никто изъ королей шведскихъ не сдѣлалъ такъ много хорошаго, какъ онъ, особенно если принять въ соображеніе, что къ славѣ этого государя слѣдуетъ отнести и дѣятельность тѣхъ людей, которые были имъ избраны и поставлены на дѣло государственнаго благоустроенія, хотя ихъ дѣятельность продолжалась и нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти до совершеннолѣтія его дочери и единственной наслѣдницы королевы Христины. Великіе государи умѣютъ находить себѣ и помощниковъ подходящихъ; такъ и Густавъ-Адольфъ оставилъ въ войскѣ такихъ начальниковъ, которые продолжали побѣждать непріятелей и довели войну до желаннаго мира; государству оставилъ такихъ избранныхъ имъ дѣятелей, которые умѣло и честно продолжали вести дѣла на пользу и на славу для государства и народа. Замѣчательнѣйшими изъ этихъ дѣятелей были: графы *Аксель Оксеншерна* и *Петръ-Браге* (Brahe). Послѣдній былъ правителемъ Финляндіи и оставилъ по себѣ такую память, что тамъ выраженіе «графово время» значитъ «счастливое время», а это намекъ на время графа Браге.

Установленія и законы, утвержденные Густавомъ-Адольфомъ замѣчательны своею прочностью, т. е. что они оставались удовлетворительными на долгое время — лѣтъ на сто, на полтораста и болѣе. Заботясь о правосудіи, онъ учредилъ *гофгерихты*, изъ которыхъ для Финляндіи — въ Абовѣ, гдѣ онъ и теперь находится.

По государственному строю Швеціи, а также и Финляндіи, законъ составляется по волѣ государя, предлагается обсужденію сейма, а принятый сеймомъ утверждается государемъ, и тогда уже становится закономъ. Сеймъ собирается, гдѣ государь укажетъ. По тогдашнему времени, наполненному войною, нерѣдко приходилось сеймъ государственный замѣнять земскими; такъ и случилось, что одинъ такой земскій сеймъ засѣдалъ въ Гельсингфорсѣ, одобрилъ данныя ему предложенія, которыя были утверждены королемъ; этотъ финляндскій сеймъ сообщилъ о томъ земствамъ въ Швеціи, приглашая ихъ также одобрить эти постановленія и, согласно съ однимъ изъ нихъ, производить сборы для увеличенія доходовъ казны, нуждавшейся въ денежныхъ средствахъ.

Никто изъ королей шведскихъ не занимался такъ усердно дѣлами Финляндіи, какъ Густавъ-Адольфъ, сдѣлавшій для нея много добра. Неизвѣстно, могъ ли онъ самъ говорить по-фински; но при немъ находился особый статсъ-секретарь финляндскій, владѣвшій и финскимъ языкомъ; такимъ образомъ голосъ финскаго народа могъ доходить и доходилъ до государя и бывалъ внимаемъ.

По тогдашнему обычаю—съ пожалованіемъ новыхъ титуловъ давать и новыя фамиліи, между финляндскимъ дворянствомъ встрѣчается много фамилій шведскихъ, хотя эти люди, получавшіе дворянскую фамилію, и не были Шведами, а настоящими Финнами.

Побѣдоносныя войны того времени представляли много случаевъ выслуживаться храбростью и распорядительностію — получать чины, почетныя званія и дарованныя земли, жители которыхъ освобождались отъ части повинностей государственныхъ, а въ замѣнъ того налагались на нихъ новыя повинности въ пользу ихъ землевладѣльца. Впрочемъ еще при Карлѣ IX состоялся законъ, что казенныя населенныя земли могутъ быть королемъ раздаваемы кому онъ пожелаетъ, но съ тѣмъ, что такой даръ имѣетъ силу лишь на время, пока тотъ король царствуетъ; преемникъ же его воленъ утвердить прежній даръ, или отмѣнить, прекратить его, чѣмъ въ свое время правительство шведское и пользовалось.

Въ войскѣ Густава-Адольфа, со славою участвовавшемъ въ такъ называемой тридцатилѣтней войнѣ, чуть ли не половина состояла изъ уроженцевъ Финляндіи, и непріятели боялись этихъ *хака-пеяле*, какъ прозвали ихъ Нѣмцы за ихъ крикъ, съ которымъ они кидались въ рукопашную: hakkaa päälle по-фински значитъ «руби!» и грозно звучало оно на поляхъ битвъ въ такихъ же случаяхъ, какъ теперь въ нашемъ русскомъ войскѣ раздается крикъ «ура!» при ударѣ въ штыки. Такимъ образомъ военная слава Швеціи нераздѣльно распространялась и на

Финляндію. Царствованіе Густава-Адольфа и дѣятельность его избранниковъ, какъ при немъ, такъ и въ малолѣтство его дочери и преемницы Христины, доставили Финляндцамъ не только воинскую славу, но и болѣе прочные плоды народнаго просвѣщенія: при немъ учрежденъ университетъ въ «графово время», въ 1640 году, въ Финляндіи, въ городѣ Або. Этотъ университетъ, нынѣ извѣстный подъ именемъ Александровскаго, былъ перенесенъ въ Гельсингфорсъ послѣ пожара, которымъ въ 1827 году былъ истребленъ чуть не весь городъ Або. Въ эти почти два съ половиною вѣка своего существованія университетъ, состоящій изъ пяти факультетовъ (въ томъ числѣ богословскій и медицинскій), образовалъ много достойныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ жизни общественной и народной.

Учрежденіе университета произошло во время малолѣтства королевы Христины. Она осиротѣла пятилѣтнею. Воспитаніе ее было тщательное, такъ что она удивляла обширностью своихъ познаній. Семнадцати лѣтъ отъ роду она короновалась; думали, что она выйдетъ замужъ за своего двоюроднаго брата, Карла, отлично дѣйствовавшаго въ арміи Торстенсона (въ 30-тилѣтней войнѣ), впрочемъ выросшаго и жившаго въ Стокгольмѣ; но Христина совсѣмъ не пожелала выходить замужъ, а царствовала сама, при содѣйствіи тѣхъ лицъ, которыя были правителями во время ея малолѣтства. Такимъ образомъ продолжалось рѣшительное преобладаніе дворянства надъ другими сословіями въ государствѣ. Въ то же время это дворянство, предводительствуя на войнѣ въ Германіи, одерживало побѣды, доставляло государству и славу и выгоды, доставило наконецъ и новыя владѣнія, которыя и принадлежали Швеціи до войны ея съ Наполеономъ I, а теперь подъ именемъ Помераніи входятъ въ составъ королевства Прусскаго. За подвиги естественно было награждать; а молодой королевѣ льстило, что она можетъ по своему благоусмотрѣнію возводить въ достоинства, — дѣлать и дворянъ, и бароновъ и графовъ. Такимъ образомъ многіе изъ достойнѣйшихъ людей, родомъ изъ сословія крестьянъ или горожанъ, ставши дворянами, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонниками ихъ новаго сословія; а черезъ то усиливалось преобладаніе аристократіи. Кромѣ того королева раздавала не только достоинства, но и земли. Особенно много такихъ пожалованій сдѣлано было въ Финляндіи, гдѣ къ концу правленія Христины двѣ трети казенныхъ земель были раздарены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часть доходовъ казны съ этихъ земель перешла къ ихъ новымъ владѣльцамъ. Доходы казны, уменьшенные такимъ образомъ, приходилось наверстывать увеличеніемъ разныхъ сборовъ. Очевидно, что отъ этой королевиной щедрости происходило обремененіе для всего народа, т. е. не только для тѣхъ, кто, по мѣсту жительства, подчинялся владѣльцу, но и для всѣхъ прочихъ отъ увеличенія налоговъ. Потому-то, не смотря на славу царствованія королевы Христины, неудовольствіе въ народѣ возрастало. Десять лѣтъ сама она управляла государствомъ. Наконецъ, въ 1654 году, собравши государственный сеймъ, она торжественно отреклась отъ власти и короны въ пользу своего двоюроднаго брата Карла и въ слѣдъ за тѣмъ уѣхала въ Римъ, гдѣ и прожила еще тридцать пять лѣтъ, до своей смерти получая изъ Швеціи опредѣленную сумму на прожитіе.

Карлъ X, вступивши на престолъ на 31-мъ году своей жизни, обладалъ и умомъ, и силою воли, и знаніемъ нуждъ народа и государства Шведскаго. Первою заботою его было исправить тяжелыя послѣдствія чрезмѣрной щедрости королевиной, и тотчасъ же, на первомъ сеймѣ поднятъ былъ вопросъ о «редукціи», т. е. о «возвратѣ» пожалованныхъ государственныхъ имуществъ, которыя, по закону, новый государь могъ возвращать изъ частной собственности въ казенную. Но не суждено ему было осуществить это дѣло: война тому помѣшала, а длилась война во все шестилѣтнее царствованіе Карла X. Польскимъ королемъ былъ Янъ Казиміръ, сынъ Сигизмунда, братъ Владислава, тогда уже умершаго. Этотъ Янъ-Казиміръ, какъ только извѣстился объ отказѣ Христины отъ престола, назвалъ себя королемъ шведскимъ и заявилъ желаніе воспользоваться своими наслѣдственными правами на шведскій престолъ. Вслѣдствіе того началась война между Яномъ-Казиміромъ и Карломъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда Ма-

лороссія, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, отдѣлилась отъ Польши; а русскій царь Алексѣй Михайловичъ, принимая Малороссію подъ свое покровительство, отвоевалъ Смоленскъ и другія земли, отошедшія къ Польшѣ во время нашего смутнаго времени. Карлъ X обладалъ качествами хорошаго полководца; онъ побѣдилъ польскія войска, занялъ города Познань, Варшаву и Краковъ и объявилъ Яна низложеннымъ. Тутъ союзникомъ послѣдняго явился король датскій. Карлъ X самъ, зимою, по льду, повелъ свои войска противъ новаго противника и у стѣнъ Копенгагена принудилъ его къ миру, по которому Швеція прочно пріобрѣла южную часть Скандинавскаго полуострова, населенную также тогда какъ и теперь Шведами, но принадлежавшую до тѣхъ поръ датской коронѣ. Это было важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, какое Швеція когда либо сдѣлала. Но за волною блистательныхъ успѣховъ Карла X послѣдовалъ отливъ счастія: возникло множество затрудненій. Царь Алексѣй Михайловичъ заключилъ съ Яномъ-Казиміромъ не только миръ, но и союзъ: уже при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, онъ назвалъ себя «наслѣдникомъ» владѣній своихъ предковъ; часть этихъ владѣній, бывшихъ подъ властію Польши, царю удалось уже возсоединить съ его царскою Россіей; затѣмъ очередь была за землями, отошедшими къ Швеціи. Такимъ образомъ Финляндія опять сдѣлалась театромъ войны, которая съ обѣихъ сторонъ была ведена жестоко.

Пріобрѣтя по Столбовскому договору Кексгольмскую область съ Ингерманландіей, Шведы, для упроченія тутъ своей державы, старались объ обращеніи жителей того края изъ православія въ лютеранство, но эти старанія оставались безуспѣшными. Какъ только теперь началась война между Русскими и Шведами, многіе изъ православныхъ Финновъ принимали сторону своихъ единовѣрцовъ, за что Шведы называли ихъ измѣнниками. Финны-лютеране принялись тутъ истреблять Финновъ-православныхъ, а эти послѣдніе отвѣчали имъ тѣмъ же. Такимъ образомъ особенно пострадала Кексгольмская область, почти совершенно опустошенная во время войны. По заключеніи мира она осталась за Швеціею, и пустопорожнія земли заняты переселенцами съ запада, людьми того же языка, но другой вѣры. Такимъ образомъ православіе въ Кексгольмской области уступило мѣсто лютеранству. Многіе изъ православныхъ Финновъ выселились изъ своей разоренной родины въ Россію; такъ возникли карельскія деревни среди деревень русскихъ, и далеко отъ границъ Финляндіи, напр. въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Калужской. Впрочемъ на этотъ разъ большая часть Финляндіи не тронута была войною, которая особенно сильно кипѣла тогда въ предѣлахъ Лифляндіи, гдѣ финскіе полки защищали шведское владычество въ томъ краю.

Успѣхи Карла X въ его войнахъ, въ Польшѣ и въ Даніи, возбудили противъ него разнообразныхъ противниковъ. Такъ составился противъ него союзъ шести государствъ: Россіи, Польши, Бранденбурга (нынѣ Пруссія), Австріи, Даніи и Голландіи. Положеніе было тяжелое! Король созвалъ и открылъ сеймъ; но не суждено ему было руководить его совѣщаніями; болѣзнь черезъ нѣсколько дней свела Карла X въ могилу въ 1660 году. Преемникомъ ему провозглашенъ четырехлѣтній сынъ его Карлъ XI, подъ опекою своей матери и пятерыхъ опекуновъ. Этому правительству удалось вскорѣ заключить миръ со всѣми противниками Швеціи и доставить ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Финляндіи, годы мира. Но вмѣстѣ съ тѣмъ длилось и крѣпло преобладаніе дворянства надъ другими сословіями.

При этомъ дворянскомъ правленіи *редукція* производилась такъ вяло, что даже не окупались расходы на содержаніе редукціонной коммиссіи; кромѣ того нѣсколько разъ повторялись заявленія правительства, что впредь казенныя земли не будутъ уступаемы въ частную собственность; такія заявленія признавались нужными, чтобъ утишить ропотъ по поводу новыхъ раздачъ казенной земли.

Когда Карлу XI исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и самъ вступилъ въ управленіе государствомъ, но первое время больше по имени только; король былъ еще очень молодъ и прежніе правители продолжали руководить всѣмъ, хоть и не

назывались болѣе опекунами. Карлъ X въ своемъ завѣщаніи назначилъ вдовствующую королеву предсѣдательницею опеки надъ королемъ до его совершеннолѣтія; а въ числѣ членовъ опеки— роднаго брата своего, герцога Адольфа и стараго Германа Флеминга, непреклоннаго Финляндца, къ которому Карлъ X питалъ полнѣйшее довѣріе. Но другіе члены опеки съумѣли оттереть этихъ двухъ человѣкъ; а ка́къ они управляли сами — это обнаружилось тотчасъ по вступленіи молодаго короля въ управленіе государствомъ: онъ засталъ Швецію готовою вступить въ войну противъ Германіи, Голландіи и Даніи — въ качествѣ союзника Франціи, гдѣ царствовалъ тогда Людовикъ XIV. И сухопутныя и морскія силы Швеціи оказались въ самомъ плохомъ состояніи и терпѣли много пораженій, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начальствовалъ самъ молодой король, доказавшій, что онъ умѣетъ побѣждать. Наконецъ война кончилась миромъ, по которому Швеція ничего не потеряла, сохранила всѣ свои владѣнія, но ничего и не пріобрѣла, кромѣ развѣ того, что успѣла оцѣнить и полюбить своего молодаго короля; вслѣдствіе чего, стараніями преимущественно трехъ сословій: духовенства, горожанъ и крестьянъ, при разрозненности въ самомъ дворянскомъ сословіи, произошла такая перемѣна въ образѣ правленія, что король сдѣлался почти самодержавнымъ государемъ; и Карлъ XI сумѣлъ употребить свое самодержавіе на пользу государства.

Въ семнадцать лѣтъ этого самодержавья совершены важныя и прочныя улучшенія, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, по всѣмъ отраслямъ управленія. Однимъ изъ важнѣйшихъ такихъ дѣлъ была редукція, которая въ теченіе восьми лѣтъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого короля, была произведена вполнѣ успѣшно и повсемѣстно: не только въ Швеціи и Финляндіи, но также въ Помераніи, Ингерманландіи, Эстляндіи и Лифляндіи.

Отчасти вслѣдствіе редукціи, увеличившей государственные доходы, отчасти благодаря бережливости короля, финансы государственные изъ разстроеннаго состоянія, въ какомъ они были во время опеки, пришли въ образцовое, цвѣтущее: не только весь государственный долгъ былъ уплаченъ, не только денегъ было довольно для нуждъ государственныхъ, но еще образовался изъ остатковъ запасный капиталъ въ три съ половиною милліона далеровъ, что̀, принимая въ соображеніе тогдашнія цѣны на все, соотвѣтствуетъ для нынѣшняго времени капиталу въ пятьдесятъ милліоновъ рублей. А въ Стокгольмѣ былъ уже тогда и государственный банкъ, по времени первый изъ государственныхъ банковъ въ Европѣ, учрежденный десятью годами ранѣе англійскаго банка въ Лондонѣ.

Вообще тогдашнее финансовое управленіе въ Шведскомъ королевствѣ было образцовымъ. Къ числу его отличій, достойныхъ подражанія, принадлежатъ *разверстные оклады*, какъ прямыхъ государственныхъ налоговъ, такъ и жалованья служащимъ всѣхъ вѣдомствъ. Задача, достигаемая разверстными окладами, заключается въ томъ, чтобы оградить и государство и общественныхъ дѣятелей отъ неудобствъ, проистекающихъ вслѣдствіе измѣнчивости цѣнъ. Эта задача такимъ способомъ разрѣшается вполнѣ удачно, да иначе едва-ли и разрѣшима. Въ Финляндіи устройство это существуетъ и теперь, получивъ окончательное выраженіе въ 1840 году, когда установленъ *разверстный рубль*, замѣненный впослѣдствіи разверстною маркою. Вотъ ка̀къ опредѣляется этотъ разверстный рубль.

Во всѣхъ городахъ особенные представители земства и правительства каждую недѣлю записываютъ бывшія цѣны предметовъ, перечисленныхъ въ особой, закономъ установленной, таблицѣ, въ опредѣленныхъ количествахъ, напр. такъ: пудъ ржаной муки, пудъ овса, пудъ сѣна, фунтъ коровьяго масла и пр., плата за день поденщику пѣшему, за день конному и т. д., включая и цѣну металловъ — серебра, желѣза и другихъ. Такія таблицы рыночныхъ цѣнъ по каждой мѣстности за цѣлый годъ подвергаются математическому разсчету, которымъ и выводится на тотъ годъ и для того мѣста разверстная цѣна господствующей монетной единицы: далера, рубля или марки. Средняя цѣна всѣхъ мѣстностей служитъ матеріаломъ для опредѣленія средней цѣны цѣлаго края. Замѣчено, что вездѣ одни предметы дорожаютъ, другіе дешевѣютъ отъ

разныхъ естественныхъ причинъ. Деньги принадлежатъ къ числу тѣхъ предметовъ, которые постоянно дешевѣютъ, частію вслѣдствіе того, что количество денежныхъ знаковъ увеличивается, частію же отъ того, что обмѣнъ всѣхъ товаровъ производится все скорѣе да скорѣе. Изъ этихъ причинъ, почему деньги дешевѣютъ, явствуетъ, что въ этомъ нѣтъ никакого худа, что это естественный ходъ жизни. Выходитъ же отъ этого худо лишь для тѣхъ, кто получаетъ жалованье или пенсію по окладу, давно опредѣленному на ходячую монету; а чей окладъ опредѣленъ разверстно, тотъ получитъ, напр. полтораста рублей вмѣсто прежнихъ ста, если разверстный рубль сдѣлался на 50 копѣекъ дороже рубля въ ходячей монетѣ. Упадокъ цѣны деньгамъ, хоть происходитъ и постоянно, но неравномѣрно, а въ одинъ годъ больше, въ другой меньше. Что-бы оградить *податной*, или *окладной*, иначе — *разверстный рубль* отъ колебаній, цѣна ему на каждый наступающій годъ выводится изъ цѣны за истекшее десятилѣтіе, въ которомъ, при разсчетѣ, откидывается устарѣвшій годъ, прибавляется на мѣсто его новый и получается новое десятилѣтіе на мѣсто отслужившаго свои сроки. Въ опредѣленіи цѣны разверстнаго рубля участвуютъ представители какъ платящихъ подати, такъ и получающихъ оклады, а повѣрку можетъ произвести каждый, кто умѣетъ считать; и такъ можно быть увѣреннымъ, что цѣна разверстныхъ денегъ опредѣляется вѣрно: если для получателей оклада выгоднѣе, чтобъ разверстный рубль былъ дороже, за то для плательщиковъ подати выгоднѣе, чтобъ онъ былъ дешевле; очевидно, что обѣ стороны могутъ преклоняться только передъ истиной, а она-то и желательна и искома.

Другой видъ разверстки представляетъ *разверстное войско* — indelta militären, которое теперь въ Финляндіи называется по-русски *поселеннымъ войскомъ*, а по-шведски разверстнымъ. Это учрежденіе въ Финляндіи лишь въ 1878 году измѣнено, а касательно тѣхъ временъ достойно замѣчанія, что сынъ и преемникъ этого короля Карлъ XII-й блескомъ своихъ громкихъ побѣдъ былъ много обязанъ прекрасному устройству государственныхъ и земскихъ войскъ, бывшему плодомъ мудрой заботливости Карла XI-го.

Доставивъ государству долговременный миръ, этотъ король далъ тѣмъ самымъ своему народу возможность пользоваться плодами труда и мирной дѣятельности. Но нельзя обвинять его въ недостаткѣ предусмотрительности за то, что бѣдствія неурожая не меньшаго, а кажется, гораздо бо́льшаго, нежели бывшій въ наше время, застали край неготовымъ для борьбы съ такимъ ужаснымъ несчастіемъ. Послѣ пяти лѣтъ хорошихъ урожаевъ и обилія во всемъ выдались два лѣта, въ которыя необыкновенно неблагопріятныя погоды произвели въ Финляндіи совершенный голодъ.

1696 годъ былъ въ Финляндіи совсѣмъ отличенъ отъ другихъ: уже въ февралѣ было такъ тепло, что рѣки и озера вскрылись; начали прилетать ласточки и другія перелетныя птицы; многіе изъ поселянъ уже посѣяли было яровое: казалось, что зимы не будетъ! Но съ 7 марта ударили морозы, вскорѣ санная ѣзда установилась не только на дорогахъ, но и на водахъ рѣкъ, озеръ и даже моря. Долгіе холода весенніе смѣнились дождями, холодами и морозами лѣтними, такъ что, когда настала ранняя суровая осень, то у Финляндцевъ не было никакихъ запасовъ для пищи ни людямъ, ни животнымъ. Голодъ напалъ не только на людей, но и на дикихъ звѣрей: гонимые голодомъ волки, крысы и мыши съ необыкновенною дерзостью врывались въ деревни и города̀, пожирая все, что могли захватить. Изголодалые пѣтухи перестали пѣть! Люди ѣли все, что могли найти съѣстного: кору деревьевъ, остатки соломы, всякихъ животныхъ, не брезгая и падалью. Счастливъ былъ, кто могъ наловить столько рыбы, чтобы ею утолять свой голодъ. Суда, везшія хлѣбъ изъ Швеціи въ Финляндію, были потоплены бурею, а въ слѣдъ затѣмъ замерзло море. Толпы голодныхъ людей бродили по краю, искали помощи и не знали, гдѣ найти ее; многіе умирали отъ голода; трупы человѣческіе валялись по дорогамъ. Иные голодавшіе добрели до границы и ушли въ Россію. Такимъ образомъ отъ этого страшнаго голода Финляндія потеряла цѣлую четверть своего населенія—до ста пятиде-

сяти тысячъ человѣкъ. Свѣдѣнія объ этомъ ужасномъ бѣдствіи застали короля на одрѣ тяжкой болѣзни и содѣйствовали тому, что онъ не выздоровѣлъ, а скончался въ 1697 году, оставивъ престолъ своему тогда пятнадцати-лѣтнему сыну Карлу XII.

Первые три года своего самодержавнаго царствованія Карлъ XII совсѣмъ не занимался дѣлами государственными, а былъ страстнымъ охотникомъ. Весною 1700 года онъ возвращался съ четырнадцатью медвѣдями, изловленными живьемъ и связанными, и былъ встрѣченъ вѣстью, что три сосѣдніе государя, русскій царь Петръ и два короля — польскій и датскій, союзно объявили ему войну, требуя каждый себѣ земель, прежде принадлежавшихъ ихъ предкамъ. Съ этой минуты Карлъ XII пересталъ ребячиться, и вскорѣ Европа заговорила объ немъ, какъ о великомъ полководцѣ и могущественномъ королѣ.

Рѣшительная его побѣда при Нарвѣ, прославивъ имя Карла XII-го, была для него роковою тѣмъ, что внушила ему невѣрный взглядъ на русское войско и на царя Петра Великаго: Карлъ XII-й цѣлыхъ восемь лѣтъ употребилъ на войну въ Польшѣ и Саксоніи; хоть эта война его тамъ и доставила ему славу побѣдителя и наконецъ полное торжество, но въ то же время Петръ устроилъ свое войско, Русскіе научились побѣждать и 1709 года 27 іюня, въ понедѣльникъ, хорошо отблагодарили за урокъ, данный имъ подъ Нарвою: изъ 18,400 Шведовъ и Финновъ, въ тотъ день вступившихъ въ бой полтавскій, только 1,500 человѣкъ перешли со своимъ королемъ въ турецкія владѣнія; остальные или пали въ бою, или потомъ сдались въ плѣнъ.

До побѣды подъ Полтавой Петръ I относительно Финляндіи довольствовался возвращеніемъ къ Россіи береговъ Невы, такъ называемой Ингерманландіи. Въ знакъ того, что это возвращеніе окончательно, безповоротно, Петръ I уже 16 мая 1703 года основалъ Петербургъ и рѣшилъ перенести сюда свою столицу изъ Москвы; а вслѣдъ за тѣмъ — при входѣ въ устья Невы заложилъ крѣпость Кронштадтъ. Финляндскіе полки находились частію въ арміи короля, большею частію въ Эстляндіи и Лифляндіи и небольшіе остатки въ самой Финляндіи. Въ 1708 году было приказано финляндскій отрядъ пополнить четырнадцатью тысячами новобранцевъ; но прежними наборами было уже взято столько людей, что невозможно было набрать предписанное число. Такимъ образомъ русское войско явилось въ превосходномъ числѣ, и сами Шведы замѣчали, что оно и воюетъ-то не попрежнему, да и стройнымъ видомъ своимъ не уступаетъ шведскому. Кромѣ того измѣнился и самый видъ войны: войско шло не за тѣмъ, чтобъ разорять и опустошать край, а затѣмъ, чтобъ забирать его.

Въ 1710 году самъ Петръ началъ 22 марта осаду города Выборга и окончилъ ее 10 іюня прочнымъ занятіемъ его и присоединеніемъ къ Россіи; остатки гарнизона и многіе изъ горожанъ были до заключенія мира уведены въ глубь Россіи, въ качествѣ военноплѣнныхъ. Тогда этихъ плѣнныхъ уже было много тысячъ въ Россіи; но съ ними обращались не попрежнему и большая часть изъ нихъ впослѣдствіи воротилась домой изъ далекой чужбины, съ разсказами о славномъ королѣ Карлѣ и объ удивительномъ царѣ Петрѣ.

Въ 1711 году Петръ воевалъ съ Турками на Прутѣ; въ Финляндіи и въ Швеціи была чума, истребившая нѣкоторые приходы почти до послѣдняго человѣка; въ главномъ городѣ края, въ Або, изъ шести тысячъ всѣхъ жителей умерло двѣ тысячи человѣкъ. Въ слѣдовавшіе за тѣмъ три года вся южная Финляндія была занята Русскими. Въ февралѣ 1714 года князь Голицынъ съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Армфельтомъ, у котораго подъ командою было менѣе шести тысячъ. Послѣ того слабые остатки финляндскихъ полковъ еще геройствовали и гибли въ Норвегіи, но въ самой Финляндіи продолжалась только партизанская война, преимущественно на сѣверѣ, гдѣ въ февралѣ 1716 взята Русскими, послѣ упорной, славной защиты, послѣдняя изъ тогдашнихъ шведскихъ крѣпостей въ Финляндіи, Каяна, развалины которой еще видны и теперь.

Занявъ весь край, Русскіе управляли имъ какъ своимъ. Генералъ-губернаторомъ былъ князь Голицынъ, проживавшій въ городѣ Або. Въ Финляндіи объ немъ сохранилась память

не только какъ о генералѣ, умѣвшемъ побѣждать, но и какъ о правителѣ справедливомъ и добромъ, умѣвшемъ и побѣжденному народу внушить къ себѣ любовь. Тѣмъ не менѣе это было для Финляндіи чрезвычайно тяжелое время; и внутри края не вездѣ было мирно и тихо: по-временамъ толпы людей, собранные какимъ нибудь удальцомъ, думали, что помогутъ своему королю въ его войнѣ, если будутъ тревожить русское войско, стоящее въ ихъ краю; земляки, разумѣется, помогали своимъ, а Русскіе за то наказывали, какъ за бунтъ, и кровь лилась, и число военноплѣнныхъ увеличивалось. Карлъ XII сначала изъ Польши, потомъ изъ Бендеръ (въ Турціи) повелѣвалъ своимъ подданнымъ, чтобъ они выселялись въ Швецію изъ тѣхъ земель, которыя будутъ заняты непріятелемъ. Это повелѣніе было исполнено многими, особенно у кого только были средства для отъѣзда. Долго по Финляндіи тянулись обозы бѣгунцовъ на сѣверъ, въ обходъ Ботническаго залива, въ Швецію; другіе туда же отправлялись на судахъ и лодкахъ: кто только могъ — бѣжали, гонимые страхомъ отъ нашествія иноплеменниковъ, кто куда поспѣвалъ, многіе внутрь края, въ пустынные лѣса, гдѣ нерѣдко гибли отъ холода, отъ голода и отъ болѣзней. Въ краю, и прежде того не густо населенномъ, послѣ губительной чумы, послѣ многихъ лѣтъ войны, неудивительно, что цѣлые приходы оставались долго безъ всякихъ жителей, совсѣмъ опустѣлыми.

Въ 1718 г. Карлъ XII убитъ. Онъ не былъ женатъ; наслѣдницей его была сестра его Ульрика Элеонора, которая и провозглашена королевой; но она тотчасъ-же уступила свои права своему мужу Фридриху, который и царствовалъ, но не пользуясь самодержавною властію, какая была у Карла, а съ властію весьма ограниченною народными представителями. Новому правительству не хотѣлось заключать миръ на тяжелыхъ условіяхъ, какія ставилъ Петръ I-й, а потому война продолжалась уже въ предѣлахъ собственной Швеціи, пока не заключенъ Ништадскій миръ, въ среду, 30 августа 1721 года, по которому Россія пріобрѣла отъ Швеціи: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, Выборгъ и большую часть Выборгской губерніи, со всѣми берегами Ладожскаго озера. Остальная Финляндія въ томъ же году возвращена подъ власть Шведовъ.

Въ Швеціи въ то время, при весьма ограниченной власти короля, дѣйствительнымъ правителемъ государства въ семнадцатилѣтіе, отъ 1721 до 1738 года, былъ предсѣдатель государственнаго совѣта Финляндецъ Арвидъ Горнъ (Хорнъ), изъ того же рода, къ которому принадлежали оба Хорна, бывшіе замѣчательнѣйшими генералами во время Густава-Адольфа. Этотъ Арвидъ Хорнъ, окончивъ курсъ наукъ въ Абовскомъ университетѣ, изучалъ военное искусство на войнѣ противъ Турокъ; а когда, воротившись оттуда, былъ въ 1696 году въ городѣ Упсалѣ, то случилось, что лошади, запряженныя въ экипажъ, везшій королеву, мать Карла XI-го, понесли. Хорнъ верхомъ поскакалъ прямо на нихъ такъ, что и конь подъ нимъ и лошади въ экипажѣ королевы, столкнувшись, упали. Этотъ случай обратилъ вниманіе короля Карла XI-го на удалаго Финляндца. Потомъ, когда Карлъ XII-й взялъ Варшаву, то назначилъ въ ней губернаторомъ храбрѣйшаго изъ своихъ драбантовъ, этого Арвида Хорна, который, не одобряя того, что король воюетъ на чужбинѣ, тогда какъ Русскіе забираютъ его собственныя владѣнія, просился на родину и посланъ былъ въ Стокгольмъ засѣдать въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ онъ и былъ потомъ предсѣдателемъ, и въ теченіе семнадцати лѣтъ почти что правителемъ королевства. Въ это время издано въ 1734 году по-шведски, а послѣ того, въ 1759 году, и по-фински — уложеніе законовъ, которое въ Финляндіи и до нынѣ дѣйствуетъ.

Съ осени 1721 до осени 1722 года совершалось возвращеніе Финляндцевъ на родину: одни возвращались изъ Россіи, гдѣ они были долго военноплѣнными, другіе изъ Швеціи, куда передъ тѣмъ удалялись отъ войны. Возвращаясь на свое пепелище, они вновь заселяли свою родину. Къ счастію долгіе годы мира дали возможность опустошенному краю обстроиться и завестись хозяйствомъ. Замѣчено было необыкновенно быстрое возрастаніе числа жителей и успѣхи народнаго благосостоянія.

Такъ было не только въ Финляндіи, но и въ Швеціи. При этомъ стало понемногу увеличиваться число людей, не только сожалѣвшихъ о прежней славѣ Швеціи, но и мечтавшихъ о возвращеніи утраченнаго. Эти пылкіе мечтатели между народными представителями образовали особую партію, которую прозвали *шляпами*, назвавши противную имъ партію сначала «колпаками», потомъ *шапками*. Борьба между «шляпами» и «шапками» долгое время оказывала сильное вліяніе на судьбы Швеціи, и тогда неразрывной съ нею Финляндіи. Почти всѣ Финляндцы и большая часть простаго народа въ Швеціи принадлежали къ «шапкамъ», къ этой же народной партіи принадлежалъ и первый человѣкъ въ государствѣ — Арвидъ Хорнъ. Но когда ему уже было за семьдесятъ лѣтъ, то онъ, удалившись отъ дѣлъ, уѣхалъ въ свою Финляндію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Въ 1741 году торжествующая партія «шляпъ» затѣяла войну съ Россіей, гдѣ тогда вступила на престолъ Елисавета Петровна.

Въ первый годъ войны шведско-финское войско было разбито у Вильманстранда, причемъ и самый городъ взятъ. Затѣмъ императрица предлагала Финляндцамъ образовать отдѣльное отъ Швеціи финское государство подъ покровительствомъ Россіи. Въ слѣдъ за этимъ предложеніемъ русское войско двинулось къ западу отъ Выборга, гонясь за быстро отступавшимъ шведскимъ войскомъ, которое было обойдено русскимъ, и тогда въ Гельсингфорсѣ 16,000 Шведовъ и Финновъ безъ боя положили оружіе передъ 22,000 Русскихъ. Военноплѣнные Шведы были обезоружены и отправлены въ Швецію, а Финляндцы распущены по домамъ. Всѣ боевые снаряды достались Русскимъ, которые вскорѣ сдѣлались повелителями края и приводили народъ къ присягѣ на вѣрность государынѣ Елисаветѣ. Тогда Финляндія не была вся присоединена къ Россіи только потому, что въ 1743 году шведскіе государственные чины избрали себѣ въ будущіе короли, а тогда овдовѣвшему королю Фредрику I въ преемники, *Адольфа Голштейнъ-Готторпскаго*, по матери своей роднаго племянника Императрицы, которая другаго своего племянника, тоже Голштейнъ-Готторпскаго принца объявила своимъ преемникомъ, подъ именемъ Петра Ѳедоровича. Въ виду такого самаго близкаго родства двухъ будущихъ государей русскаго и шведскаго, Елисавета Петровна присоединила къ Россіи только западную часть нынѣшней Выборгской да юговосточную часть Микельской губерніи — города: Фредрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ съ окрестностями, остальную же Финляндію возвратила Швеціи. Благодаря легкому занятію края да мыслямъ о его прочномъ присоединеніи къ Россіи, война была ведена пощадно, и край немного въ этотъ разъ пострадалъ отъ войны.

Оба Голштейнъ-Готторпскіе принца, по матери своей внуки Петра Великаго, были во многомъ сходны: оба были характера слабаго и не богаты умственными способностями, но у обоихъ были жены умныя и властолюбивыя: у младшаго Екатерина Алексѣевна Альгальтъ-Цербстская, у старшаго — сестра Фридриха II, Луиза (по-шведски Ловиса) Ульрика Прусская. Въ 1751 году мужъ ея Адольфъ-Фредрикъ сдѣлался королемъ шведскимъ и царствовалъ двадцать лѣтъ; но къ огорченію своей супруги онъ мало пользовался своею властію, уступая во всемъ то представителямъ народнымъ, то своимъ министрамъ. Душевно добрый человѣкъ, этотъ король, на другой годъ по своемъ вступленіи на престолъ, обрадовалъ Финляндцевъ тѣмъ, что лично посѣтилъ и объѣхалъ ихъ край, чего не дѣлалъ никто изъ королей послѣ Густава-Адольфа.

При немъ учреждены земскіе хлѣбные магазины, начали расчищать пороги для судоходства по рѣкамъ, осушали болота, основаны плавильные и желѣзо-прокатные заводы, учреждались аптеки и лазареты, назначены провинціальные лекаря; съ 1749 года началось правильное народосчисленіе, по которому тогда оказалось во всей шведской Финляндіи 420,000 жителей обоего пола. Съ 1753 года введенъ новый стиль, представляющій исправленіе неточностей древняго календаря, установленнаго почти за полвѣка до Рождества Христова въ Римѣ, при Юліи Кесарѣ и за то называемаго Юліянскимъ. Образованность сдѣлала замѣтные успѣхи, въ Або напечатано не мало сочиненій по исторіи, естествовѣдѣнію и сельскому хозяйству, для ко-

тораго въ абовскомъ университетѣ была учреждена особая каѳедра: то было время полезности, какъ его прозывали, т. е. время, когда первою была забота объ общей пользѣ; съ этою цѣлію расширены были съ 1765 г. торговыя права многихъ городовъ въ Финляндіи, а съ 1766 г. учреждена свобода печати, какъ основной государственный законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ религіозной свободы совѣсти, важнѣйшее изъ правъ — право свободнаго слова, подъ условіемъ отвѣтственности передъ судомъ. Этими льготами Швеція и Финляндія обязаны были преобладанію «шапокъ», которое ихъ сторона пріобрѣла послѣ того, какъ война, затѣянная «шляпами» противъ брата королевы Фридриха II, неудачно веденная въ Помераніи, принадлежавшей тогда шведамъ, окончена въ 1762 году миромъ, по которому хотя Швеція и ничего не потеряла, но представлялась до того слабою, что тогдашніе политики разсуждали даже о томъ, не лучше ли такое королевство подѣлить между сосѣдями? Единственнымъ добромъ отъ этой войны для Финляндіи было то, что войско, возвращаясь изъ Помераніи домой, привезло съ собою картофель, который съ тѣхъ поръ и началъ распространяться въ народѣ, какъ выгодная замѣна рѣпы. Вмѣстѣ съ картофелемъ тогда же явились еще двѣ новости: чай и кофе.

По смерти короля Адольфа, на шведскій престолъ вступилъ молодой сынъ его *Густавъ III*, въ 1771 году. Въ полвѣка, протекшіе отъ Карла XII до Густава III, власть короля шведскаго была такъ сильно ограничена, что правленіе болѣе походило на республиканское, нежели на монархическое. Сначала, пока вліятельнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ былъ Арвидъ Хорнъ, правленіе было дѣйствительно народнымъ, но послѣ того, какъ пошли споры да крамолы между «шляпами» и «шапками», случалось нерѣдко, что для выгодъ своей стороны жертвовали выгодою общею, государственною, отчего приходилось терпѣть очень многимъ. Молодой король Густавъ соединялъ въ себѣ хорошія качества своего добраго отца и умной матери. Всѣми любимый, онъ, въ сознаніи своихъ душевныхъ силъ, не захотѣлъ долго выносить такихъ порядковъ, какіе, продержавшись слишкомъ долго въ Польшѣ, способствовали потомъ ея паденію, а въ то время грозили уже опасностію и Швеціи.

Въ 1772 году, послѣ того, какъ государственный сеймъ потратилъ очень много времени на безплодныя словопренія, Густавъ выѣхалъ верхомъ изъ дворца на стокгольмскую площадь, гдѣ собралось много народа, и объявилъ собравшимся о своемъ намѣреніи спасти государство отъ неурядицы, принялъ отъ нихъ клятву на вѣрность, окружилъ собраніе четырехъ сословій войскомъ, самъ вошелъ въ него и предложилъ ему новый уставъ правленія Шведскимъ государствомъ. На третій день послѣ того этотъ уставъ былъ народнымъ собраніемъ принятъ, королемъ утвержденъ и сдѣлался тѣмъ закономъ, который господствовалъ въ Швеціи во время присоединенія Финляндіи къ Россіи, былъ послѣ того для Финляндіи утверждаемъ императорами Александромъ I, Николаемъ и Александромъ II, сохраняется въ силѣ и теперь.

Хотя по этому закону король сдѣлался самодержавнымъ государемъ, но Густавъ III, совершивъ безъ кровопролитія и почти безъ сопротивленія государственный переворотъ, усладилъ его насильственность своею очаровательною любезностью, полною доступностью для всѣхъ, справедливостью и заботами о благѣ народномъ; при такомъ самодержцѣ народу жилось вольнѣе, нежели прежде при правительствѣ, которое называло себя народнымъ и вольнымъ, но въ дѣйствительности подчинялось вліяніямъ не только домашнихъ партій, но также и разныхъ иностранныхъ посланниковъ, дѣйствовавшихъ подкупами голосовъ въ собраніяхъ государственныхъ сословій шведскихъ.

Но Густавъ III былъ не безъ недостатковъ. Не желая, чтобы разглашались нѣкоторыя изъ его шалостей, онъ лишилъ себя сильнѣйшаго орудія для власти надъ умами и чувствами народа: отмѣнилъ свободу печати! Люди, у которыхъ переворотъ 1772 года отнялъ власть или же средства къ обогащенію, пользовались этой искусственно созданною таинственностію для того, чтобы распространить о королѣ все дурное, хотя бы и небывалое, а только вѣроятное и притомъ, разумѣется, преувеличивая. Такъ прошли первые семнадцать лѣтъ цар-

ствованія Густава III. Въ это время онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Финляндію, вездѣ привлекая къ себѣ сердца народа. Основано нѣсколько новыхъ городовъ (Куопіо, Хейнола, Таммерфорсъ, Каскъэ), дѣятельно производилось межеваніе земель, отмѣнена пытка преступниковъ, дозволено богослуженіе иновѣрцамъ; поэзія и музыка пользовались особеннымъ покровительствомъ короля. Объ этомъ времени сохранилась въ народѣ память, что тогда жилось привольно и весело. Но вскорѣ представился случай, когда обнаружилось, что далеко не весь народъ смотрѣлъ на короля глазами его хвалителей: въ 1786 году король созвалъ государственный сеймъ, и тутъ стали раздаваться такія рѣчи противъ короля, что онъ, не желая нарушать законныя права представителей народныхъ, предпочелъ закрыть сеймъ; а чтобы отвлечь общее вниманіе отъ своей особы къ вопросамъ внѣшней политики, рѣшился на войну съ Россіей—на борьбу съ Императрицею Екатериною II. Обстоятельства казались ему для того благопріятными: Россія вела войну съ Турціей, а потому и въ Петербургѣ и на финляндской границѣ было очень мало русскаго войска.

Лѣтомъ 1788 года Густавъ III, съ хорошо устроенною арміей, переходилъ границу изъ шведской Финляндіи въ русскую, намѣреваясь тотчасъ взять крѣпости Нейшлотъ (Савонлинна) и Фредриксгамнъ; но тутъ обнаружились два совершенно неожиданныя препятствія, а именно: заговоръ въ Аньялѣ и объявленіе войны Даніей. Аньяльскій заговоръ былъ составленъ врагами частію самого короля, частію вообще королевской власти и усиленъ привлеченіемъ къ нему тѣхъ, которые находили, что король собственно не имѣлъ права самъ объявлять войну, не будучи къ тому вызванъ ни объявленіемъ войны со стороны противника, ни изъявленнымъ желаніемъ народнаго представительства. На приказъ переходить границу заговорщики отвѣчали объявленіемъ, въ которомъ требовали, чтобы король сначала собралъ сеймъ, а потомъ уже шелъ воевать, если такова будетъ воля народная. Офицеры, подписавшіе такое заявленіе, были названы бунтовщиками; одни изъ нихъ бѣжали въ Россію, да тамъ и остались, мечтая объ отдѣльной Финляндіи подъ покровительствомъ Россіи; другіе были судимы и по суду приговорены къ смертной казни, но помилованы королемъ, замѣнившимъ для нихъ смерть временнымъ заключеніемъ въ крѣпостяхъ. Но для суда нужно было не мало времени, въ которое произошли слѣдующія событія.

Получивъ объявленіе войны Даніею и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе о вступленіи датскихъ войскъ изъ Норвегіи въ Швецію, король Густавъ поспѣшилъ туда; своими побѣдами принудилъ Данію просить мира, а къ себѣ возбудилъ народный энтузіазмъ; на государственномъ сеймѣ, вслѣдъ за тѣмъ собранномъ, рѣшительное большинство представителей было на сторонѣ короля и постановило одобрить всѣ дѣйствія Густава III, въ томъ числѣ и объявленіе войны Екатеринѣ II, осудило аньяльскихъ заговорщиковъ и еще расширило власть короля, уменьшивъ ограниченіе ея представительствомъ народнымъ. Густавъ поспѣшилъ къ войску въ Финляндію; но тутъ между тѣмъ уже были готовы русскія военныя силы и на сушѣ и на морѣ. Въ 1789 году война велась на земляхъ и моряхъ финляндскихъ, причемъ побѣждали то Русскіе, то Шведы и наконецъ въ 1790 году заключенъ миръ, по которому границы и всѣ отношенія между этими обоими государствами остались прежнія, — Швеція ничего не пріобрѣла, да ничего и не потеряла; но для національнаго чувства Шведовъ и то уже было удовлетвореніемъ, что послѣ восьмидесяти лѣтъ политическаго униженія, ихъ государство могло безъ потерь выдержать борьбу съ могущественною Россіей!

Въ августѣ 1790 года заключенъ миръ въ деревнѣ Верелѣ, на берегу Кюмени, названный не «вѣчнымъ», какъ прежде говорилось въ мирныхъ трактатахъ, а «прочнымъ». Затѣмъ король готовился, по приглашенію Екатерины II, выступить борцомъ за права короны: отправиться на выручку короля французскаго, Людовика XVI. Но Густаву III не довелось явиться борцомъ за короны: въ мартѣ 1792 года онъ самъ палъ отъ руки убійцы — дворянина Анкерстрема, на сорокъ седьмомъ году своей жизни.

Во время малолѣтства новаго короля, Густава IV, которому тогда было только тринадцать лѣтъ, правителемъ государства былъ младшій братъ его отца—герцогъ Карлъ, руководимый совѣтами своего любимца Рейтергольма, родомъ Финляндца. Образованіе своего сына и наслѣдника, а теперь уже короля, покойный отецъ его довѣрилъ своему любимцу, тоже Финляндцу, Густаву *Армфельту*. Про этого Армфельта разсказываютъ, что когда ему было четыре года отъ роду, приснилось ему, что ангелъ обѣщалъ ему исполнить три его желанія, и Густавъ Армфельтъ пожелалъ тогда: 1) быть любимцемъ короля, 2) побѣдителемъ на войнѣ и 3) чтобъ всякій, когда онъ пожелаетъ, полюбилъ его. Всѣ эти три желанія и были исполнены на яву: двадцати трехъ лѣтъ отъ роду (въ 1780 году) онъ сдѣлался любимцемъ своего короля; тридцати двухъ лѣтъ онъ удачно дѣйствовалъ на войнѣ въ Финляндіи (въ 1789 году) и всю свою жизнь пользовался общею любовью всѣхъ, знавшихъ его. Баронъ Рейтергольмъ, видя въ немъ опаснаго соперника, сумѣлъ удалить его, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, въ Италію. Оттуда Армфельтъ писалъ своимъ друзьямъ въ Швецію, что нада бы положить конецъ власти Рейтергольма, а для того поспѣшить объявленіемъ, что король уже сдѣлался совершеннолѣтнимъ и можетъ самъ управлять. Такое письмо было перехвачено, и за него Армфельтъ осужденъ на смертную казнь. Хотѣли сначала схватить его, а потомъ уже судить публично и казнить; но у Армфельта было много друзей и въ Швеціи, и въ Италіи. Увѣдомленный своевременно обо всемъ, онъ въ Неаполѣ, въ домѣ русскаго посла, принялъ русское подданство и прибылъ потомъ ко двору Екатерины, гдѣ и оставался нѣсколько времени, пока Густавъ IV не сдѣлался дѣйствительно совершеннолѣтнимъ. Тогда вліяніе Рейтергольма окончилось, и Армфельтъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ, въ качествѣ шведскаго сановника; но молодой король былъ совсѣмъ непохожъ на своего отца, и Армфельту не удалось пріобрѣсти вліяніе на этого упрямаго юношу-короля, ни потомъ на царствовавшаго послѣ него дядю его, Карла, и наконецъ, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, Армфельтъ, въ 1811 году, пріѣхалъ въ свою родную Финляндію и, при императорѣ Александрѣ I, былъ вліятельнымъ сановникомъ до смерти своей, послѣдовавшей на 57 году, въ 1814 году, черезъ два года по возведеніи его въ званіе финляндскаго графа.

Финляндія, получивъ свѣтъ христіанства изъ Швеціи, доставила для общаго тогда государства Швеціи и Финляндіи замѣчательныхъ и полезныхъ дѣятелей: епископовъ, воиновъ и полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, писателей, поэтовъ. Назовемъ нѣсколько изъ писателей и поэтовъ Финляндіи прошлаго вѣка.

Въ 1864 году, въ городѣ Або поставленъ бронзовый памятникъ Генрику Габріелю *Портáну* (Porthan). Сынъ бѣднаго приходскаго священника, рожденный въ глубинѣ Финляндіи (въ приходѣ Витасари), въ 1739 году, Г. Г. Портанъ, окончивъ курсъ наукъ, сдѣлался въ Абовскомъ университетѣ профессоромъ латинской словесности, что называлось тогда — профессоромъ краснорѣчія, и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ университетскою библіотекою. Въ 1771 году онъ началъ издавать первую финляндскую газету на шведскомъ языкѣ, а въ 1776 году такую же первую газету на финскомъ языкѣ. Онъ много занимался изслѣдованіями финляндскихъ исторіи, географіи, поэзіи и языка и своими сочиненіями выразилъ первое самосознаніе финской народности, пришелъ къ убѣжденію, что, хотя финскій народъ и не составляетъ отдѣльнаго государства, но тѣмъ не менѣе онъ — особенный народъ, а потому и можетъ и долженъ, дѣйствуя въ своемъ духѣ, развиваться и, «служа отечеству, тѣмъ самымъ служить человѣчеству». Финляндія чтитъ своего знаменитаго ученаго именно за эту мысль, ясно выраженную имъ во многихъ его сочиненіяхъ, значительная часть которыхъ была издана по-латыни, бывшей въ прошломъ столѣтіи языкомъ учености.

Портанъ умеръ въ 1804 году. Самый близкій изъ его друзей, *Калóніусъ*, умершій въ 1817 году, былъ замѣчательнѣйшимъ въ государствѣ ученымъ юристомъ, судьею и писателемъ по части законовѣдѣнія, по предмету котораго онъ, въ одно время съ Портаномъ, былъ профессо-

ромъ въ Абовскомъ университетѣ, потомъ Калоніусъ былъ первымъ прокураторомъ финляндскаго сената.

Замѣчательнѣйшимъ ученикомъ Портана былъ Франсъ Ми́каэль *Франсе́нъ*. Сынъ улеоборгскаго купца, онъ съ дѣтства оказался неимѣющимъ ни охоты, ни способностей для торговли, но выказалъ блистательныя способности для занятій науками. Въ то время для этихъ послѣднихъ занятій еще не существовало искусственныхъ предѣловъ узаконеннаго возраста: между студентами университета были и сорокалѣтніе, а Ф. М. Франсенъ уже тринадцати лѣтъ былъ студентомъ въ Абовскомъ университетѣ и однимъ изъ отличныхъ студентовъ. На 21 году своей жизни онъ былъ уже знаменитымъ поэтомъ — на шведскомъ языкѣ. Въ Абовскомъ университетѣ онъ долго былъ профессоромъ исторіи, потомъ въ Швеціи академикомъ и пасторомъ, а наконецъ епископомъ въ Гернесандѣ, гдѣ и умеръ семидесяти пяти лѣтъ отъ роду—въ 1847 году. Замѣчательный ученый, проповѣдникъ и поэтъ, онъ особенно почитается за свои поэтическія произведенія, преимущественно за мелкія стихотворенія, отличающіяся своею естественностью, простотою и полныя очаровательной прелести. «Ему не нужно было долго обдумывать свои стихи: они такъ сами и лились. Это и дѣлало его смиреннымъ, какимъ и должно быть, когда лучшее изъ того, что имѣешь, получаешь даромъ». Такъ характеризуетъ Франсена *Топе́ліусъ*, лучшій изъ нынѣшнихъ шведскихъ поэтовъ Финляндіи, заслуженый профессоръ Александровскаго университета. Памятникъ Франсену воздвигнутъ въ городѣ Улеоборгѣ. Задушевнымъ другомъ его въ молодости былъ тоже замѣчательный шведскій поэтъ *Коре́усъ* (Mikael Choræus), умершій въ 1806 году, въ должности придворнаго пастора въ Стокгольмѣ. Франсенъ въ то время былъ вдовцомъ. Кореусъ, умирая, просилъ его взять за себя его молодую вдову, что и было исполнено.

Памятникъ Портана.

По своему географическому положенію Финляндія составляетъ одно цѣлое съ Россіей. Въ теченіе шести столѣтій она принадлежала къ заморской Швеціи, заимствуя отъ нея плоды европейской гражданственности. Наконецъ настала для Финляндіи пора отдѣлиться отъ Швеціи и присоединиться къ Россіи. Для осуществленія этой задачи настоящимъ орудіемъ явился такой король, какимъ былъ тогда царствовавшій въ Стокгольмѣ Густавъ IV-й. Онъ былъ справедливъ и доброжелателенъ, но ума ограниченнаго. Воспитанный въ кругу придворныхъ льстецовъ, онъ не понималъ требованій своего времени и былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ святости королевской власти, въ безошибочности своихъ собственныхъ сужденій: съ этимъ соединялись въ немъ замѣчательное упрямство и неохота примѣняться къ чему бы то ни было, вмѣстѣ съ крайнею мелочностью. Смерть отца его произвела на него глубокое впечатлѣніе: въ убійцѣ его Анкарстремѣ видѣлъ онъ только представителя французскихъ идей и за то ненавидѣлъ все французское. Наполеонъ Бонапарте сдѣлался императоромъ, а шведскій король видѣлъ въ немъ лишь дерзкаго выскочку, предводителя якобинцевъ, и ни за что не хотѣлъ мириться съ нимъ. Побѣдитель при Аустерлицѣ занялъ всю Померанію и такимъ образомъ навсегда отдѣлилъ ее отъ Швеціи, въ Тильзитѣ заключилъ не только миръ, но и союзъ съ императоромъ Александромъ, а шведскій король все не хотѣлъ мириться съ нимъ! Наполеонъ въ Тильзитѣ выражалъ Александру свои мысли, что по географическому закону Финляндія должна принадлежать къ Россіи; эта мысль, конечно, была не новостью для русскаго императора, знавшаго, что объ этомъ думали его великіе предшественники — Петръ I и Екатерина II; но Александру не хотѣлось быть исполнителемъ судебъ—противъ родственнаго ему короля Густава. Нужно было все необыкновенное упрямство этого послѣдняго, чтобы довести до разрыва, до войны. На рѣшительный

отказъ Густава присоединиться къ Континентальной системѣ Наполеона, пришлось объявить ему войну. Въ февралѣ 1808 года русскія войска въ трехъ мѣстахъ вступили въ Финляндію.

Шведскій король былъ по-своему готовъ къ этой войнѣ: составилъ планъ и назначилъ подходящаго исполнителя. Планъ былъ: сберечь войско, а для того отступать, все отступать—даже хоть совсѣмъ за Ботническій заливъ, по поговоркѣ: on recule, pour mieux sauter. Главнымъ полководцемъ назначенъ генералъ графъ Клингспоръ—дряхлый старикъ, но строгій блюститель формъ и этикета, любимецъ короля. Ему королевскій планъ войны былъ по душѣ: онъ впереди всѣхъ все отступалъ да отступалъ и влекъ за собою почти все шведско-финское войско, но не все: шесть тысячъ составляли гарнизонъ неприступной крѣпости Свеаборга, снабженной двумя тысячами пушекъ и всевозможными боевыми и съѣстными припасами въ изобиліи. Кромѣ того между островами крѣпости находилось болѣе сотни вооруженныхъ судовъ шведскаго флота и подвозъ помощи моремъ всегда возможенъ, когда оно не покрыто льдомъ, а въ Балтійское море ожидалась сильная эскадра изъ Англіи, надежной союзницы, потому что и самая война между Швеціей и Россіей была лишь дополненіемъ къ давно длившейся войнѣ между Англіей и Франціей. — Только морозъ тогда отнималъ у Свеаборга помощь англійскаго флота, лишь на время — пока морскіе берега покрыты льдомъ; но этого времени оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобъ Русскіе заняли Свеаборгъ. Была зима; русское войско, неособенно многочисленное, расположилось въ виду Свеаборга — въ Гельсингфорсѣ, — въ томъ самомъ Гельсингфорсѣ, гдѣ за шестьдесятъ шесть лѣтъ передъ тѣмъ шестнадцатитысячное шведское войско сдалось двадцати-двухъ-тысячному русскому. Теперь численныя отношенія между осажденными и осаждающими были почти такія же,—на шесть тысячъ осажденныхъ девять тысячъ осаждающихъ; но русскому предводителю было предписано: беречь порохъ, а дѣйствовать болѣе золотомъ! И это орудіе оказалось дѣйствительнымъ: заключено условіе, по которому осажденнымъ предоставлялось право, оставивъ оружіе и запасы въ крѣпости, самимъ со всѣмъ своимъ имуществомъ выйти изъ нея и отправляться, кому куда угодно, *если* третьяго мая новаго стиля (21 апрѣля по старому календарю) ледъ будетъ еще такъ проченъ, что осажденнымъ можно будетъ по льду перейти, со своими пожитками, изъ Свеаборга въ Гельсингфорсъ. Зима того года была холодна, весенній ледъ проченъ, и Русскіе безъ боя взяли неприступную крѣпость со всѣми ея запасами и флотомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того по весеннимъ водамъ англійскій флотъ подошелъ къ Свеаборгу; но тамъ уже развѣвались не шведскіе, а русскіе флаги и знамена: союзники опоздали! Шведская армія подъ начальствомъ Клингспора еще была цѣла, хоть и ушла уже далеко на сѣверъ; но оттуда, изъ окрестностей Брагестада теперь неслася вѣсть о побѣдѣ надъ Русскими—6 (18) апрѣля 1808 года. Русское войско постоянно шло по пятамъ за шведско-финскимъ, и въ этотъ день аріергардъ отступавшей арміи не очень-то спѣшилъ, а передовые отряды наступавшей немножко поторопились и—произошло столкновеніе! Командовавшій аріергардомъ шведской арміи, начальникъ ея штаба, финляндецъ Адлеркрейцъ, на свой страхъ, противъ воли главнокомандующаго и не спрашивая на это у него разрѣшенія, вступилъ въ бой, продолжавшійся до вечера. Подъ вечеръ онъ замѣтилъ, что Русскіе слишкомъ растянули свою боевую линію, слишкомъ ослабили свой центръ (середину); Адлеркрейцъ устремилъ на эту середину двѣ свои дружины, рѣшительнымъ ударомъ разорвалъ противника на двѣ части и принудилъ обѣ къ поспѣшному отступленію. Черезъ девять дней послѣ того, тотъ же Адлеркрейцъ, на берегу той же рѣки Сикайоки (Сиговой рѣки), вторично побѣдилъ Русскихъ; послѣ чего ужь и самому Клингспору неудобно было продолжать отступленіе на сѣверъ, а пришлось и ему начать наступленіе, двигаться съ сѣвера на югъ. Обѣ арміи — и русская и финско-шведская — выказали себя блистательно-достойными соперницами одна другой. Какъ между генералами и офицерами, такъ и между рядовыми въ обѣихъ арміяхъ проявились герои, возбуждавшіе къ себѣ уваженіе и сочувствіе не только между своими, но и между противниками; такъ съ одной стороны былъ Адлеркрейцъ, съ другой противъ него умный и да-

ровитый *графъ Каменскій*. Между Русскими прославился *Кульневъ*, между Шведами, въ такомъ же родѣ—*Дебельнъ* (Döbeln). Оба, знаменитые предводители передовыхъ отрядовъ, они цѣнили и уважали другъ друга, такъ что Кульневъ приказывалъ своимъ казакамъ и гусарамъ щадить Дебельна, не стрѣлять въ него; а Шведъ Дебельнъ съ своей стороны храбрымъ Финляндцамъ своего отряда наказывалъ, чтобъ они щадили жизнь Кульнева, не стрѣляли бы въ него! Это было взаимное другъ къ другу уваженіе двухъ геройскихъ соперниковъ. Многія изъ событій и лицъ этой упорной борьбы двухъ славныхъ армій поэтически изображены въ «Разсказахъ прапорщика Столя»,—такъ называются тридцать пять стихотвореній лучшаго изъ шведскихъ поэтовъ, Финляндца *Рунеберга*. Въ 1808 году Іоаннъ Людвигъ Рунебергъ, тогда еще четырехлѣтній мальчикъ, видѣлъ въ Якобстадѣ и Дебельна и Кульнева. Двѣнадцать лѣтъ послѣ того онъ отъ прапорщика Столя слушалъ разсказы о событіяхъ войны 1809 года, въ которой самъ Столь участвовалъ. Эти разсказы Столя, выраженные могучими стихами Рунеберга, теперь съ восторгомъ и читаются, и поются. Вступительное стихотвореніе называется «нашъ край»; положенное на музыку професоромъ Паціусомъ, оно сдѣлалось теперь народнымъ гимномъ финляндскимъ.

Арміи геройствовали обѣ; но шведско-финская мало получала подкрѣпленій изъ-за моря, отчасти и потому, что король Густавъ, думая о томъ, какъ бы отнять Норвегію у Даніи, мало поддерживалъ свои войска въ Финляндіи, а изъ Россіи одни за другими приходили туда свѣжія силы, полки, привычные къ побѣдѣ, и большая часть Финляндіи была уже прочно занята ими, такъ что война продолжалась только на сѣверѣ — въ нынѣшнихъ губерніяхъ Вазаской, Копіоской и Улеоборгской. 2(14) сентября 1808 года Адлеркрейцъ былъ разбитъ Русскими при Оровайсѣ (близъ Гамле-Карлебю) и послѣ того дальнѣйшее сопротивленіе казалось невозможнымъ. Но тутъ-то и получено королевское повелѣніе: перейти изъ отступленія въ нападеніе! — Хоть вслѣдъ затѣмъ старикъ графъ Клингспоръ, заключивъ перемиріе, вышелъ въ отставку, но теперь уже и преемникъ его Клеркеръ не могъ ничего сдѣлать. На жалобы изъ арміи о недостаткахъ провіанта, амуниціи и медицинскихъ средствъ получено отъ короля милостивое разрѣшеніе — до весны не пудрить косъ! Наступила глубокая осень и ранняя холодная зима. Финляндская армія не въ состояніи была увозить съ собою множество своихъ больныхъ и раненыхъ и часть ихъ оставила на пути своего отступленія; прочіе всѣ, здоровые и больные, расположились на зимнія квартиры въ Торнео и въ Питео, на сѣверозападныхъ берегахъ Ботническаго залива; тутъ начальникомъ остался генералъ-маіоръ Гриненбергъ; заключено перемиріе на мѣсяцъ, и главные герои финляндской войны—Адлеркрейцъ, Сандельсъ и Дебельнъ поѣхали въ Стокгольмъ.

Русская армія, по мысли и благодаря настойчивости военнаго министра *Аракчеева*, въ февралѣ и въ мартѣ 1809 года, перешла по льду: одна изъ Або—черезъ Оландское море, занявъ Оландскіе острова; другая черезъ Кваркенъ—отъ Вазы къ Умео. Въ то же время третья колонна наступала сухимъ путемъ черезъ Торнео — на соединеніе со второю. Уже Русскіе были за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Стокгольма, какъ получена такая новость, благодаря которой оба отряда, переходившіе море по льду, прекратили наступленіе, вновь заключивъ перемиріе, и благополучно возвратились опять по льду черезъ море, въ тѣ мѣста, изъ которыхъ вышли было. Эта необыкновенная новость заключалась въ томъ, что король Густавъ IVересталъ царствовать!

Послѣ цѣлаго года несчастной войны, мало-по-малу повсемѣстно распространилось убѣжденіе, что главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій былъ упрямый король Густавъ. Армія, дѣйствовавшая противъ Датчанъ, на норвежской границѣ, громко выражала такое убѣжденіе. Извѣстившись объ этомъ, Густавъ IV готовился самъ выступить въ походъ противъ своего мятежнаго войска; но въ это время 1 (13) марта 1809 года, въ понедѣльникъ, Адлеркрейцъ, съ небольшимъ числомъ своихъ единомышленниковъ, пришелъ во дворецъ и объявилъ королю,

что ему осталось только отказаться отъ власти, которую онъ употребилъ во вредъ своему государству. Король подписалъ свое отреченіе отъ престола. Государственный сеймъ утвердилъ это отреченіе и поднесъ корону его старому бездѣтному дядѣ, бывшему правителемъ королевства въ малолѣтство Густава, а теперь сдѣлавшемуся королемъ, въ преемники которому, позднѣе, народъ шведскій пригласилъ маршала Бернадота, начальствовавшаго надъ корпусомъ французскихъ войскъ, занявшихъ Померанію. Онъ потомъ и царствовалъ, подъ именемъ Карла XIV, какъ родоначальникъ и нынѣ царствующей династіи. При вѣсти о томъ, что упрямаго Густава IV замѣняетъ его сговорчивый дядя Карлъ XIII, всѣ военныя дѣйствія прекратились. Но въ то время еще не было телеграфа, новости распространялись медленно, и прежде, чѣмъ вѣсть о важномъ событіи въ Стокгольмѣ успѣла достигнуть до далекаго сѣвера, Грипенбергъ заключилъ 13 (25) марта капитуляцію, по которой финляндскіе полки должны были воротиться въ предѣлы Улеоборгской губерніи, тамъ сдать свое оружіе русскому войску и отправляться себѣ по домамъ — каждый человѣкъ въ свой родной приходъ. Скоро послѣ того узнали, что русское войско, подъ начальствомъ Буксгевдена перешедшее было Кваркенъ, уже благополучно перешло его обратно, вслѣдствіе заключеннаго перемирія и важной перемѣны правленія въ самой Швеціи; но капитуляцію все-таки пришлось исполнить въ точности! — Переговоры о мирѣ окончены миромъ въ Фредриксгамѣ, 5 (17) сентября 1809 года (въ воскресенье).

Этимъ миромъ было офиціально подтверждено окончательное навсегда присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Теперь Финляндія была — въ теченіе времени одного столѣтія — занята русскими войсками въ третій разъ: въ первый разъ при Петрѣ I, вторично при Елисаветѣ Петровнѣ; въ царствованіе Екатерины II и Густава III нѣкоторые изъ аньяльскихъ заговорщиковъ желали отторгнуть Финляндію отъ Швеціи и присоединить ее къ Россіи, съ удержаніемъ обособленности этого края; кромѣ одного, по суду казненнаго, прочіе аньяльскіе заговорщики жили еще одни въ Россіи, или за границей, другіе въ Швеціи или въ Финляндіи. Въ свое время шведское правительство и народное представительство осудили не только аньяльскихъ заговорщиковъ, какъ враговъ отечества, но и самую мысль ихъ заговора, какъ враждебную Швеціи. Русское правительство теперь, не отрицая, что эта мысль враждебна Швеціи, тѣмъ не менѣе признало историческую справедливость ея и до того было убѣждено въ неотложности ея осуществленія, что съ самаго начала войны не скрывало своего намѣренія — прочно присоединить Финляндію къ Россіи и заявляло ее въ своихъ обращеніяхъ къ финляндскому народу.

Еще обѣ храбрыя арміи боролись въ сѣверной части Финляндіи, а уже русское правительство, отъ имени Императора Александра, обращалось къ Финляндцамъ, какъ къ неизбѣжно долженствующимъ сдѣлаться его новыми подданными; уже лѣтомъ 1808 г. Финляндцамъ объявлена воля Его Величества, чтобы небольшое число, именно для такой цѣли избранныхъ, представителей всѣхъ сословій цѣлаго края прибыло въ С. Петербургъ для дачи своихъ объясненій о надлежащемъ устройствѣ края, присоединяемаго къ Россіи. Представители отъ всѣхъ четырехъ сословій, сначала изъ южныхъ, а наконецъ и изъ сѣверныхъ губерній, были въ небольшомъ числѣ избраны и уже въ ноябрѣ 1808 года почти всѣ прибыли въ С. Петербургъ. По распоряженію Буксгевдена, тогдашняго главнокомандующаго русскихъ войскъ въ Финляндіи и ея временнаго генералъ-губернатора, предсѣдателемъ этой *депутаціи* назначенъ *графъ Маннергеймъ*, отставной маіоръ шведской службы, одинъ изъ прежнихъ аньяльскихъ заговорщиковъ, бывшій приговореннымъ къ смерти, но помилованный Густавомъ III. Представителемъ университета въ этой депутаціи былъ профессоръ *Гартманъ* (Haartmann); представителемъ надворнаго суда (говретта-гофгерихта) — Робертъ *Ребиндеръ* и, по назначенію отъ правительства, прежній губернаторъ Абовской губерніи — баронъ *Виллебрандъ*, завѣдывавшій расчисткою пороговъ.

18 (30) ноября эта депутація была принята Императоромъ въ Зимнемъ дворцѣ, причемъ гр. Маннергеймъ отъ имени всѣхъ сказалъ по-французски: «передъ блистательнымъ пре-

столомъ Вашего Императорскаго Величества предстоитъ нынѣ часть представителей Финляндіи, избранныхъ по Высочайшему повелѣнію членовъ народа свободнаго, но покорнаго законамъ, не столько извѣстнаго своими славными подвигами, сколько своею вѣрностію и преданностію къ законному правительству, какъ то на дѣлѣ доказано во всѣ шесть вѣковъ соединенія Финляндіи съ Швеціей. Теперь, когда судьбы Финляндіи измѣнились, и ей великодушіемъ Побѣдителя открываются виды на новое счастье и новыя выгоды, то и Онъ въ жителяхъ Финляндіи пріобрѣтетъ себѣ вѣрныхъ подданныхъ; депутація убѣждена въ этомъ и утверждаетъ это тѣмъ охотнѣе, что новый Государь, заслужившій уже себѣ удивленіе Европы и любовь своихъ прежнихъ подданныхъ, теперь готовится устроить благоденствіе и финскаго народа. Отъ имени всего края депутація приноситъ свою благодарность за полученное всемилостивѣйшее увѣреніе, что будутъ свято хранимы религія, законы и всѣ права и преимущества, которыми Финляндія издавна пользовалась. Кротостію и милостію Ваше Величество утвердите свою власть надъ народомъ, покореннымъ силою Вашего оружія; до отдаленнѣйшаго потомства сохранится память о любимомъ Государѣ.» — Отпуская депутацію, Императоръ въ заключеніе обѣщалъ принять Финляндію подъ свое покровительство и неизмѣнно сохранить всѣ права и примущества, какими жители Финляндіи пользуются, на основаніи своего прежняго государственнаго устройства.

Уже въ январѣ 1809-го года изданъ призывъ представителей всей Финляндіи: въ мартѣ собраться на сеймъ въ городѣ Борго. Этотъ *первый земскій финляндскій сеймъ* долженствовалъ замѣнить собою участіе Финляндіи въ *государственномъ сеймѣ* шведскомъ, происходя въ такомъ же порядкѣ, какой былъ установленъ для этого послѣдняго. Вслѣдъ затѣмъ назначенъ для Финляндіи гражданскимъ генералъ-губернаторомъ одинъ изъ аньяльскихъ заговорщиковъ, генералъ *Спренгтпортенъ*, и ему подчинены всѣ оставшіеся въ своихъ должностяхъ, еще назначенные шведскимъ правительствомъ начальники южныхъ губерній, а въ сѣверныя губерніи назначены новые начальники, по выбору Спренгтпортена.

Въ 1808-го году лѣто выдалось необыкновенно холодное, сопровождаемое, какъ всегда, неурожаемъ. Но, по волѣ новаго владыки края, Императора Всероссійскаго, были приняты самыя дѣятельныя мѣры для снабженія всего края хлѣбомъ и солью; часть этихъ необходимыхъ предметовъ была отпускаема заимообразно, или въ даръ, какъ пособіе для особенно пострадавшихъ отъ войны, а часть поступала въ продажу для того, чтобы отвратить чрезмѣрное вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ. Такими мѣрами естественное зло было уменьшено, но совершенно прекратить его было невозможно, почему и неудивительно, что повальныя болѣзни свирѣпствовали не только въ военныхъ лазаретахъ, но и между городскими и сельскими обывателями. Въ два года, 1808 и 1809-й, изъ 900,000 человѣкъ въ семи губерніяхъ присоединенной Финляндіи умерло 105,260 человѣкъ отъ болѣзней. Новое правительство, въ отеческой заботѣ о своихъ подданныхъ, помогало не только голодавшимъ, но и вообще разореннымъ войною, такъ напр. приходу Алаво — въ Вазаской губерніи — были дарованы деньги на покупку лошадей—взамѣнъ тѣхъ 250 лошадей, которыя тотъ приходъ потерялъ вслѣдствіе войны. Вообще, хотя миръ еще не былъ заключенъ, но завоеватель края уже распоряжался въ немъ совершенно какъ у себя дома, глядя на покоренный народъ какъ на своихъ, а не какъ на чужихъ.

15 (27) марта 1809 года Императоръ Александръ Павловичъ, въ сопровожденіи Сперанскаго и многочисленной свиты, прибылъ въ городъ Борго, а на слѣдующій день, во вторникъ, произошло торжественное открытіе земскаго сейма Финляндіи, въ присутствіи самого Императора.

Въ этотъ день, послѣ богослуженія въ церкви, открытіе сейма произошло въ залѣ боргоской гимназіи. Короткую рѣчь Императора, сказанную по-французски, Спренгтпортенъ передалъ по-шведски; затѣмъ были на шведскомъ языкѣ прочитаны всѣ четыре предложенія, такъ сказать, четыре задачи сейму: обсудить, для представленія на Высочайшее благоусмо-

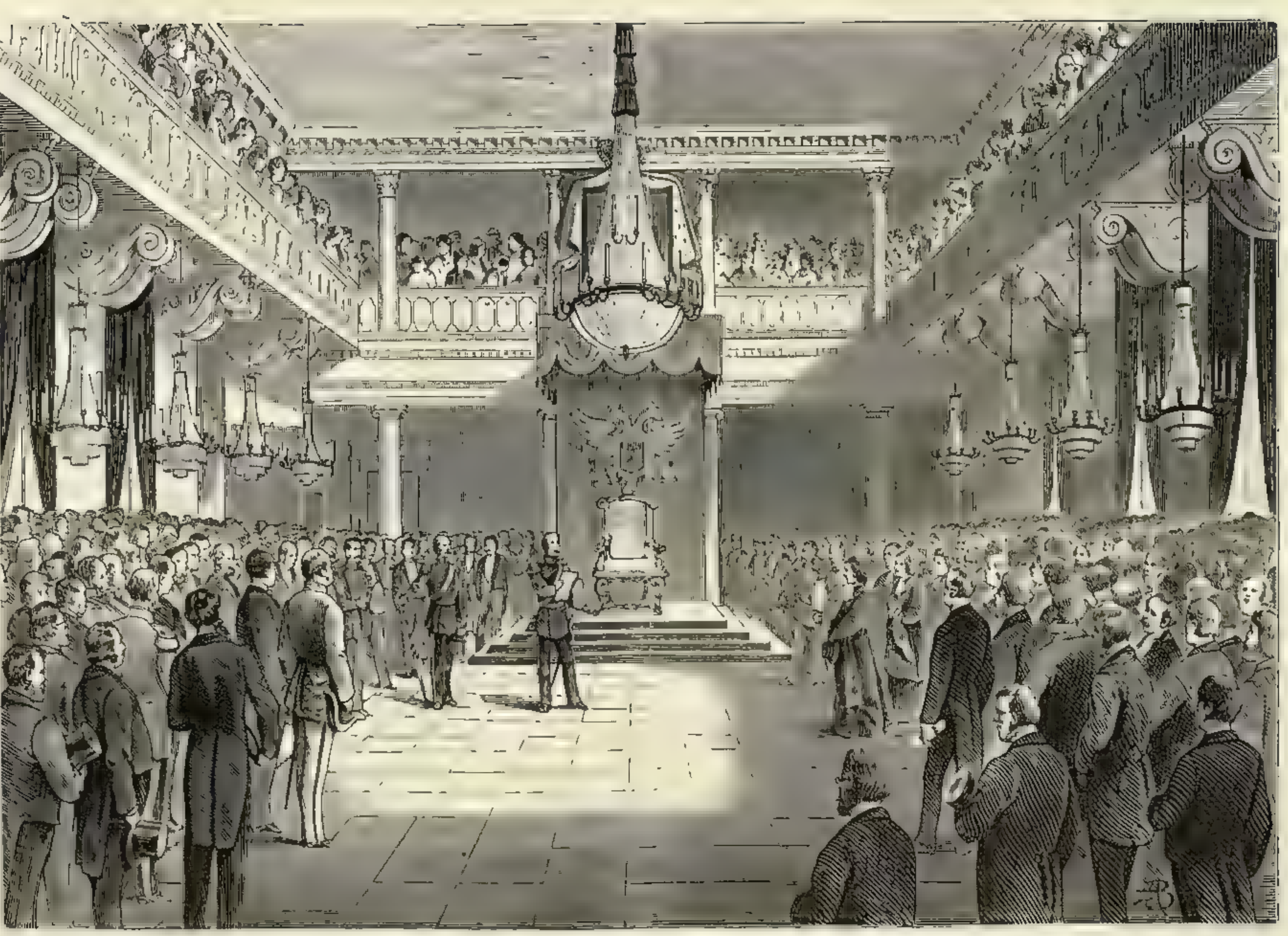
треніе, четыре вопроса, рѣшеніе которыхъ было необходимо для новаго устройства края, какъ отдѣленнаго отъ Швеціи и соединеннаго съ Россіей.

На слѣдующій день, всѣ члены сейма опять собрались въ церковь для принесенія присяги своему новому Государю — Императору Всероссійскому, *Великому Князю Финляндскому*, принимавшему эту присягу, сидя на тронѣ, съ котораго онъ отвѣтилъ имъ краткою рѣчью, и вслѣдъ затѣмъ Спрентпортенъ громко прочиталъ финскій переводъ составленнаго и подписаннаго по-русски манифеста: «Божіею милостію Мы Александръ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и проч. объявляемъ: по волѣ Промысла принимая Великое Княжество Финляндское въ наше владѣніе, Мы симъ пожелали утвердить и утверждаемъ вѣру и основные законы этой земли вмѣстѣ съ правами и преимуществами, какими всѣ сословія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и всѣ жители въ немъ отъ высшихъ до низшихъ, пользовались, согласно съ конституціею, и обѣщаемъ: всѣ эти выгоды и уставы хранить твердо и нерушимо въ полной силѣ.» Всѣ сословія торжественно благодарили Государя за это изъявленіе его воли; въ заключеніе отслуженъ молебенъ по обряду православной церкви.

По открытіи сейма, Александръ I-й, осмотрѣвъ по пути Свеаборгъ, прибылъ въ тогдашній главный городъ края — Або; тамъ онъ осмотрѣлъ все и между прочимъ: въ Надворномъ Судѣ воспользовался своимъ царскимъ правомъ миловать осужденныхъ; университету, по его просьбѣ, назначилъ канцлеромъ Сперанскаго, прибавивъ, что этимъ назначеніемъ не отмѣняется на будущее время право университета избирать себѣ канцлера. Вечеромъ Государь былъ на балу, данномъ отъ города Або, и наконецъ черезъ Тавастгусъ и Борго, выѣхалъ изъ Финляндіи, въ которой самъ край былъ покоренъ войсками, а сердца народныя ласкою и милостію Императора, внушавшаго къ себѣ вездѣ всеобщую любовь.

Четыре правительственныя предложенія, основательно разсмотрѣнныя на земскомъ сеймѣ въ Борго, были вскорѣ утверждены Государемъ и обнародованы въ видѣ нѣсколькихъ уставовъ и вообще законовъ.

Первое изъ предложеній касалось устройства войска. Въ силу окончательнаго рѣшенія по этому вопросу, существованіе Финляндскаго войска было на пятьдесятъ лѣтъ отмѣнено. Однимъ изъ побужденій для такой отмѣны было откровенное заявленіе, что Финляндцамъ было-бы тяжело исполнять свои обязанности, если бы Россіи довелось воевать противъ Швеціи. Какъ извѣстно, до такой войны не доходило; да и Финляндія не совсѣмъ была безъ мѣстныхъ войскъ: въ 1812 году сами Финляндцы испросили Высочайшее повелѣніе о сформированіи финляндскихъ егерскихъ полковъ для содѣйствія русскимъ въ ихъ борьбѣ съ Наполеономъ. Повелѣно было *навербовать* изъ охотниковъ три егерскіе полка. По окончаніи войны двѣ роты помѣщены въ Гельсингфорсѣ и наименованы *финскимъ учебнымъ батальономъ*; а съ 1829 года этотъ батальонъ называется *лейбъ-гвардіи финскимъ стрѣлковымъ батальономъ*. Три полка были въ 1827 году преобразованы въ шесть стрѣлковыхъ батальоновъ, а въ 1830 совсѣмъ упразднены, также какъ въ 1845 году упраздненъ и абовскій гренадерскій стрѣлковый батальонъ. Во время крымской войны образованы были девять стрѣлковыхъ батальоновъ *разверстныхъ*, которые по-шведски такъ и назывались «разверстными», а по-русски то «поселенными», то «индельтами» отъ шведскаго слова indelt — разверстный. Финскій флотъ пополняется изъ охотниковъ и состоитъ теперь всего изъ одной сотни матросовъ, которые зимуютъ въ Гельсингфорсѣ, а лѣтомъ служатъ на трехъ военныхъ паровыхъ судахъ. Въ 1878 году состоялся новый законъ о воинской повинности — на новыхъ основаніяхъ, подобныхъ существующимъ въ Россіи. Впрочемъ участіе Финляндіи въ военной дѣятельности Россіи не ограничивается вышеназванными войсками: въ русской арміи, во всѣхъ родахъ оружія постоянно служили и теперь служатъ до двухъ тысячъ человѣкъ Финляндцевъ, большею частію въ офицерскихъ чинахъ.

Открытіе финляндскаго сейма. Генералъ-губернаторъ читаетъ высочайшій указъ.

По второму предложенію сборъ государственныхъ повинностей опредѣленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по большей части и теперь находится. Положительно высказанная воля Государя была: чтобы всѣ доходы Великаго Княжества употреблялись только на его собственныя надобности. Строгое исполненіе этой воли оказалось чрезвычайно благодѣтельнымъ для Финляндіи и много содѣйствовало утвержденію въ ней благосостоянія, свидѣтельствомъ чему служитъ между прочимъ то, что народонаселеніе ея въ эти семьдесятъ лѣтъ почти удвоилось.

По третьему предложенію установлена была общность финансовъ Финляндіи и Россіи, которая впрочемъ просуществовала недолго,—вслѣдствіе двухъ причинъ, а именно: того, что употребленіе всѣхъ государственныхъ доходовъ всецѣло для мѣстныхъ нуждъ, естественно, влекло за собою мѣстное управленіе финансами, отдѣльное отъ всероссійскаго, а также и того, что самъ русскій министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, оказался вынужденнымъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о таможенномъ огражденіи Имперіи отъ Великаго Княжества вслѣдствіе контрабанды, порожденной сначала потребностью въ дешевой заграничной соли, а потомъ перешедшей и на другіе товары; за контрабандою трудно было услѣдить по извилистымъ берегамъ Финляндскаго взморья, наполненнаго островами и множествомъ проливовъ.

Четвертое предложеніе касалось устройства Правительственнаго Совѣта. Это устройство, придуманное тогда, существуетъ въ главныхъ основаніяхъ и нынѣ, только съ 1816 года подъ именемъ Финляндскаго Правительствующаго Сената, находящагося въ Гельсингфорсѣ и состоящаго изъ двухъ департаментовъ: хозяйственнаго и юстиціи. Предсѣдателемъ въ общемъ собраніи, какъ прежде Совѣта, такъ потомъ Сената — финляндскій генералъ-губернаторъ. Первымъ прокуроромъ Совѣта былъ знаменитый профессоръ Калоніусъ. Первые четырнадцать членовъ Совѣта, теперь называемыхъ сенаторами, избраны были народнымъ сеймомъ — всего за два дня до закрытія его засѣданій, для чего самъ Императоръ опять пріѣзжалъ въ Борго.

7 (19) іюля послѣдовало закрытіе сейма, причемъ Императоръ, сидя на возвышенномъ тронѣ, въ своей рѣчи, произнесенной имъ на французскомъ языкѣ, сказалъ между прочимъ: «Сохраните свои образъ мыслей и убѣжденіе о важныхъ выгодахъ вашего политическаго положенія, о святости вашихъ законовъ, о личной безопасности и обезпеченной собственности. Этотъ благородный и честный народъ будетъ благословлять Провидѣніе, устроившее нынѣшній порядокъ вещей. Возведенный на будущія времена въ число націй, подъ защитою своихъ законовъ, онъ будетъ помнить свое прежнее правительство только для того, чтобы тѣмъ тѣснѣе поддерживать дружескія отношенія, которыя доставитъ миръ. Я же пожну лучшіе плоды моихъ заботъ, когда буду видѣть этотъ народъ счастливымъ, огражденнымъ отъ внѣшнихъ нападеній внутренно свободнымъ, занимающимся, подъ покровомъ законовъ и нравственности, земледѣліемъ, и промыслами, оправдывая своимъ благоденствіемъ мои намѣренія и благословляя свою судьбу.»

Такъ совершилось важное событіе: присоединеніе Финляндіи къ Россіи, съ сохраненіемъ ея обособленности. Въ этомъ сохраненіи выразилось величіе души Александра I-го, его вѣрное пониманіе исторической судьбы народовъ, его любовь къ своимъ подданнымъ и забота о ихъ благѣ. Онъ ясно видѣлъ, что его великая Россія была еще не готова къ принятію тѣхъ важныхъ улучшеній, которыя ему представлялись и нужными и желанными. По видя въ Финляндіи уже издавна укоренившимся и окрѣпшимъ кое-что такое, чего онъ желалъ-бы и всему своему народу, естественно, что онъ рѣшилъ сохранить это хорошее, и для того временно потерпѣть обособленность края, неразрывно присоединяемаго къ Россіи. Назовемъ одну изъ такихъ особенностей Финляндіи: въ ней не было тогда, да никогда и прежде не бывало крѣпостнаго права; народъ самъ владѣлъ тою землею, которую обрабатывалъ; словомъ, тогда въ Финляндіи было въ этомъ отношеніи нѣчто сходное съ тѣмъ, что явилось въ Россіи только съ 19 февраля 1861 года.

5 (17) сентября 1809 года, въ Фредриксгамѣ, заключенъ окончательный миръ между Россіею и Швеціею, и въ VI пунктѣ его сказано: «Какъ Его Величество Россійскій Императоръ

великодушно, самостоятельно, по собственному побужденію обезпечилъ жителей земли, имъ недавно пріобрѣтенной, въ свободѣ ихъ вѣроисповѣданія, въ ихъ имущественныхъ правахъ и преимуществахъ и тѣмъ самымъ далъ несомнѣнныя доказательства справедливости и милости его въ управленіи ими, то его величество король Швеціи тѣмъ самымъ видитъ себя освобожденнымъ отъ святой, при иныхъ условіяхъ, обязанности ходатайствовать въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ.» Въ такихъ словахъ Швеція выразила, что она признаетъ и чтитъ совершившійся фактъ присоединенія Финляндіи къ Россіи.

Тогда обнаружились и выгоды того, что Александръ I дѣйствовалъ, не стѣсняясь дипломатическими формальностями: когда окончательный миръ со Швеціею былъ заключенъ, финляндскій сеймъ уже окончилъ свою организаторскую дѣятельность, и созданный на такомъ основаніи правительственный совѣтъ немедленно приступилъ къ обнародованію новыхъ уставовъ и постановленій, по мѣрѣ того, какъ они были утверждаемы Государемъ. Такимъ образомъ переходъ отъ одного правительства къ другому совершился плавно, безъ потрясеній и къ общему удовольствію.

Уже въ первые годы своего царствованія Императоръ Александръ Павловичъ совершилъ свои двѣ поѣздки по Выборгской губерніи, а по присоединеніи подъ его державу всей Финляндіи, онъ пришелъ къ заключенію, что для благоденствія Выборгской губерніи — этой *старой* Финляндіи, необходимо возсоединить ее съ остальною — съ этою *новою* Финляндіей. Въ то время особеннымъ довѣріемъ Императора пользовался геніальный государственный человѣкъ *Михаилъ Сперанскій*. Свѣтлый умъ Сперанскаго ясно видѣлъ, какъ для прочнаго блага самой Россіи важно сохранить обособленность Финляндіи, чтобы сохранилось въ ней все то хорошее, распространеніе чего и на всю Россію сколько желательно, столько же и вѣроятно, да въ свое время и неизбѣжно, хотя это время провидѣли въ будущемъ только такіе высокіе умы, какъ Императоръ Александръ да Михаилъ Сперанскій, а для другихъ иныхъ это предвидѣніе казалось тогда мечтательностію! Знаменитый Густавъ Армфельтъ, окончательно переселившійся въ свою родную Финляндію, былъ въ 1811 году приближенъ Александромъ I къ его особѣ; и этотъ, не только плѣнительный, но и умный государственный человѣкъ, съ жаромъ поддерживалъ мысль о возсоединеніи Выборгской губерніи съ остальною Финляндіей. Сперанскій выработалъ для этого проектъ, который былъ одобренъ въ Государственномъ Совѣтѣ, 11 (23) декабря 1811 года Высочайше утвержденъ, и съ 1 (13) января 1812 года Выборгская губернія составляетъ часть великаго княжества Финляндскаго.

Въ прекрасной статьѣ своей «Нѣсколько дней въ Финляндіи», напечатанной въ 4-й книгѣ «Вѣстника Европы» за 1872 годъ, Л. Полонскій поясняетъ слѣдующимъ образомъ мысль Императора Александра I создать обособленность Финляндіи.

«Связь съ Россіею означаетъ для Финляндіи особность. Финляндскій народъ въ умственномъ отношеніи, можно сказать, созданъ шведскимъ вліяніемъ, и вотъ почему такъ крѣпка была связь финляндскаго общества со шведскимъ. Связь его съ Россіею отчасти установилась и далѣе можетъ укрѣпляться не иначе, какъ тѣмъ же самымъ путемъ новыхъ пріобрѣтеній, улучшеній, а не потерь и разрушенія. Вотъ въ этомъ-то истинномъ смыслѣ нравственная связь Финляндіи съ Россіею уже и установилась, именно оставленіемъ и признаніемъ за Финляндіею ея особности. Это было пріобрѣтеніемъ для Финляндіи, пріобрѣтеніемъ, которое она получила уже не отъ Швеціи, а отъ Россіи. Очевидно, что и укрѣпленіе этой связи, дальнѣйшее, тѣснѣйшее сближеніе Финляндіи съ Россіею можетъ успѣшно идти только этимъ путемъ, то-есть содѣйствіемъ со стороны русскаго правительства и русскаго общества развитію Финляндіи на основаніи единственныхъ имѣющихся для него данныхъ: финской національности и финской конституціи. Именно при полной увѣренности въ сохраненіи ей мѣстныхъ особностей Финляндія и можетъ быть искренне и глубоко солидарна съ Россіею.»

Директоръ Статистическаго Бюро въ Гельсингфорсѣ, К. Игнаціусъ, въ своей «Статистической замѣткѣ о Финляндіи», краткій взглядъ на исторію этого края оканчиваетъ словами: «Небольшой финскій народъ никогда не игралъ, да и не могъ играть сколько нибудь значительной роли во всемірной исторіи. Окруженный могущественными сосѣдями, онъ рано утратилъ свою независимость. Но его исторія представляетъ рѣдкій примѣръ союза, хоть и заключеннаго насиліемъ, но потомъ поддержаннаго общностью выгодъ и взаимною преданностью. Финскій народъ навсегда сохранитъ признательность за неоцѣнимыя выгоды, доставленныя ему присоединеніемъ къ Швеціи. Но —

«Нѣтъ путей, дорогъ къ невозвратному;»

судьба влечетъ Финляндію къ чему-то лучшему въ ея неразрывномъ союзѣ съ Россіею, который уже въ первое столѣтіе своего существованія успѣлъ внушить Финляндцамъ «благодарность могущественному государству русскому и августѣйшимъ государямъ за то, что блага минувшихъ временъ не только сохранены, но и распространены, увеличены. Связи, соединяющія Финляндію съ Россіей, дѣлаются съ каждымъ годомъ сильнѣе и многочисленнѣе, и въ то же время все очевиднѣе становится, что выгода отъ этого союза — взаимна.» Въ этой обоюдности выгодъ заключается залогъ прочности союза; но, не пускаясь въ разсужденія о вѣроятностяхъ будущаго, возвратимся къ живой дѣйствительности нашихъ дней.

Рыцарскій домъ въ Гельсингфорсѣ

Конституція великаго княжества Финляндіи основана на *образѣ правленія* (regeringsformen) 10 (21) августа 1772 года, пополненномъ въ февралѣ и апрѣлѣ 1789 года, утвержденномъ 15 (27) марта 1809 г. въ манифестѣ Императора Александра I и окончательно выраженномъ въ уставѣ о народномъ представительствѣ и о земскихъ сеймахъ финляндскихъ, данномъ 3 (15) апрѣля 1869 года.

По этой конституціи — Императоръ и Великій Князь — такой же Самодержецъ Финляндіи, какъ и Россіи. Для управленія страною учрежденъ *Императорскій Финляндскій Сенатъ*, засѣдающій въ Гельсингфорсѣ и состоящій изъ двухъ департаментовъ — *хозяйственнаго* и *юстиціи*. Въ каждомъ департаментѣ по девяти членовъ, называемыхъ *сенаторами* и назначаемыхъ волею Государя изъ числа его финляндскихъ подданныхъ. Въ полныхъ засѣданіяхъ Сената предсѣдательствуетъ *генералъ-губернаторъ;* а для доклада Его Величеству по дѣламъ финляндскимъ находится въ С.-Петербургѣ *финляндскій министръ-статсъ-секретарь*, при которомъ, подъ его предсѣдательствомъ, состоитъ особенный *совѣтъ*.

Для установленія новыхъ законовъ или отмѣны прежнихъ, также и для учрежденія новыхъ налоговъ и для сбора войскъ требуется согласіе сейма. Собранія сейма бываютъ: обыкновенныя въ каждое пятилѣтіе и чрезвычайныя, когда-то угодно Государю. Представители четырехъ сословій въ установленныхъ случаяхъ собираются всѣ вмѣстѣ и тогда составляютъ plenum (полное), но каждый вопросъ разбирается сначала отдѣльно въ каждомъ изъ четырехъ сословій и еще прежде подготовляется въ своей коммиссіи.

Сословіе дворянства въ цѣлой Финляндіи состоитъ изъ 240 фамилій, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть своего представителя на сеймѣ. Сословіе духовное состоитъ на сеймѣ изъ представителей духовенства и науки; сословіе городское — изъ выборныхъ отъ городовъ; а къ четвертому сословію принадлежатъ всѣ остальные жители края, имѣющіе право представительства. Первое условіе для такого права—исповѣданіе христіанской вѣры, нехристіане не могутъ ни сами быть представителями на сеймѣ, ни участвовать въ избраніи народныхъ представителей на сеймѣ.

Въ царствованіе Александра Николаевича было два сейма, въ которыхъ участвовало отъ 230 до 270 представителей, приблизительно по одному на число жителей отъ 7000 до 7500 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ.

Въ Гельсингфорсѣ, въ такъ называемомъ «рыцарскомъ домѣ», находится знаменитая картина финляндскаго художника Экмана, размѣромъ въ 140 квадр. футовъ (14×10), представляющая открытіе земскаго финляндскаго сейма 6(18) сентября 1863 года. Его Императорское Величество, сидя на тронѣ, произноситъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказано:

«Вамъ извѣстны мои чувства: вы знаете, какъ я желаю счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ моему попеченію.

«Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія.»

Всѣ лица на картинѣ Экмана—портреты съ особъ, присутствовавшихъ тогда въ той залѣ императорскаго гельсингфорскаго дворца, гдѣ была произнесена эта многознаменательная рѣчь.

Дѣятельность бывшихъ четырехъ сеймовъ оправдала тѣ ожиданія, какими Его Императорское Величество руководился, взывая къ жизни учрежденія, которымъ правительство такъ долго не пользовалось въ Финляндіи: удовлетворяя настоятельнымъ требованіямъ времени, финляндскій сеймъ явился тѣмъ орудіемъ, посредствомъ котораго осуществляются благія намѣренія правительства, и слѣдствіемъ этого было такое быстрое развитіе народнаго благосостоянія въ Финляндіи, какому нѣтъ равнаго въ исторіи этого края.

С. И. Барановскій.

Усадьба Аньяла.

ОЧЕРКЪ II.

ПРИРОДА ФИНЛЯНДІИ, ЕЯ ГРАНИТЫ И ОЗЕРА.

Природа [illegible] ... будетъ? и [illegible] была? Ея современное [illegible] — [illegible] Средній [illegible] водоемъ — [illegible]. — Сѣверная [illegible] — Полярная Финляндія — [illegible]

Суровый край! его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры:
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады,
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады.

Е. БАРАТЫНСКІЙ

Съ финляндской природы.

звѣстныя картины Финляндіи въ поэмѣ Баратынскаго «Эда» для того, кто изъ Россіи пріѣзжаетъ въ Финляндію, не покажутся преувеличенными; но когда къ тѣмъ же скаламъ путешественникъ приближается со свѣжими воспоминаніями о высокихъ горахъ, напр. швейцарскихъ или кавказскихъ, то впечатлѣніе получается совсѣмъ иное: Финляндія не имѣетъ величавости Швейцаріи, хотя финляндскіе виды иногда не уступаютъ по красотѣ швейцарскимъ. На жителя равнинъ финляндскія горы и скалы производятъ сильное впечатлѣніе, особенно вслѣдствіе своей геологической формаціи, въ которой преобладаютъ граниты —

Граниты финскіе, граниты вѣковые —
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые,

крутые, утесистые, совершенно недоступные, а потому и кажущіеся высокими. Собственно высокихъ горъ въ Финляндіи совсѣмъ нѣтъ, но не мало такихъ, при взглядѣ на которыя вспоминаются слова *Бенедиктова* въ стихотвореніи «Утесъ»:

«Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На дерзкія волны съ усмѣшкой презрѣнья....
Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Онъ силой огня—сынъ огня первородный—
Изъ нѣдра земли мощно выдвинутъ былъ,

Отличительную черту финляндскихъ видовъ составляетъ повсемѣстное обиліе воды. Внутри края находятся многія тысячи озеръ и озерковъ, соединенныхъ между собою рѣками, нерѣдко порожистыми. Озера и рѣки, въ свою очередь, усѣяны островами и островками, между которыми далеко вдаются въ воду—косы, полуострова, мысы. Какъ воды обширныхъ озеръ соединяются между собою иногда посредствомъ неширокихъ, короткихъ, порожистыхъ протоковъ или водоскатовъ, такъ и различныя части суши нерѣдко соединяются между собою болѣе или менѣе узкими перешейками, между которыми многіе очень живописны.

Суша Финляндіи, изобилующая рѣками, озерами и болотами, которыя занимаютъ около трети всего ея пространства, съ двухъ сторонъ (южной и западной) омывается водами неглубокихъ морей, усѣянныхъ безчисленнымъ множествомъ острововъ и островковъ. — Плаваніе по морю между этими островами—одно изъ самыхъ пріятныхъ: въ проливахъ и пле-

Входъ въ Барсзундъ.

сахъ, по которымъ извивается путь парохода, не бываетъ большаго волненія даже и при сильномъ вѣтрѣ; а между тѣмъ есть на что полюбоваться: разнообразные острова и проливы перемежаются то съ голыми гранитными утесами, то съ густыми лѣсами—лиственными или темными хвойными, растущими на берегахъ и на островахъ; мѣстами виднѣются красные домики финляндскихъ хуторянъ, а вдали мелькаютъ бѣлые паруса судовъ —все это вмѣстѣ плѣняетъ не только своею живописностью, но и своимъ неистощимымъ разнообразіемъ.— Земля, изрѣзанная моремъ, и море, усѣянное островами, — все это вмѣстѣ называется по-шведски «шэръ», а по-русски можно передать словомъ *порѣзи*—«skär» или skärgård, а «inom skärs» — въ *порѣзяхъ*. Благодаря нашей привычкѣ къ употребленію иноязычныхъ словъ вмѣсто своихъ, въ описаніяхъ Финляндіи обыкновенно часто встрѣчается слово «шхэры»; это не иное что, какъ только невѣрно прочитанное шведское слово *шэръ*, т. е. *порѣзь*, отъ глагола skära (произносится *шэра)* рѣзать; настоящему шведу и не выговорить слова шхэры! Самыя красивыя порѣзи находятся въ Оландскомъ морѣ, т. е. къ западу отъ мыса *Ханко* или *Гангэ*.

У Финляндіи только три моря, а именно: весь югъ — до мыса Ханко (Hang-ö-udd — Гангудъ) омывается водами *Финскаго залива*, отъ мыса Ханко на сѣверозападъ до *финскаго Новгорода* (Нюстадъ, Ништатъ, Уси-каупунки) и на западъ до шведской границы въ Балтійскомъ морѣ простирается *Оландское море*; а къ сѣверу отъ него — *Ботническій заливъ*.— Не лишнее при этомъ замѣтить, что нѣкоторые географы неправы, не замѣчая Оландскаго моря: это море, съ его многоостровьемъ, составляетъ переходъ отъ Ботническаго залива къ Финскому и сѣверную границу Балтійскаго моря. Нѣтъ достаточно уважительныхъ причинъ

причислять его къ Ботническому заливу; еще менѣе оснований относить его къ Балтійскому морю, и рѣшительно невозможно примежевать его къ Финскому заливу; а всего лучше согласиться съ мѣстными жителями и называть его отдѣльнымъ моремъ—Оландскимъ, по имени самаго большаго изъ острововъ на этомъ морѣ—*Оланда* (неправильно называемаго Аландомъ).

При взглядѣ на хорошую карту Финляндіи естественно рождается вопросъ: не въ борьбѣ ли тутъ суша съ водою? Сто-сорокалѣтнія наблюденія, производимыя въ разныхъ мѣстахъ у береговъ Швеціи и Финляндіи, положительно подтверждаютъ: «да—тутъ постоянная борьба между сушею и моремъ, и суша одолѣваетъ»: въ теченіе столѣтія почва въ цѣлой Финляндіи подымается, хоть и не вездѣ съ одинаковою скоростію, — отъ двухъ до шести футовъ, а это уже въ одну тысячу лѣтъ составляетъ отъ двадцати до шестидесяти футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Черезъ шесть тысячъ лѣтъ, предполагая, что во все это время будетъ продолжаться повсе-

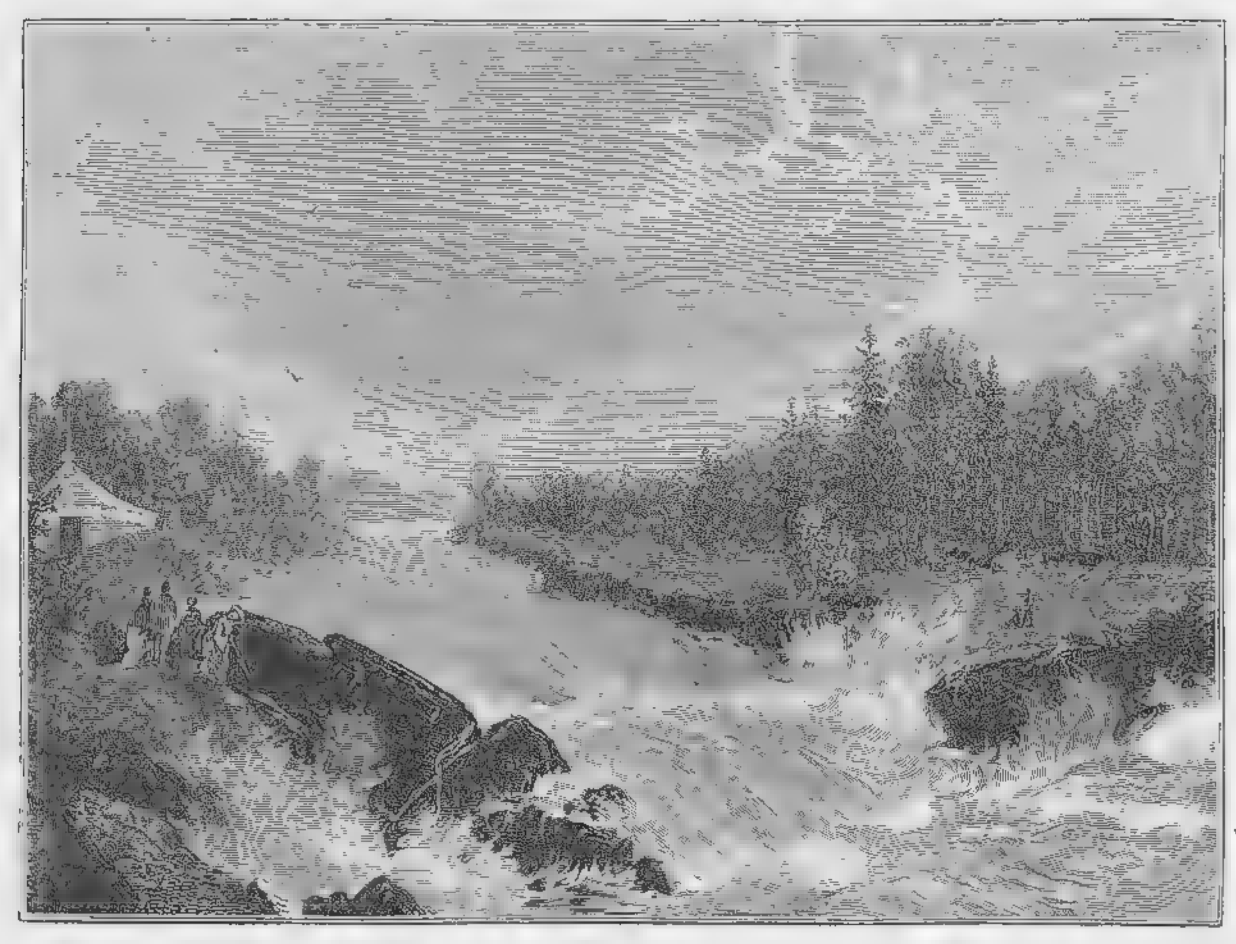

Видъ на Свеаборгъ съ моря.

мѣстное возвышеніе почвы, всѣ тѣ мѣста, которыя теперь находятся на морскомъ берегу, будутъ удалены отъ него на разстояніе отъ 50-ти до 60-ти верстъ, и даже болѣе, причемъ нѣкоторые города, не желая разставаться съ моремъ, будутъ перенесены далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они теперь находятся. — Оландскіе острова обратятся въ холмы, а проливы между ними станутъ долинами, на которыхъ явятся поля и луга и озера съ потоками, ниспадающими съ гранитныхъ скалъ.—Вообще пространство финляндской суши станетъ вдвое болѣе нынѣшняго, а полей и луговъ—въ двадцать разъ болѣе; за то—болотъ уже почти совсѣмъ не будетъ, а дно очень многихъ нынѣшнихъ озеръ превратится въ ложбины, усѣянныя рощами, садами, деревнями и городами.—Черезъ мѣста, гдѣ недавно былъ губернскій городъ Ваза и гдѣ теперь, передвинувшись на десять верстъ къ сѣверозападу за отступающимъ моремъ, стоитъ замѣна Вазы — Николайстадъ, будетъ, можетъ быть, проходить желѣзная дорога къ шведскому городу Умео. Теперь между этими двумя городами — не менѣе восьмидесяти верстъ моремъ; а тогда они будутъ стоять уже одинъ въ виду другаго на двухъ противоположныхъ берегахъ протока, который будетъ вытекать изъ большаго озера размѣрами съ нынѣшнее Ладожское. Вода въ этомъ озерѣ уже будетъ не морская, а прѣсная; къ югу же отъ Кваркена все еще будетъ Ботническій заливъ, хоть и уменьшенный противъ нынѣшняго, но еще, посредствомъ узкаго пролива, соединенный съ Балтійскимъ моремъ. Финскій заливъ сократится менѣе, нежели Ботническій—по двумъ причинамъ: одна та, что тутъ—на югѣ—берега у моря гораздо круче и выше, а море глубже; другая та, что тамъ, на сѣверѣ, подъемъ почвы совершается вдвое и даже почти

втрое скорѣе: въ Финскомъ заливѣ—на два фута въ столѣтіе, въ Ботническомъ—отъ четырехъ почти до шести футовъ въ сто лѣтъ.

Наоборотъ: все въ томъ же предположеніи равномѣрнаго, хотя для тѣхъ временъ вѣроятно болѣе скораго подъема почвы, посмотримъ—какова была Финляндія за шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени?—Ея пространство тогда было вчетверо менѣе, нежели теперь; состояла она изъ четырехъ полуострововъ, изъ которыхъ обширнѣйшимъ былъ западный, самъ состоявшій изъ четырехъ или пяти полуострововъ; къ югу отъ полуострововъ находились порѣзями острова и между ними семь большихъ. Какъ въ наше время обширный островъ Гренландія почти весь покрытъ ледникомъ, такъ въ то время и тѣ части Финляндіи, которыя

Водопадъ Иматра.

были сушею, были покрыты толстой корою льдовъ. Лѣтняя теплота успѣвала растоплять громады снѣговъ, наваливавшихся во время долгой студеной зимы. Холодная вода отъ тающихъ снѣговъ, пробираясь черезъ трещины во льду, сообщала движеніе всей массѣ льдовъ, которые тогда медленно двигались съ горъ къ морю, пока морозъ не останавливалъ ихъ движенія, превращая въ ледъ всю воду, не успѣвшую сбѣжать, и такимъ образомъ замѣняя растаявшія льды новыми льдами. При такомъ вѣчномъ холодѣ много ли тутъ могло быть растеній и животныхъ въ этой древней Финляндіи? Конечно, не болѣе того, какъ въ нынѣшней Гренландіи,—подъ тою же географическою широтою. Оттого и нѣтъ въ Финляндіи ни каменнаго угля, ни мѣла, ни древнихъ раковинъ, вообще большая бѣдность ископаемыхъ остатковъ давней органической жизни.

Нынѣшнее Ладожское озеро было частію тогдашняго обширнаго морскаго залива, остатокъ котораго называется теперь Финскимъ.—Изъ мѣстъ, гдѣ нынѣ стоятъ города, суша была уже только въ двухъ мѣстахъ: тамъ, гдѣ теперь на югѣ Миксль, а на сѣверѣ Каяна, всѣ прочія находились еще на днѣ морскомъ. — Теперь Финляндія называется

«Страной, гдѣ тысячи озеръ»;

Видъ внутри Финляндіи.

а тогда всѣ эти тысячи озеръ, или почти всѣ, были глубиною морскою, пучинами моря, гораздо болѣе пустыннаго и холоднаго, нежели нынѣшнія моря у береговъ финляндскихъ. Тогдашніе берега были гораздо круче нынѣшнихъ. По гранитнымъ утесамъ древнихъ скалъ бѣжали воды древнихъ обильныхъ дождей и просачивались въ трещины утесовъ. Наступала зима, — вода замерзала, а замерзавшая въ трещинахъ рвала скалы, словомъ—дѣйствовала точно также, какъ она и теперь дѣйствуетъ, напримѣръ доставляя, по Ладожскому озеру, граниты съ Валаама на Коневецъ. И способъ доставки встарину былъ тотъ же самый, что и теперь, а именно: свалившіеся камни попадаютъ—или тотчасъ же, или хоть и черезъ нѣсколько лѣтъ, передвигаемые весенними потоками все ниже да ниже—попадаютъ на льдину и тамъ зимуютъ. Придетъ весна и понесетъ ледъ, вмѣстѣ съ камнями на немъ — понесетъ по направленію теченія морскихъ водъ; здѣсь это бывало чаще всего съ сѣверозапада на юговостокъ.—Если свалившійся камень очень великъ, то онъ пролежитъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, пока не намерзнетъ кругомъ него столько льду, чтобы вода могла поднять тяжелый камень. Льдина съ такимъ громаднымъ камнемъ въ немъ уже не «крыга», а «торосъ»: гдѣ она разсыпается — тамъ горе кораблю, который слишкомъ близко подходитъ къ торосу: громадная волна зальетъ его, затопитъ. Гонимый вѣтромъ, увлекаемый теченіемъ, торосъ плыветъ, а ледъ его таетъ; чѣмъ меньше льду въ торосѣ, тѣмъ глубже онъ идетъ въ водѣ, тѣмъ легче ему задѣть за какую нибудь мель, и если эта мель такъ прочна, что торосъ, увлекаемый теченіемъ, не сдвинетъ ее, такъ онъ тамъ и ляжетъ, а камни его тамъ и останутся навсегда. Впрочемъ не каждый камень, переносимый торосомъ, долженъ сѣсть непремѣнно на мель: иные льды, переплывая глубину, разрыхляются такъ, что ихъ камни погружаются въ воду и садятся на дно глубокой пучины. Гдѣ камни опускаются на дно или мель, тамъ ужь они и остаются, увеличивая собою на мели ея пространство; тѣмъ же самымъ увеличивается на будущіе годы объемъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя не перебраться не только торосамъ, но и простымъ льдинамъ; всѣмъ имъ приходится тутъ растаять и тутъ же оставить свою каменную добычу, принесенную ими съ береговъ, иногда и очень далекихъ. Такъ бываетъ теперь, такъ было и за тысячи лѣтъ до насъ.

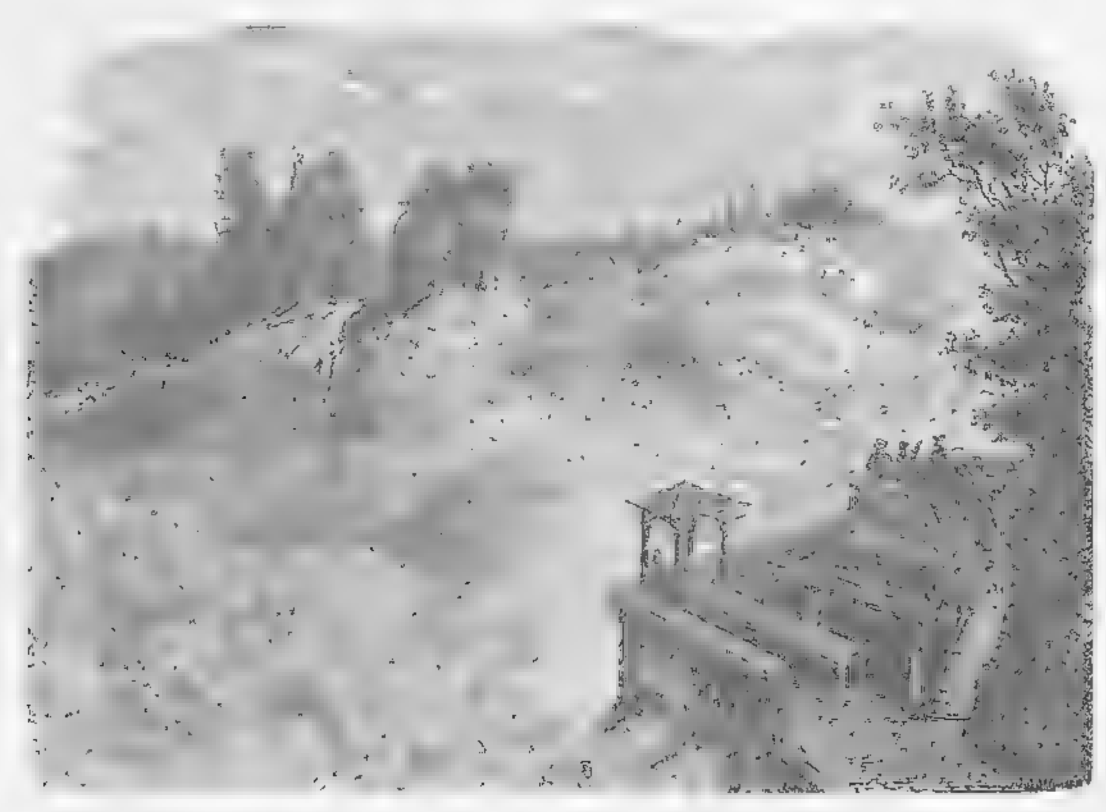

Ловля форелей у Иматры.

Такъ образовались тѣ продолговатыя горы, для которыхъ есть по-шведски особенное названіе: (ås — осъ), åsar (ôсаръ). По-русски можно бы называть ихъ «валуньими», потому что *валунья* состоитъ изъ «валуновъ», перемѣшанныхъ съ пескомъ. Эти камни очевидно отвалились когда-то отъ скалъ, свалились на землю или на ледъ, потомъ волны долго обтирали ихъ одинъ о другой, пока не навалилось на нихъ столько другихъ камней, что ужь волны не въ силахъ были шевелить нижніе камни, или пока почва не возвысилась на столько, что ужь волны не могли достигать до этихъ древнихъ валуновъ.

Итакъ уже за тысячи лѣтъ до нашего времени готовился булыжникъ для мощенія улицъ въ нашихъ городахъ, и заготовлены его многія, многія горы не только въ Финляндіи, но и

вездѣ, гдѣ мѣстность представляла для того благопріятныя условія; въ Финляндіи же условія эти были особенно благопріятны.

Изъ этихъ камней, тѣ, что покрупнѣе—называются валунами, которые помельче—булыжникомъ, еще мельче «галькою», а самые мелкіе «пескомъ.» Одинъ изъ видовъ гранита разсыпается «дресвою», именно тотъ, зерна котораго соединены полевымъ шпатомъ: полевой шпатъ превращается въ глину, а гранитныя зерна, лишенныя связи между собою, обращаются въ дресву, т. е. крупный песокъ особеннаго вида. Граниты, дѣйствіемъ на нихъ воды и воздуха, разрыхляемые до превращенія въ дресву, называются по-фински «гнилымъ камнемъ» — *рапа киви*, потому что въ юго-восточной Финляндіи нерѣдко представляются случаи наблюдать, какъ твердый гранитъ, мало-по-малу, будто гніетъ, рыхлѣетъ и разсыпается дресвой. Этотъ «гнилой камень» пришелся очень кстати въ Финляндіи для сооруженія прекрасныхъ почтовыхъ дорогъ, которыми этотъ край можетъ по справедливости гордиться.

На Иматрѣ.

Та меньшая часть нынѣшней Финляндіи, которая уже за шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени была сушею, тогда была пустынна, совершенно безлюдна и непригодна для жизни: большая часть ея гранитовъ была дномъ ледника, на нѣкоторыхъ мѣстахъ постояннаго, потому что климатъ, при тогдашнемъ распредѣленіи суши и воды на земномъ шарѣ, былъ гораздо суровѣе нынѣшняго. На скалахъ финляндскихъ сохранились еще во многихъ мѣстахъ царапины отъ ледниковъ, которые несутъ на днѣ своемъ камни. Большая часть этихъ царапинъ въ Финляндіи простирается съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Это указываетъ на долговременность и постоянство того подъема почвы, какой тутъ замѣчается и въ наши дни.

Если бы собрать всю ту землю, которая въ теченіе тысячелѣтій была снесена и льдами и водой съ древней безлюдной Финляндіи въ страны, лежащія отъ нея на юго-востокъ, и если бы всю эту землю сложить на то лишь пространство, которое было сушею за 6000 лѣтъ до нашего времени, то получились бы на этихъ мѣстахъ громадныя горы; тѣмъ не менѣе можно думать, что эти горы совсѣмъ не были особенно высоки, да и сомнительно—были ль онѣ надъ уровнемъ морскимъ хоть значительно выше нынѣшнихъ горъ тамъ же? Потому что и подъ горами, также какъ и у береговъ морскихъ, почва Финляндіи поднимается дѣйствіемъ

внутренней земной теплоты; то, что было когда-то глубоко у подошвы скалы, теперь составляетъ ея вершину, но эта вершина, быть можетъ, на столько же, или почти на столько же, теперь возвышается надъ моремъ, на сколько въ то давнее время тутъ же возвышалась прежняя вершина скалы, давно унесенная водами и, можетъ быть, уже составляющая часть мостовой гдѣ-нибудь — въ Дерптѣ или въ Петербургѣ. Сколько вывѣтриваніемъ и дѣйствіемъ воды снято камня съ древней Финляндіи, на столько же она могла приподняться, и высота вершины надъ уровнемъ морскимъ могла остаться прежняя; но вотъ что рѣшительно и несомнѣнно перемѣнилось: разстояніе отъ этой вершины до морскаго берега: прежде тутъ были утесы вблизи морскаго берега, а теперь отъ нихъ до моря десятки и сотни верстъ. На мѣстѣ тогдашняго моря находится теперь почти вся та Финляндія, которою пользуются люди, а на той землѣ, что тогда была безлюдною, еще и теперь живетъ немного людей — на скалахъ и межъ скалами.

Послѣ этого краткаго обзора минувшихъ судебъ Финляндіи, займемся теперь современнымъ ея видомъ.

Почти четверть всей нынѣшней Финляндіи, именно весь ея юго-востокъ, занятъ водосмомъ озера *Саймы*. Въ Сайму, посредствомъ разныхъ протоковъ да притоковъ вливаются воды ста двадцати большихъ озеръ и болѣе нежели тысячи озерковъ; а изъ него прямо въ море сообщеніе устроено искусственно, посредствомъ сайминскаго канала; природа же тутъ провела воду кружнымъ путемъ — черезъ Ладогу.

Водопадъ Эмме, у Каяны.

До весны 1818 г. воды Саймы стремились къ Ладогѣ лишь однимъ путемъ — чрезъ *Вокшу* (Vuoksa) и вливались въ Ладогу у города *Кексгольма* (по-фински «Кеки-сальми», т. е. «кукушкинъ островъ»); къ югу отъ него находилось глубокое озеро *Суванто*, посылавшее свои воды въ Вокшу. Весною этого года разливы водъ были очень велики, и озеро Суванто затопило много луговъ. Самый восточный край его, на протяженіи семидесяти пяти саженъ, отдѣлялся отъ Ладоги песчанымъ перешейкомъ, имѣвшимъ въ ширину всего шесть саженъ. Вода въ Суванто была тогда саженей на семь выше Ладоги.—«Эй, братцы! теперь бы можно въ Ладогу поспустить воды изъ нашего Суванто, чтобъ оно не такъ жадно заливало наши земли!» сказалъ своимъ односельчанамъ одинъ изъ жителей деревни Тайпале.—«Такъ что-жъ? сходимъ домой за лопатами!»—отвѣтили другіе. Пришли и давай копать канавку между Сувантомъ и Ладогой. Прокопали небольшой ровъ; вода изъ Суванта, журча, заструилась по новой дорожкѣ — прямо въ Ладогу. Наступила ночь; крестьяне ушли домой отдыхать; а утромъ въ самый Юрьевъ день, пошли посмотрѣть на свою вчерашнюю работу; но тутъ уже за ночь само Суванто поработало: на мѣстѣ ихъ канавки ревѣлъ стремительный потокъ, ворочая большіе камни, вырывая съ корнемъ и унося въ Ладогу старыя сосны. Дѣло вскорѣ кончилось тѣмъ, что, на мѣстѣ прежняго перешейка, образовалась рѣка шириною въ 75 футовъ, а озеро Суванто отдало тайпальцамъ всѣ земли, у нихъ прежде отнятыя разливомъ, да еще съ большою придачею и со всѣмъ, что было прежде поглощено озеромъ и лежало на его днѣ. А въ томъ протокѣ, по которому Суванто прежде посылало свои воды въ Вокшу, теченіе по-

вернуло и направилось изъ Вокши въ Суванто. Шло оно вяло, мелководнымъ протокомъ, который разливался широко и образовалъ болото, а это болото было, въ 1857 году, уничтожено трудами финляндскихъ инженеровъ, прокопавшихъ такъ называемый *Каменный мысъ*—«Киви-ньёми», на протяженіи ста семи саженей. По этой новой дорогѣ устремилась вода изъ Вокши въ Суванто протокомъ, поглотившимъ и увлекшимъ съ собою воду изъ болотъ.

Рѣка Вокса, Вокша или Вуокса представляетъ цѣпь проточныхъ озеръ, на которыхъ находится нѣсколько водоскатовъ и между ними замѣчательнѣйшій — *Иматра*, при самомъ началѣ Воксы, недалеко отъ ея выхода изъ Саймы. Въ юго-восточномъ углу этого озера, на шестисаженной глубинѣ, уже замѣчается постоянное теченіе — это начало рѣки, на которой вскорѣ появляются пороги *Малой Иматры;* затѣмъ рѣка расширяется до ста шестидесяти саженей и тутъ будто собирается съ силами явиться въ видѣ знаменитой *Иматры*, которая не имѣетъ себѣ соперницъ въ Старомъ Свѣтѣ и уступаетъ обиліемъ воды только Ніагарѣ. Но Иматра собственно не водопадъ, а водоскатъ: девять саженъ паденія тутъ распредѣляются на протяженіе двухъ сотъ восьмидесяти пяти саженъ,—крутизна, конечно, значительная, но ею одною еще нельзя объяснить себѣ ни гулъ Иматры, слышный верстъ на шесть кругомъ, ни то ошеломляющее впечатлѣніе, какое она производитъ на зрителя. Этому способствуютъ еще три обстоятельства: крутизна ея, мѣстами совершенно отвѣсныхъ, гранитныхъ береговъ, свойства дна, очевидно состоящаго изъ подводныхъ утесовъ, торчащихъ между глубокими водоворотами, и узость ложа рѣки, едва достигающаго двѣнадцати саженей. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, вода не просто падаетъ, а часто и на многихъ мѣстахъ то прыгаетъ кверху, то подымается крутыми горбами; бугры, разсыпаясь брызгами, прядаютъ и другъ на друга и на береговые утесы, чувствительно дрожащіе подъ этими ярыми ударами. Лососи да форели любятъ перебираться черезъ быстрины и водоскаты, но по Иматрѣ и они плавать не могутъ! Многоводность Иматры опредѣляется среднею мѣрою такъ: по пяти милліоновъ ведеръ воды въ каждую секунду времени переливается черезъ поперечный разрѣзъ водоската. Быстрота теченія велика, но неизмѣрима, потому что на встрѣчу струямъ, летящимъ внизъ, обрушиваются волны, отбитыя крѣпостью утеса; отъ этой борьбы образуются внизу водовороты, а вверхъ высоко летятъ брызги, на которыхъ, при благопріятномъ освѣщеніи, образуются радуги.

Водопадъ Гегфорсъ.

Трудно словами изобразить впечатлѣнія, которыя Иматра производитъ на посѣтителей, пріѣзжающихъ туда изъ Выборга, за шестьдесятъ верстъ. Лучшій видъ на Иматру—съ ея восточнаго берега; дорога же изъ Выборга приводитъ къ западному, гдѣ устроена и гостиница для пріѣзжающихъ. Чтобы попасть на противоположный берегъ, прежде необходимо было подниматься вверхъ, или спускаться внизъ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже возможенъ переѣздъ на лодкѣ, и это составляло переѣздъ и переходъ до десяти верстъ! Теперь же возможно достигнуть той же цѣли, проѣхавши всего саженей двадцать по канатному пути, по которому движутся колеса тележки, перевозящей людей.

Озеро Сайма и каналъ изъ него къ морю.

Многоозерье, которое по главному озеру *Саймъ* (Saima) называется «Сайминскимъ», представляетъ множество красивыхъ мѣстъ, и нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли извѣстность, какъ напримѣръ «Свиной Хребетъ», по-фински «Пунка-харью»; такъ называется островъ на Саймѣ, на дорогѣ изъ *Сердоболя (Сортавала)* въ *Нейшлотъ (Савонлинна)*. Этотъ островъ длиною верстъ шесть, а шириною въ нѣсколько саженей, своими концами, восточнымъ и западнымъ, отстоитъ недалеко отъ твердой земли; путешественники черезъ оба пролива перевозятся паромами, а съ высотъ, составляющихъ этотъ островъ, любуются на прекрасные виды этой многоводной, скалистой и лѣсистой страны.

Сайминское многоозерье замѣчательно тѣмъ, что оно обладаетъ обширными пространствами удобными для судоходства, которое и совершается здѣсь очень дѣятельно. О его обширности можно получить понятіе, перечисливъ тѣ города, для которыхъ эти воды служатъ путемъ сообщенія. Самый южный городъ *Вильманстрандъ* или *Лаппеенранта*, самый западный *Микель*, губернскій городъ, названный такъ по церкви Михаила-Архангела; гораздо сѣвернѣе его другой губернскій городъ *Куопіо*, а еще значительно сѣвернѣе его находится уѣздный городъ *Иденсальми* или *Исальми*, къ сѣверу отъ котораго цѣпь его озеръ простирается до границы Улеоборгской губерніи. На пути изъ Вильманстранда въ Куопіо не миновать *Нейшлота*, иначе *Савонлинны*—города, построеннаго на островѣ между двумя протоками, посредствомъ которыхъ Сайма получаетъ водную дань отъ своихъ сѣверныхъ озеръ: западной вѣтви ихъ, направляющейся на Куопіо, и восточной—къ уѣздному городу *Йоенсу*. Съ іюля 1879 года началось судоходство по расчищенной, прежде порожистой рѣкѣ *Піелисъ*, вытекающей изъ большаго судоходнаго озера *Піелисъ*, на сѣверномъ концѣ котораго, въ одной широтѣ съ Иденсальми, находится село *Нурмесъ*.

Водопадъ Туоппилаксъ.

Судоходство на всѣхъ этихъ водахъ оживилось и сдѣлалось весьма значительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ прорытъ *Сайминскій* каналъ, открытый въ 1856 году. Этотъ каналъ составляетъ одну изъ важныхъ замѣчательностей Финляндіи.

Уже при Густавѣ-Адольфѣ начатъ былъ каналъ, долженствовавшій соединить воды Сайминскаго многоозерья съ моремъ, но не могъ быть оконченъ! Теперь же, въ царствованіе Николая I, составленъ для этого канала новый проектъ, при участіи нарочно для того приглашеннаго изъ Швеціи тамошняго знаменитаго инженера путей сообщенія *Эриксона*. Баронъ Розенкампфъ составилъ и представилъ планъ, Высочайше утвержденный въ сентябрѣ 1844 года и выработанный согласно съ предложеніями Эриксона, который послѣ того, въ званіи «совѣщательнаго инженера», пріѣзжалъ по два раза въ годъ. По смерти барона Розенкампфа начальникомъ работъ назначенъ самъ Эриксонъ, который и тогда, не покидая службы на своей родинѣ, въ Швеціи, продолжалъ только пріѣзжая наблюдать за работами на Сайминскомъ каналѣ. Во время восточной войны эти пріѣзды пришлось прекратить, и преемникомъ Эриксона былъ нѣкоторое время Шернваль, а по смерти его, наконецъ, Юлій Андреевичъ Минквицъ, нынѣшній начальникъ путей сообщенія въ Финляндіи, при которомъ всѣ работы успѣшно окончены за сумму, слишкомъ на три милліона рублей меньшую предполагавшейся первоначально по смѣтамъ. Торжественное открытіе канала совершено въ 1856 году, въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ происходила коронація императора Александра Николаевича, т. е. 26 августа (7 сентября) 1856 г. Берегъ Саймы, недалеко отъ Вильманстранда, на 256 фут. выше уровня моря въ заливѣ у города Выборга, а все разстояніе между обоими концами канала, съ небольшимъ

пятьдесятъ шесть верстъ; ѣзда по каналу должна совершаться плавно, съ одинаковою легкостью, какъ вверхъ, такъ и внизъ. Этой цѣли достигаютъ посредствомъ *шлюзовъ;* а шлюзами называются ворота поперекъ канала, которыхъ всего двадцать восемь. Пароходъ миновалъ шлюзъ—и, по два человѣка на каждой сторонѣ, дѣйствуя воротомъ, запираютъ *шлюзъ*, т. е. *затворъ*. Дойдя до слѣдующаго затвора, пароходъ опять останавливается; два или четыре человѣка, по одному или по два на каждой сторонѣ, будутъ медленно раздвигать ворота слѣдующаго затвора (иначе шлюза), вслѣдствіе чего вода изъ верхней части канала будетъ стремиться на встрѣчу пароходу, пока не станетъ на одинъ уровень въ обоихъ отдѣленіяхъ, а тогда уже и ворота передняго затвора совершенно раздвинуты и пароходъ продолжаетъ путь свой по водѣ спокойной, нетекучей. Иногда у одного и того же затвора стоятъ по одну сторону суда, готовыя спускаться, по другую готовыя подыматься; это бываетъ тамъ, гдѣ достаточно простора для того, чтобы суда могли проходить на встрѣчу одни другимъ. На Сайминскомъ каналѣ находится нѣсколько очень просторныхъ разъѣздовъ, потому что самый каналъ пересѣкаетъ на своемъ пути нѣсколько небольшихъ озеръ и питается водами не только Саймы, но и разныхъ меньшихъ озеръ, а также рѣчекъ и потоковъ, направленныхъ въ каналъ, въ которомъ такимъ образомъ всегда много воды. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на цѣлыя версты, а въ ширину и глубину на сажени, до тридцати пяти квадратныхъ саженей въ поперечномъ разрѣзѣ, приходилось пролагать русло канала въ сплошномъ гранитѣ, дѣйствуя для того только молотами да порохомъ. Каменная громада, уступавшая такимъ образомъ мѣсто для правильнаго судоходства, доставляла строительный матеріалъ для разныхъ построекъ и, между прочимъ, тамъ, гдѣ каналъ проходитъ не въ скалѣ, тамъ и дно его, также какъ и берега, для бичевника, облицованы гранитомъ.

Вся длина канала 56 верстъ, изъ нихъ 30 прорыты въ землѣ и въ гранитѣ, а 26 канализованы въ рѣкахъ и озерахъ, пересѣкаемыхъ каналомъ. Путешественники, желающіе полюбоваться на это чудесное сооруженіе, могутъ изъ Выборга, по нѣскольку разъ каждый день, отправляться на пароходѣ или только до ближнихъ шлюзовъ, напр. до Юстилы, или же до Вильманстранда. На первый изъ этихъ проѣздовъ нуженъ одинъ часъ времени, а на второй девять часовъ, за то тогда получается возможность полюбоваться на превосходные виды озера Саймы. Берега канала окружены домами и садами. Ширина его не менѣе сорока футовъ по дну, глубина не менѣе девяти футовъ отъ водной поверхности до дна. По этому каналу могутъ ходить суда не болѣе какъ слѣдующихъ размѣровъ: длина 105 футовъ, ширина 24 фута, осадка $8^1/_2$ футовъ.

Благодаря Сайминскому каналу, пространство торговыхъ береговъ Финляндіи увеличилось на цѣлую треть: изъ мѣстъ, орошаемыхъ водами Сайминскаго многоозерья, теперь возможно и уже дѣятельно производится прямое сообщеніе съ поморьемъ не только Финляндіи и Россіи, но и всего свѣта! Срочное пароходное сообщеніе, напримѣръ, отъ города Куопіо теперь, въ теченіе времени, не менѣе шести мѣсяцевъ каждый годъ, производится не только съ Выборгомъ, Гельсингфорсомъ, С.-Петербургомъ, Ревелемъ и до Торнео, но также со Стокгольмомъ, Любекомъ и Лондономъ; а парусныя суда изъ Куопіо ходятъ прямо и въ Америку, и въ Австралію, не говоря уже о мѣстахъ болѣе близкихъ, напримѣръ—въ Средиземное море за винами, солью и пр., доставляя туда, между прочимъ, коровье масло, изготовленное въ Финляндіи.

Къ западу отъ Сайминскаго многоозерья находится *серединное* финляндское многоозерье, называемое пэйянскимъ, по своему главному озеру *Пэйяне*, на берегахъ котораго находятся города *Ювескюля* въ Вазаской губерніи и *Хейнола* — въ Микельской, а большая часть его въ Тавастгусской губерніи, гдѣ находится и самая важная пристань, у деревни *Ляхтисъ*, на озерѣ Веси-ярви, которое посредствомъ канала соединено съ озеромъ Пэйяне. Сюда проведена къ пристани на озерѣ короткая вѣтвь отъ Рихимяки (станціи с.-петербургской желѣзной дороги), которая для сообщенія Пэйяне съ моремъ замѣняетъ водный путь, потому что быстрая рѣка *Кю-*

Вечеръ на озерѣ Сайма.

мень несудоходна, въ чемъ легко убѣдиться каждому, переѣзжающему эту рѣку, на почтовыхъ ли, тамъ, гдѣ на одномъ изъ устьевъ Кюмени гремитъ немолчный Hög-fors, т. е. «Высокій водопадъ», или по желѣзной дорогѣ, гдѣ черезъ эту рѣку, съ одного берега на другой, перекинутъ замѣчательный мостъ, вѣсомъ въ 356½ тоннъ; по рисунку финляндскаго инженера Альгрена, онъ построенъ въ Англіи: доставленъ оттуда въ частяхъ, которыя сложены и свинчены на берегу рѣки, а когда все было готово для *наката*, тогда 80 человѣкъ, проработавъ одиннадцать часовъ, накатили этотъ мостъ, по особеннымъ временнымъ подставкамъ, на то мѣсто, гдѣ онъ и теперь стоитъ. Мостъ поднимаетъ тяжесть до 1400 тоннъ, т. е. слишкомъ въ шесть разъ болѣе того, сколько можетъ на немъ единовременно помѣститься, на что указываютъ размѣры моста: длина всей фермы 221 футъ, вышина отъ верхняго края до нижняго устоя 20 футовъ и ширина 14 футовъ. На мосту настилка и желѣзная дорога въ одинъ путь; шляпки рельсовъ на 50 футовъ надъ уровнемъ низшей воды. Вода въ Кюмени и въ самую суровую зиму рѣдко замерзаетъ.

Третье многоозерье—западное, оканчивается судоходною рѣкою *Кумо*, впадающею въ Ботническій заливъ. Самое большое изъ его озеръ *Няси* (Näsi-järvi) со своими заливами представляетъ всѣ удобства для значительно развитаго на немъ судоходства. Озера, соединенныя съ нимъ протоками, простираются верстъ на двѣсти къ сѣверу. Южнымъ концомъ своимъ оно соединяется со Свят-озеромъ *Пюхэярви*, тоже судоходнымъ на десятки верстъ къ юго-востоку. Одно изъ озеръ, посылающихъ свои воды въ Свят-озеро, называемое *Ройне*, замѣчательно красотою видовъ своихъ береговъ. До 1830 года оно не соединялось съ лежащимъ отъ него къ сѣверу обширнымъ озеромъ *Ленгельмей*, уровень котораго былъ на сажень выше. Перешеекъ между ними былъ въ ширину около семидесяти саженъ и возвышался надъ уровнемъ водъ одного озера на пять, а другаго на шесть саженъ. По распоряженію правительства, перешеекъ этотъ перекопанъ и вода изъ верхняго озера спущена въ нижнее. Яростный потокъ стремился изъ одного озера въ другое, пока поверхность обоихъ не пришла къ одному уровню—на 277 футовъ надъ поверхностью моря. Избытокъ спущенныхъ водъ сбѣжалъ черезъ Свят-озеро и рѣку Кумо въ Ботническій заливъ, а на берегахъ верхняго озера получилось 2270 десятинъ плодородной земли. Подобныя работы въ Финляндіи произведены во многихъ мѣстахъ и производятся частію для осушки мѣстности, частію для пріобрѣтенія луговъ и полей. Изъ Свят-озера стремительно выбѣгаетъ черезъ пороги рѣка *Нокія*, водопады которой уже работаютъ надъ приготовленіемъ папки изъ дерева; эта Нокія, посылающая свои воды черезъ озеро въ рѣку Кумо, сама получаетъ часть ихъ съ сѣвера, гдѣ на протокѣ между двумя озерами славится водопадъ *Кюро*, впрочемъ бывающій многоводнымъ и красивымъ только весною. Гораздо красивѣе и величавѣе изъ финляндскихъ водопадовъ тотъ, который находится на короткомъ протокѣ Тампере, между Нясн-озеро и Свят-озеро. Въ 1819 году Императоръ Александръ I, во время своего путешествія по Финляндіи, любуясь замѣчательно красивыми видами этой части края, нашелъ, что король Густавъ III совершенно вѣрно полагалъ, что *Тампере-водопадъ* очень можно бы употребить какъ движущую силу: а чтобы поощрить къ основанію тутъ хорошихъ фабрикъ, императоръ Александръ I даровалъ на опредѣленный срокъ городу *Таммерфорсу* права̀ porto-franco, т. е. освобожденіе отъ взноса таможенныхъ пошлинъ. Благодаря этой льготѣ, вскорѣ основались двѣ фабрики: англичанинъ Финлейсонъ завелъ хлопчатобумажную прядильню и ткальню, которая и теперь славится своими тканями, а финляндецъ Френкель основалъ и устроилъ свою знаменитую фабрику писчей бумаги. Впослѣдствіи, гораздо позднѣе, возникла третья фабрика полотняныхъ издѣлій. Эти три больнія фабрики заимствовали отъ водопада нѣсколько сотъ лошадиныхъ силъ и пользуются ими для своихъ надобностей. Вотъ что однажды случилось здѣсь, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда еще на озерѣ Няси не было бревенъ, укрѣпленныхъ мертвыми якорями за дно озера и указывающихъ предѣлъ, далѣе котораго никому не слѣдуетъ проплывать. Англичанинъ, съ фабрики Финлейсона, съ однимъ финномъ, ка-

тался на парусной лодочкѣ по Пяси-ярви; неосторожно приблизились они къ тому мѣсту, гдѣ ихъ лодка перестала повиноваться и рулю, и парусамъ, и весламъ: ее ухватила страшная сила и неудержимо повлекла къ водопаду. Финнъ еще надѣялся выплыть, кинулся въ волны, но не могъ одолѣть быстрины—она поглотила его! Англичанинъ ухватился за лодку и, лежа въ ней, слетѣлъ по отвѣсной, высокой стѣнѣ водопада въ глубину, откуда сильнымъ токомъ выкинуло лодку на гранитъ, торчащій изъ пѣны водъ. Къ счастію, англичанинъ сохранилъ присутствіе духа: успѣлъ выскочить на камень и подтянуть на него свою лодочку. Было утро воскреснаго дня. На берегу собралось множество народа: всѣ смотрѣли на чудо—на человѣка, слетѣвшаго по водопаду, оставшагося живымъ и теперь стоящаго на камнѣ среди бушующихъ волнъ! Но какъ спасти его? Англичанинъ самъ догадался. При грохотѣ водопада никакого крику не слышно и въ десяти шагахъ, а до берега отъ этого спасительнаго камня гораздо более десяти шаговъ! Къ счастью, у англичанина былъ съ собою бумажникъ и карандашъ, да еще клубокъ шнурка. Онъ написалъ: «привяжите къ этому шнурку веревку, а къ веревкѣ канатъ; я привяжу себя къ лодкѣ, а вы канатомъ тащите лодку со мною на берегъ.» Бумажку съ такимъ совѣтомъ онъ привязалъ къ камешку и швырнулъ на берегъ; все сдѣлано по его желанію, и англичанинъ былъ спасенъ.

Саймаисъ и каналъ.

Въ настоящее время у водопада Тампере уже построено столько различныхъ фабрикъ, что ими разобрана, взята вся сила этого многоводнаго водопада; теперь онъ работаетъ на пользу людямъ круглый годъ и всѣми силами.

Таммерфорсъ и его окрестности славятся красотою своихъ видовъ; заслуженною извѣстностію въ этомъ отношеніи пользуется переѣздъ отъ Тавастгуса до Таммерфорса по почтовой дорогѣ, проведенной по вершинѣ водораздѣла между озерами; желѣзная дорога обходитъ ихъ по юго-западной сторонѣ, переходя черезъ протокъ, соединяющій Свят-озеро съ группою озеръ, между которыми самое большое называется Ваная-веси.

Финляндскія желѣзныя дороги всѣ находятся въ предѣлахъ трехъ озерныхъ водоемовъ, сейчасъ описанныхъ нами, да на поморьяхъ Финскаго залива и Оландскаго моря, орошаемыхъ небольшими рѣками, между которыми находятся и судоходныя, какъ напр. *Илугъ-рѣка*, *Аврайоки*, при устьѣ которой стоитъ городъ Або.

Для губерній, берега которыхъ омываются водами Финскаго залива и Оландскаго моря, устроена уже прочная и удобная связь: восемьсотъ тридцать верстъ желѣзныхъ дорогъ, посредствомъ которыхъ въ одно цѣлое соединяются страны, омываемыя тремя вышеописанными озерными системами: восточною (Сайма), среднею (Пэйяне) и западною (Няси). Изъ нихъ въ прямомъ сообщеніи съ моремъ находится только восточная, посредствомъ Сайминскаго канала; обѣ же другія системы и между собою, и съ моремъ, и съ восточною системою озеръ соединяются только посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Финляндскія желѣзныя дороги вообще замѣчательны дешевизною своего сооруженія, образцовою точностью своихъ движеній и порядкомъ въ дѣлѣ эксплоатаціи. На послѣднемъ финляндскомъ сеймѣ рѣшено и уже Высочайше утверждено: построить еще желѣзную дорогу отъ Таммерфорса до Николайстада.

Строющаяся желѣзная дорога представитъ переходъ изъ южной половины Финляндіи въ сѣверную, состоящую изъ губерній Улеоборгской и Вазаской. Эта послѣдняя дѣлится хребтомъ Суоменъ на двѣ половины, изъ которыхъ восточная принадлежитъ къ озернымъ водоемамъ, а западная, также какъ и почти вся Улеоборгская губернія, орошается водами рѣкъ, впадающихъ въ Ботническій заливъ. Всѣ берега Ботническаго залива, восточный, сѣверный и западный, или финляндскій и шведскій, орошаются водами рѣкъ, сближающихся своими устьями, подобно тому, какъ на древесномъ листѣ жилки сближаются у его середины. Всѣ эти рѣки болѣе или менѣе порожисты; быстрины да водопады и водоскаты затрудняютъ плаваніе по нимъ, такъ что онѣ чаще употребляются только для сплава по нимъ, особенно лѣса.

Всѣ эти рѣки богаты рыбою, давшею нѣкоторымъ изъ нихъ названія; такъ подъ 65 градусомъ широты, по обѣ стороны отъ города Брагестада, впадаютъ въ море: на югѣ Сигъ-рѣка—

Окрестности Выборга.

Сика-йоки, на сѣверѣ Рыба-рѣка—Кала-йоки, а между ними Святая-рѣка—Пюхе-йоки; въ Финляндіи находится не мало рѣкъ, озеръ и горъ, называемыхъ Святыми, что указываетъ на древнее боготвореніе этихъ предметовъ.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ длиннѣе и многоводнѣе рѣки, бѣгущія въ Ботническій заливъ. Близъ Улеоборга впадаетъ въ море рѣка *Овлу*, иначе *Улео*, наполненная порогами и быстринами. Она вытекаетъ изъ озера того же имени, т. е. называемаго по-фински Овлу, а по-шведски Улео; такъ какъ жители на его берегахъ Финны, то было бы правильнѣе называть эти рѣку и озеро финскимъ именемъ Овлу. Двѣ цѣпи озеръ, соединенныхъ протоками, шлютъ свои воды въ Овлу-озеро; изъ нихъ южная, можно сказать, врывается въ это озеро двумя водопадами, изъ которыхъ одинъ называется *Старухой* или Бабой — *Эммекоски* — старуха-водопадъ, а другой называется *Березовымъ*, по-фински *Койво* (Койво-коски). Близъ Старухи или Бабина водопада видны еще развалины старинной шведской крѣпости,

разоренной Русскими въ 1716 году. Городъ, стоящій тутъ же, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, называется *Каяною*, по имени «Квеновъ», того финскаго племени, которое заселило Улеоборгскую губернію. Потомки этихъ Квеновъ называютъ себя общимъ именемъ *Суомалайненъ* въ единственномъ, *Суомалайсетъ* во множественномъ числѣ, т. е. болотняками, сумью; но ближніе сосѣди, Норвежцы, попрежнему называютъ не только этихъ, но и всѣхъ Финновъ Квенами; Финнами же называютъ лопарей, такъ что норвежское *Финмаркенъ* значитъ тоже самое, что шведское *Лапландъ*, по нашему Лапландія.

Проектируемая сѣть финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ доходитъ на сѣверъ до устья рѣки Овлу, до города Улеоборга. Далѣе и Финляндцы, и Норвежцы думаютъ о береговой желѣзной дорогѣ отъ Улео до Лу̀лео, т. е. отъ города Улеоборга до шведскаго города Лу̀лео; этотъ послѣдній лежитъ при устьѣ рѣки Луле, и къ нему предполагается провести желѣзную дорогу отъ Елливары (Gellivare); а Елливарою называется то мѣсто подъ 68 градусомъ широты, гдѣ находится богатѣйшій рудникъ превосходнаго желѣза. Думаютъ, что эта горнозаводская желѣзная дорога будетъ окупаться одною перевозкою богатой желѣзной добычи, но съ этимъ связываютъ мысль о продолженіи дороги на востокъ, до Улеоборга, откуда финляндскія желѣзныя дороги будутъ доходить до Петербурга, и на западъ до Норвежскаго моря, для чего придется провести дорогу черезъ высокія горы.

Сѣвернѣе Овлу впадаетъ въ Ботническій заливъ быстрая *И*-рѣка—J-joki, вытекающая изъ *И*-озера — J-järvi и въ нее впадаетъ *Ливо*-рѣка, тоже вытекающая изъ своего озера. Узкій и въ этомъ мѣстѣ невысокій кряжъ *Туземнаго хребта*—Мансельке, отдѣляетъ сѣверный берегъ этихъ озеръ отъ южныхъ береговъ озеръ *Юли* и *Кусамо*, служащихъ истоками для водъ, вливающихся въ Кандалакшскую губу Бѣлаго моря рѣкою Ковдою. Между озерами Юли и Ливо находится протокъ, какъ бы естественное соединеніе Бѣлаго моря съ Ботническимъ заливомъ. На послѣднемъ финляндскомъ сеймѣ было подано ходатайство мѣстныхъ жителей о томъ, чтобъ этотъ протокъ былъ надлежащимъ образомъ углубленъ и вообще увеличенъ настолько, чтобы по немъ удобно было производить сплавъ лѣсныхъ продуктовъ изъ-за Мансельке къ морю.

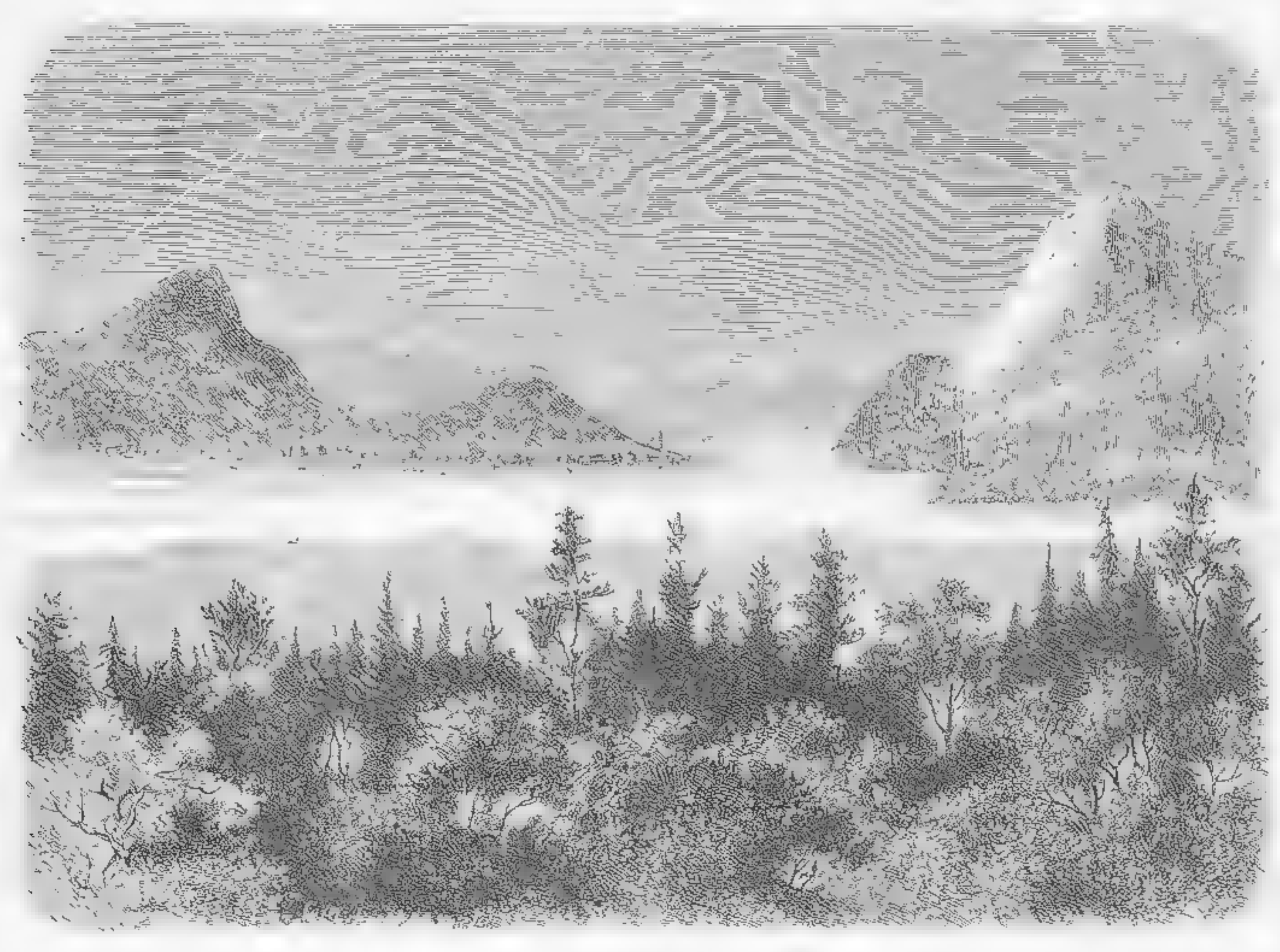
Большую часть сѣвера Улеоборгской губерніи наполняетъ водоемъ рѣки *Кеми*, впадающей въ море у города Кеми; это самая большая рѣка въ Финляндіи. Верховья ея притоковъ сбѣгаютъ съ южнаго склона тѣхъ же горъ, по сѣверному склону которыхъ золотоносная рѣка *Ивало* направляется въ большое озеро *Энаре* или *Инари;* изъ него *Пацъ*-рѣка течетъ къ незамерзающимъ берегамъ Варяжскаго залива. Водоемъ этой Паци составляетъ шестой гидрографическій отдѣлъ Финляндіи, которыхъ всего шесть: изъ нихъ три шлютъ свои воды въ Финскій заливъ да въ Оландское море, два въ Ботническій заливъ и одинъ въ незамерзающія воды Варяжскаго залива.

По западной границѣ Финляндіи протекаетъ рѣка *То̀рнео* или То̀рни и ея притокъ *Муоніо*. На берегу рѣки Торни, недалеко отъ полярнаго круга, нѣсколько къ югу отъ него, находится гора *Авасàкса*, съ которой можно уже видѣть солнце въ полночь сіяющимъ на горизонтѣ. Чтобы видѣть полуночное солнце и вмѣстѣ любоваться живописными видами на горѣ Авасаксѣ, каждый годъ въ іюнѣ мѣсяцѣ туда пріѣзжаютъ путешественники изъ разныхъ странъ. Число ихъ, увеличиваясь ежегодно, считается уже сотнями. Финляндское правительство уже распорядилось о постройкѣ на Авасаксѣ зданій, для удобнаго помѣщенія лѣтнихъ посѣтителей этой горы. Самый большой изъ финляндскихъ пароходовъ Торнео, конечно, назначитъ свои рейсы такъ, чтобы желающіе могли изъ Петербурга во̀-время пріѣзжать на Авасаксу.

Конечно, съ Авасаксы не болѣе трехъ разъ можно въ самую полночь видѣть солнце сіяющимъ прямо съ сѣвера, да и кромѣ того, можетъ случиться, что именно въ эти дни небо будетъ покрыто облаками; но тутъ и во всей Улеоборгской губерніи можно любоваться и еще однимъ явленіемъ: свѣтлыми лѣтними ночами. Невозможно выразить ни кистью, ни словами особенную прелесть этихъ лѣтнихъ сѣверныхъ ночей: небо безоблачное, но на немъ ни одного свѣтила: ни солнца,

ни звѣздъ, а между тѣмъ свѣтло, совершенно какъ днемъ, свѣтлѣе тѣхъ дней, когда небо покрыто облаками; а тутъ надъ вами голубое небо, передъ вами голубыя или серебристыя воды какой нибудь рѣки или озера и повсемѣстный свѣтъ безъ всякихъ тѣней: каждый предметъ одинаково освѣщается со всѣхъ сторонъ—и сверху и съ боковъ, какъ будто всѣ предметы сами свѣтятъ собственнымъ сіяніемъ, никуда не кидая отъ себя тѣни. Наконецъ на сѣверовостокѣ небо еще свѣтлѣетъ, алѣетъ и вотъ медленно выкатывается на горизонтъ красное солнце: оно свѣтитъ сначала такъ осторожно, ласково, что можете прямо поглядѣть на него, не опасаясь повредить себѣ зрѣніе; но уже и при этомъ румяномъ свѣтѣ утра просыпается природа, заснувшая на короткое время при такомъ же румяномъ свѣтѣ вечера.

Южный предѣлъ Финляндіи находится подъ шестидесятымъ, сѣверный подъ семидесятымъ

Аавасакса.

градусомъширoты; несмотря на такую близость къ полюсу, средняя годовая температура почти всей Финляндіи не ниже, а выше нуля. Предѣлъ нулевой средней температуры года находится за полярнымъ кругомъ, а напримѣръ въ Азіи, та же средняя годовая температура находится подъ пятидесятымъ градусомъ широты, въ нашемъ Амурскомъ краю и на островѣ Сахалинѣ, т. е. на четырнадцать градусовъ южнѣе. Средняя годовая температура + 4° Ц. проходитъ по Финляндіи сѣвернѣе Гельсингфорса, а на рѣкѣ Уралѣ она находится на девять градусовъ южнѣе, у города Оренбурга. Такою теплотою средней годовой температуры Финляндія обязана не столько лѣтнему жару, сколько мягкости зимъ: средняя температура лѣта въ Финляндіи такая же, какъ въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой; а средняя температура зимы въ Улеоборгѣ такая же, какъ въ Саратовѣ, въ Гельсингфорсѣ же, какъ въ Астрахани; да еще съ тою разницею, что въ Финляндіи только на сѣверѣ, напримѣръ въ Торнео, подъ 66° ш.,

и то не каждый годъ, ртуть въ термометрѣ замерзаетъ, а напримѣръ въ Омскѣ, подъ 55-мъ градусомъ широты, ртуть замерзаетъ каждую зиму на нѣсколько дней.

Не смотря на эту сравнительную мягкость климата, случаются годы, когда цѣлый край страдаетъ отъ недостаточной теплоты въ лѣтніе мѣсяцы; это бываетъ обыкновенно, когда лѣто случится особенно дождливое; кромѣ того нивы страдаютъ и отъ утренниковъ. Профессоръ Гельстремъ (Hällström) совершенно удовлетворительно объяснилъ происхожденіе и причину утренниковъ вліяніемъ болотъ. Болотная вода испаряется гораздо скорѣе рѣчной и озерной, а потому надъ болотами ночью подымаются холодные туманы. Путешествуя по Финляндіи, очень часто приходится чувствовать то пріятную теплоту, ѣдучи по возвышенности, то пронзительный холодъ при переѣздѣ черезъ туманную долину. Болота въ Финляндіи покрываютъ пятую часть всей поверхности края; надъ осушкою ихъ усердно работаютъ; но этого дѣла не кончить въ какія нибудь сто или двѣсти лѣтъ; и людямъ здѣсь еще долго предстоитъ бороться со своимъ врагомъ болотомъ, и, конечно, побѣда должна остаться на сторонѣ людей. На сѣверѣ Финляндіи, на водоемѣ Инари встрѣчаются изъ деревьевъ только береза да сосна; изъ хлѣбныхъ травъ разводится только ячмень, да и то болѣе какъ роскошь: урожаи рѣдки; но зато мы видимъ изобиліе исландскаго моха, составляющаго главную пищу оленя. Люди въ полярныхъ странахъ приготовляютъ себѣ изъ него и хлѣбъ, и кушанья, уничтоживъ сначала его горечь. Пища изъ этого мху полезна для здоровья, легко переварима и питательна, лучше и сосновой коры, и грибовъ; картофель тоже уже разведенъ и въ долинѣ озера Инари, и вообще въ Финляндіи очень распространенъ.

Изъ деревьевъ липа рѣдко встрѣчается сѣвернѣе 63-го, а кленъ не далѣе 62-го градуса широты; дубъ только по берегамъ Финскаго залива да Оландскаго моря. Изъ хлѣбныхъ травъ пшеница разводится только до 62-го градуса, овесъ еще сѣютъ въ окрестностяхъ Улеоборга, а рожь верстъ на двѣсти сѣвернѣе полярнаго круга. Вазаская губернія славится своею рожью, которая тамъ даетъ хорошіе урожаи на осушенныхъ болотахъ. Особенно славится своею вазаскою рожью и своими обширными нивами приходъ Стуркюро, къ юговостоку отъ Николайстада. Но и на этихъ равнинахъ, на почвѣ не каменистой, а составившейся изъ наносовъ и осадковъ, съ примѣсью и органическихъ остатковъ, разсѣяно вездѣ не мало камней-валуновъ, оставшихся памятниками давно минувшихъ временъ и ожидающихъ своей судьбы отъ воли человѣка, быть можетъ отъ потомковъ того, кто теперь своимъ плугомъ объѣзжаетъ валунъ, если не можетъ или еще не успѣлъ употребить его на постройку изгороди вокругъ своего поля. Теперь только кто посостоятельнѣе, можетъ огородить свои поля прочными каменными стѣнами; иные хозяева собрали булыжникъ съ полей и нагромоздили его кучами, а большая часть сѣютъ хлѣбъ еще между камнями; впрочемъ на осушенныхъ болотахъ и на немногихъ другихъ мѣстахъ встрѣчаются и пашни, неусѣянныя булыжникомъ.

С. И. Барановскій.

Стуркюро

ОЧЕРКЪ III.

ВСѢ ТРИ РОДА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ФИНЛЯНДІИ.

Желѣзная промышленность [illegible] хозяйство; скотоводство. Механ[illegible] мастерская [illegible] Рукодѣлія [illegible] [illegible]

Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндіи, матери милой;
Глубь водъ ея мѣрить и пашни пахать,
Ей быть рукодѣльною силой;
И вѣрность и честь
На службу ей несть,
Чтобъ въ мирномъ привольѣ могла она цвѣсть,
Чтобъ мать не нуждалась
Жила безъ скорбей
И честно питалась
Работой дѣтей.
Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндіи, матери милой

Изъ «Пѣсни Работника», З. Топеліуса.

Въ юго-западной Финляндіи.

Финляндская промышленность уже пріобрѣла почетную извѣстность. О томъ, на какой степени развитія, въ промышленномъ отношеніи, находится народъ, можно заключать по количеству желѣза, потребляемаго имъ въ годъ, сравнительно съ числомъ жителей. Въ Финляндіи, въ теченіе послѣднихъ ста шестидесяти пяти лѣтъ, потребленіе желѣза увеличилось въ тридцать разъ, т. е. между тѣмъ какъ народонаселеніе увеличилось только вчетверо, потребленіе желѣза успѣло увеличиться въ восемь разъ, причемъ послѣднее удвоеніе произошло въ четырнадцать лѣтъ, что сильно говоритъ въ пользу нашего времени, сравнительно съ минувшимъ.

Въ Финляндіи мало желѣзныхъ рудъ и добыча руднаго желѣза въ ней, въ періодъ времени съ 1858-го по 1876-й годъ уменьшилась въ одиннадцать разъ; но зато Финляндія бо-

гата желѣзомъ, добываемымъ изъ озеръ и болотъ; добыча этого послѣдняго, за тѣ же 18 лѣтъ увеличилась почти втрое. Рудное желѣзо, по количеству его добычи въ Финляндіи, относилось къ болотному такъ: въ 1861-мъ году какъ 1 къ 7, а въ 1876-мъ какъ 1 къ 130. Горная желѣзная руда получается изъ твердыхъ каменныхъ породъ и обходится вдвое дороже озерной или болотной, настолько дорого, что многіе желѣзодѣлательные заводы западной Финляндіи предпочитаютъ выдѣлывать желѣзо изъ руды, привозимой моремъ изъ Швеціи; въ четыре года съ 1873-го по 1876-й ввезено такой желѣзной руды 85,776 кубическихъ метровъ.

Въ 1876-мъ году въ Финляндіи выдѣлано: чугуну, желѣза и стали, всего вмѣстѣ, по $21^1/_2$ фунту на каждаго жителя, которыхъ было 31-го декабря 1875-го года — 1.912,600 человѣкъ. Въ томъ же году ввезено въ Финляндію изъ-за границы этого же металла по 20-ти фунтовъ на человѣка, а вывезено изъ Финляндіи по 15-ти фунтовъ; значитъ сама Финляндія въ этомъ году употребила по $26^1/_2$ фунтовъ на человѣка.

Желѣзо—главный металлъ финляндскій; добыча другихъ металловъ очень незначительна и не развивается, а уменьшается: съ 1870 по 1877-й включительно вся добыча золота въ восемь лѣтъ едва дошла до тринадцати пудовъ восемнадцати фунтовъ. Не смотря на такую малую добычу собственнаго золота, государственная монета золотая: законъ 9-го августа 1877 г. установляетъ:

«1) Основаніемъ для финляндской монеты служитъ золото, какъ единственная мѣра цѣнностей.

«2) Монетною единицею принята *марка*, подраздѣляемая на сто *пенни*. Единицею вѣса въ монетахъ служитъ французскій граммъ.

«3) Будутъ чеканиться двѣ золотыя монеты: одна въ десять, другая въ двадцать марокъ».

Золото для чеканки этихъ монетъ, какъ и серебро и мѣдь, Финляндія пріобрѣтаетъ изъ за границы, уплачивая за эти металлы другими своими произведеніями.

Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ финляндскій гранитъ и нѣкоторые другіе камни. Пользуются заслуженною славою граниты Питерлакса, въ 35 верстахъ къ востоку отъ города Фредриксгамма, названные такъ по имени Петра I-го, повелѣвшаго производить тутъ ломку камня; изъ этого гранита сдѣлана Александровская колонна въ Петербургѣ; знамениты и нѣкоторыя другія каменоломни въ Выборгской губерніи; но это богатство Финляндіи до сихъ поръ не давало ей ни значительнаго, ни постояннаго дохода.

Важнѣйшій предметъ для вывозной торговли доставляетъ финляндскій *лѣсъ*. За бо̀льшую часть предметовъ, пріобрѣтаемыхъ Финляндіею изъ-за границы она уплачиваетъ произведеніями своихъ лѣсовъ: бревнами, плахами, досками, дровами, смолою и пр. О томъ, въ какой степени постоянно усиливается отпускъ лѣсныхъ произведеній изъ Финляндіи, можно заключать по примѣру одной изъ статей такого отпуска: пиленаго лѣсу отпущено въ 1864-мъ году $13^1/_2$ милліоновъ кубическихъ футовъ, а въ 1876-мъ году уже 40 милліоновъ кубическихъ футовъ дерева, цѣною, вмѣстѣ съ дровами, почти на 50 милліоновъ марокъ, что составляетъ половину стоимости всего отпуска изъ Финляндіи. 19% этой суммы, въ пятилѣтіе съ 1871-го по 1875-й годъ, доставили казенные лѣса и 81% частные. Быстрому усиленію отпуска лѣсныхъ произведеній содѣйствовали два обстоятельства: постройка желѣзныхъ дорогъ и каналовъ и устройство механическихъ лѣсопиленъ. Въ концѣ 1875-го года всѣхъ лѣсопиленъ въ Финляндіи было 209, изъ нихъ 148 работали водяною и 61 паровою силою.

Финляндское Статистическое Бюро въ Гельсингфорсѣ, каждое пятилѣтіе представляетъ *Всеподданнѣйшій Отчетъ о хозяйственномъ состояніи Финляндіи*. Послѣдній обнародованный отчетъ за пятилѣтіе съ 1871 по начало 1876-го года составляетъ тотъ богатый источникъ свѣдѣній, которымъ мы главнѣйшимъ образомъ пользуемся для этого нашего очерка.

Лѣса въ Финляндіи занимаютъ 64% всей поверхности края. Лѣсныя произведенія и всегда составляли важнѣйшій предметъ заграничнаго отпуска; но въ послѣднее отчетное пятилѣтіе

этотъ отпускъ, быстро увеличиваясь въ размѣрѣ, уже достигъ такой степени, что въ цѣлой исторіи Финляндіи не находимъ ничего подобнаго. Хозяева лѣсопиленъ покупали лѣсъ на корню, платя за срубъ лѣса часто столько, сколько цѣнилось прежде все имѣніе. Землевладѣльцы, продавши свой лѣсъ такъ выгодно, получали возможность расширить и, главное, улучшить свое сельское хозяйство, чѣмъ очень многіе и воспользовались. О размѣрахъ дѣятельности, вызванной этою усиленною эксплоатаціею лѣсовъ, можно судить по числу рабочихъ, каждую весну привлекаемыхъ къ этому дѣлу и получающихъ возвышенную поденную плату. Нѣтъ свѣдѣнія объ этомъ числѣ вообще, но одна изъ лѣсопиленъ Нюландской губерніи занимаетъ въ маѣ мѣсяцѣ до двухъ тысячъ рабочихъ, при значительномъ числѣ подводъ. Такимъ образомъ усиленная разработка лѣсовъ доставляетъ доходы и многимъ тысячамъ рабочихъ, и землевладѣльцамъ, и лѣсоторговцамъ, да наконецъ и самой казнѣ: до 1872-го года казенное управленіе лѣсами требовало значительныхъ приплатъ на свое содержаніе, въ 1871-мъ году еще на такія приплаты понадобилось 11,916 марокъ; а въ 1872-мъ году уже получился остатокъ въ 261,730 марокъ; въ четыре же года, т. е. до конца 1875-го года казна получила отъ своихъ лѣсовъ *чистаго дохода* 3.349,295 марокъ. Послѣднія обнародованныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ относятся къ 1878-мъ году; тогда валовой доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ показанъ въ 919,083 марки; а всѣ казенные расходы въ 482,666 марокъ; значитъ чистый доходъ въ 436,417 марокъ.

Казенные лѣса, давшіе этотъ доходъ, занимали пространство въ 121 тыс. квадратныхъ верстъ.

Лѣсныя богатства Финляндіи такъ велики, что эта усиленная вырубка лѣсовъ въ послѣдніе годы, не смотря на всю свою значительность, составляетъ очень малую долю цѣлаго; но во-первыхъ, лѣсъ наростаетъ вообще тѣмъ медленнѣе, чѣмъ холоднѣе климатъ, а потому и въ Финляндіи замѣна вырубленныхъ лѣсовъ новыми требуетъ времени отъ шестидесяти до полутораста лѣтъ; и во-вторыхъ, лѣсъ вырубается неравномѣрно, а такъ, что въ большей части мѣстъ онъ еще и теперь остается непочатымъ, а въ нѣкоторыхъ истребленъ уже совершенно. Это побудило правительство къ принятію соотвѣтственныхъ мѣръ противъ неосновательнаго истребленія лѣсовъ, а также и для разведенія ихъ. Одно изъ обстоятельствъ, гибельныхъ для лѣса, заключается въ томъ, что во многихъ мѣстахъ сельское хозяйство еще основано на томъ, что сжигаютъ лѣсъ, на пожогѣ сѣютъ овесъ, рожь, ячмень и наконецъ обращаютъ ее въ выгонъ, который не скоро и не всегда заростаетъ новымъ лѣсомъ. Во многихъ мѣстахъ на пожогахъ не производятъ корчеванья и не вытаскиваютъ валуновъ, такъ что между пнями да камнями невозможно косить косой, а только жать серпомъ; гдѣ же нѣтъ этихъ препятствій, тамъ на мѣстѣ прежнихъ пашень бываютъ сначала сѣнокосы, потомъ уже выгонъ и наконецъ можетъ явиться опять лѣсъ.

Во многихъ мѣстностяхъ Финляндіи принимаются отъ правительства мѣры къ тому, чтобъ не допускать этого, и одною изъ мѣръ служитъ распространеніе въ народѣ здравыхъ понятій, какъ о лѣсоводствѣ, такъ и о земледѣліи вообще. Отличительною чертою финскаго характера признается упорство; благодаря этому свойству, все унаслѣдованное туго измѣняется; но на это упорство есть настойчивость: лица, на которыхъ возлагается забота противодѣйствовать вкоренившимся дурнымъ привычкамъ и обычаямъ, дѣйствуютъ такъ настойчиво, что наконецъ побѣждаютъ косность народа и способствуютъ улучшенію хозяйства. Финляндскій Лѣсной институтъ находится въ *Эвойсъ*, въ Тавастгусской губерніи, да кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ находятся школы для образованія простыхъ лѣсничихъ.

Къ лѣснымъ продуктамъ можно, кромѣ дерева, отнести разные другіе предметы вывоза, какъ то: ягоды (одной брусники вывезено въ 1873 году 13,440 бочекъ = 22,076 гектолитровъ), мохъ, корзинныя издѣлія и пр.

Въ лѣсахъ Финляндіи много дикихъ животныхъ. Законъ 1868-го года опредѣлилъ пощадность для полезныхъ и поощреніе истреблять вредныхъ животныхъ, къ которымъ причисляются: волки,

медвѣди, рыси, лисицы, куницы, росомахи и т. п. По свѣдѣніямъ за три пятилѣтія, съ 1861 по 1875-й годъ, истребленіе хищниковъ во второмъ пятилѣтіи было на одиннадцать процентовъ болѣе, нежели въ первомъ, а въ третьемъ на девять процентовъ болѣе, нежели во второмъ. Объ истребленіи же ими полезныхъ животныхъ свѣдѣнія за третье пятилѣтіе не полны, а сравненіе втораго пятилѣтія съ первымъ представляетъ уменьшеніе на пятнадцать процентовъ; изъ чего надо заключать, что старанія человѣка охранять домашнихъ животныхъ посредствомъ истребленія хищниковъ не остаются безуспѣшны. Вредъ отъ нихъ оцѣнивается приблизительно во 120,000 марокъ въ годъ.

Соблюденіе закона пощадности повело къ тому, что начинаетъ замѣчаться увеличеніе дичи, употребляемой въ пищу, которою Финляндія снабжаетъ и Россію, и Швецію, вывозя глухарей, рябчиковъ и т. п. слишкомъ по сотнѣ тысячъ штукъ ежегодно.

Возвращеніе съ охоты.

Финляндцы сами употребляютъ въ пищу очень много рыбы; ловятъ же ее столько, что еще вывозятъ и въ Петербургъ, и въ Стокгольмъ, и въ нѣкоторыя другія мѣста по берегамъ заливовъ Балтійскаго моря. Въ три года 1874-й, 1875-й и 1876-й вывезено всякой рыбы до 750,000 пудовъ, треть этого количества свѣжей и двѣ трети соленой. 64% всего вывоза рыбы составляетъ салакушка, 9% семга. Раковъ живыхъ за то же время вывезено болѣе семи милліоновъ.

Благодаря дешевизнѣ соли, финляндцы солятъ рыбу такъ, что хоть они ѣдятъ соленой рыбы очень много, но не слыхать, чтобъ у нихъ кто нибудь хворалъ отъ соленой рыбы. У насъ въ Россіи отъ своей соленой рыбы умираетъ каждый годъ побольше сотни, иногда и до тысячи человѣкъ, но это собственно потому, что у насъ поваренная соль чрезмѣрно дорога, слѣдствіемъ чего бываютъ и недосолъ, и замѣна соли отчасти мышьякомъ, который правда противодѣйствуетъ гніенію лучше соли, почему и употребляется для сохраненія труповъ отъ порчи, но опасенъ!

Земледѣліе было извѣстно предкамъ нынѣшнихъ Финляндцевъ уже и въ тѣ времена, когда они поселялись здѣсь, занимая эту страну. Ближе къ нашему времени, въ тѣ столѣтія, о которыхъ сохранилась письменная память, въ Финляндіи преобладало общинное землевладѣніе и въ связи съ нимъ деревни были сравнительно довольно многолюдны, на далекихъ одна отъ другой разстояніяхъ. Мало-по-малу образовались усадьбы на починкахъ и возникло стремленіе къ пріобрѣтенію земли въ собственность. Наконецъ, преимущественно въ восемнадцатомъ столѣтіи, произведена большая *размежевка* земель и опредѣлился нынѣшній видъ землевладѣнія: небольшія деревни, преобладаніе хуторовъ, причемъ пашни, луга и выгоны могли быть ближе къ усадьбѣ.

Въ 1875-мъ году всѣхъ земельныхъ владѣній въ Финляндіи было 106,412. Тридцать восемь процентовъ всего пространства принадлежало казнѣ; пятьдесятъ шесть крестьянскому сословію и остальные шесть процентовъ дворянству, городамъ, церквамъ и проч.

Доля земель, принадлежащихъ крестьянскому сословію, т. е. самимъ земледѣльцамъ, постоянно возрастаетъ, чему благопріятствуетъ то, что часть земледѣльцевъ обрабатываетъ ка-

зенную землю въ качествѣ долгосрочныхъ арендаторовъ (кортомщиковъ); закономъ опредѣлены льготныя условія для пріобрѣтенія арендуемой казенной земли въ полную собственность, вслѣдствіе чего, выкупомъ казенныхъ земель въ частную собственность, и происходитъ постоянное увеличеніе частнаго землевладѣнія въ земледѣльческомъ сословіи. Съ другой стороны крестьяне пріобрѣтаютъ землю покупкою и отъ частныхъ владѣльцевъ. Хотя въ финансовомъ отношеніи существуютъ въ Финляндіи земельные участки не на одинаковыхъ правахъ; но большая, или меньшая льготность владѣнія соединяется не съ личностью владѣльца, а съ самыми этими участками, не измѣняясь ни отъ дробленія, ни отъ сліянія ихъ, ни отъ перехода къ новымъ владѣльцамъ; продажная цѣна земель соображается не только съ ихъ природными

Ловля семги у водопада.

качествами, но и съ этою ихъ финансовою *натурою:* чѣмъ болѣе льготности, тѣмъ выше продажная цѣна земли. Записыванье по вводу во владѣніе при переходѣ земель отъ одного владѣльца къ другому даетъ возможность знать, что крестьянское землевладѣніе въ Финляндіи постепенно увеличивается покупкою земель отъ дворянства, на сумму по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, и даже болѣе. Хотя этотъ переходъ землевладѣнія къ самимъ земледѣльцамъ и можетъ считаться доказательствомъ того, что благосостояніе земледѣльческаго сословія постоянно увеличивается; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сословіе, продающее землю, вообще бѣднѣло; напротивъ, и оно богатѣетъ, а только уменьшаетъ свои занятія сельскимъ хозяйствомъ, обращая свою дѣятельность преимущественно на то̀, что приноситъ ему лучшее вознагражденіе, а таковы и труды въ государственной службѣ: въ видѣ жалованья и пенсій сословіе, продающее свою землю получаетъ въ 300 разъ болѣе того дохода, какой даютъ продаваемыя имъ земли въ годъ.

Какъ ни велико въ Финляндіи число землевладѣльцевъ, но сами они были бы не въ состояніи обработывать всѣ свои поля и луга, не дѣлая притомъ упущеній по другимъ отрас-

лямъ сельскаго хозяйства; во всемъ этомъ большую помощь имъ оказываютъ *бобыли*, да *батраки* и *работницы*. Бобылями (torpare) называются хозяева, живущіе на чужой землѣ, съ правомъ самимъ обработывать ее и пользоваться плодами своихъ трудовъ, но съ обязанностью за то производить условленныя работы для того, на чьей землѣ кто живетъ. Батраки да работницы все свое время и весь свой трудъ отдаютъ тѣмъ, отъ кого получаютъ договоренное содержаніе и условленную годовую плату. Бобыли да батраки и работницы составляютъ значительную часть городскаго населенія и поддерживаютъ своимъ трудомъ возникающіе фабрики и заводы.

Выгодная торговля и урожаи не менѣе среднихъ въ послѣдніе годы дали возможность сельскому хозяйству успѣшно развиваться, причемъ, слѣдуя совѣтамъ благоразумія, оно развивалось не столько въ ширь, сколько въ глубь, т. е. не такъ велико было прибавленіе новей, какъ увеличеніе производительности уже бывшихъ пашень и сѣнокосовъ, какъ можно видѣть по одному примѣру: въ Нюландской губерніи, и то не въ полномъ ея объемѣ, а лишь въ той большей части, о которой получены свѣдѣнія, количество сѣяныхъ сѣнокосовъ увеличилось въ пятилѣтіе 1871 — 1875 г. на 26,670 десятинъ; притомъ увеличеніе это шло, все возрастая, такъ что въ 1871 году травосѣяніе занимало съ небольшимъ девять процентовъ вышеприведеннаго числа, а въ 1875 году уже почти тридцать процентовъ. На улучшеніе сельскаго хозяйства вообще указываетъ увеличенный ввозъ изъ-за границы и увеличенное изготовленіе въ самой Финляндіи улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Правительство, съ своей стороны, всячески содѣйствуетъ успѣхамъ земледѣлія при посредствѣ школы земледѣлія (въ Тавастгусской губерніи, въ селѣ Му́стіалѣ). Всеобщая грамотность народа облегчаетъ распространеніе въ немъ полезныхъ свѣдѣній изданіемъ печатныхъ сочиненій и газетъ.

О томъ, какого рода хлѣба̀ разводятся въ Финляндіи, можно судить по даннымъ за 1875 годъ: изъ общаго количества всего собраннаго зерна, или *бдрошна,* рожь составляетъ слишкомъ пятьдесятъ два процента, овесъ двадцать три, ячмень двадцать два, остальные безъ малаго три процента состоятъ изъ гороху, пшеницы, гречихи и проса. Финляндская такъ называемая ва̀заская рожь считается особенно хорошей и вывозится на посѣвъ въ Россію, впрочемъ, небольшими количествами. Напротивъ, очень значителенъ ввозъ въ Финляндію разныхъ хлѣбныхъ произведеній изъ Россіи, преимущественно муки, не только пшеничной, но особенно ржаной.

Финляндія въ 1875 году собрала со всѣхъ своихъ полей четыре милліона сорокъ тысячъ пятьсотъ четвертей всякаго борошна. За вычетомъ количества, употребленнаго на посѣвъ, осталось на каждаго человѣка по одной четверти съ третью. Вообще въ пятилѣтіе 1871—1875 жатва ржи и ячменя въ Финляндіи доставила: въ 1871 году по 1,33₆ четверти на каждаго жителя; въ 1872 по 1,22₂; въ 1873 по 1,35₁; въ 1874 по 1,24₃ и въ 1875 по 1,34₆.

Въ пятилѣтіе съ 1871 по 1875 годъ включительно ввезено въ Финляндію изъ Россіи: ржи, ячменя, овса, пшеницы и гороху всего 63,000 четвертей, да разной муки 17.725,750 пудовъ. Ввозъ хлѣба изъ Россіи незначительно увеличивается въ неурожайные и незначительно уменьшается въ урожайные годы. Это явленіе объясняется такъ: въ неурожайные годы хлѣбъ изъ самой Финляндіи совсѣмъ не вывозится, а въ урожайные, хоть и не въ большихъ количествахъ, но вывозится, преимущественно въ зернѣ; въ урожайные годы народъ больше ѣстъ чистый хлѣбъ, меньше кладется въ него мякины и толченой коры въ бѣдныхъ частяхъ края; а тамъ, гдѣ эти подспорья уже неупотребительны, тамъ въ такіе годы скотъ получаетъ лучшій кормъ, въ голодные же и ему приходится голодать; наконецъ въ неурожайные годы уменьшается выкурка хлѣбнаго вина.

Въ 1865 году изданъ новый законъ о *винокуреніи* въ отмѣну бывшаго со времёнъ Густава III. Въ то время, на основаніи этого, теперь отмѣненнаго, закона, въ Финляндіи выкуривалось водки приблизительно по ведру на человѣка, считая всѣхъ жителей обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Новый законъ опредѣлилъ мѣру — не болѣе чего дозволено выкуривать установленной крѣпости

хлѣбнаго вина въ годъ; эта мѣра, по переложеніи ея на русскую, составляетъ 0,53 ведра на человѣка. Но съ тѣхъ поръ еще ни разу винокуреніе въ Финляндіи не достигало этой мѣры; во время голода выкурено въ девять разъ менѣе дозволеннаго количества, а въ 1875 г. по 0,45 ведра на человѣка, все-таки еще менѣе дозволеннаго. Въ 1868 г. винная подать дала только $^1/_{50}$ долю всѣхъ государственныхъ доходовъ края, вчетверо менѣе противъ сбора 1866 года; а въ 1875 году эта подать составляла уже болѣе $^1/_{10}$ доли всей суммы доходовъ. Эта сумма не на столько значительна, чтобы, ради нея, въ заботѣ о доходахъ казны, противодѣйствовать ревнителямъ трезвости, а потому и дѣятельность этихъ ревнителей не безплодна, какъ показываютъ отчеты о числѣ осужденныхъ за преступленія и населяющихъ тюрьмы. Извѣстно, что изъ каждаго десятка человѣкъ, совершающихъ преступленіе, человѣкъ семь или восемь совершаютъ преступленіе вслѣдствіе пьянства. По точнымъ статистическимъ даннымъ, въ пятилѣтіе 1872 — 1875 народонаселеніе Финляндіи увеличилось на восемь процентовъ, а число арестантовъ обоего пола во всѣхъ мѣстахъ Финляндіи уменьшилось: было въ 1875 году на треть процента менѣе, нежели въ 1872 г.

Климатъ Финляндіи не довольно тепелъ для разведенія *табаку*, и, вслѣдствіе того, онъ разводится только въ югозападной Финляндіи, да и то въ небольшомъ количествѣ; ввозится же его столько, что цѣна его, разложенная на полное число жителей края, составляла въ 1876 году по 2 марки, 30 пенни на каждаго. Если къ ввозимому табаку прибавить разводимый дома, а изъ общаго числа жителей выдѣлить однихъ потребителей табаку, то окажется, что каждый изъ нихъ издерживаетъ на эту роскошь для одного привознаго табаку не менѣе какъ по двѣнадцати марокъ въ годъ. Во всей Финляндіи табакъ курятъ и нюхаютъ, жуютъ же не вездѣ: но тамъ, гдѣ не только курятъ, но и жуютъ табакъ, тамъ ранѣе начинаютъ и привыкать къ нему; вообще Финляндцы наживаютъ привычку къ табаку въ возрастѣ отъ четырнадцати до двадцати лѣтъ.

Изъ питательныхъ земледѣльческихъ произведеній, послѣ хлѣбныхъ травъ, первенство, по количеству сбора, принадлежитъ *картофелю*, который, кромѣ того, и разводится повсемѣстно, не исключая и полярной страны по берегамъ озера Энаре. Сборъ картофеля въ 1875 году далъ безъ малаго по семи четвериковъ на каждаго человѣка.

Ни садоводство, ни огородничество Финляндіи не даютъ ничего для вывоза; изъ прочихъ культуръ значительнѣйшею надо считать льноводство, развитое преимущественно въ Тавастгусской губерніи.

Выше было замѣчено, что въ Финляндіи находится больше луговъ и сѣнокосовъ, нежели пашенъ. Правительство принимаетъ дѣятельныя мѣры для содѣйствія успѣхамъ скотоводства; дополнимъ тѣ вышеприведенныя свѣдѣнія еще нѣсколькими краснорѣчивыми данными.

Рогатый скотъ въ Финляндіи мало употребляется для перевозки тяжестей и для полевыхъ работъ, не даетъ для вывоза за границу ни кожъ, ни сала, ни мяса, по крайней мѣрѣ, всѣхъ этихъ предметовъ болѣе ввозится въ Финляндію, нежели вывозится изъ нея; но эта страна знаменита своимъ *масломъ*, котораго, напримѣръ, въ 1866 году вывезено было на двѣнадцать съ половиною милліоновъ марокъ, что составляетъ восьмую часть по цѣнѣ всего торговаго отпуска въ томъ году за предѣлы Финляндіи (12,66%). Кромѣ того, молочные скопы въ разныхъ видахъ составляютъ часть ежедневной пищи всѣхъ жителей края.

Постановленіе земскаго финляндскаго сейма, Высочайше утвержденное 1-го іюля н. с. 1868 года, имѣло, имѣетъ и надолго будетъ имѣть благотворное вліяніе на успѣхи народнаго благосостоянія въ Финляндіи. Въ силу этого закона теперь тамъ находятся въ достаточномъ числѣ для каждой губерніи изъ мѣстныхъ жителей знатоки молочнаго хозяйства, преимущественно женщины, которыя, согласно съ желаніями жителей, переѣзжаютъ отъ одного изъ приглашающихъ хозяевъ къ другому и вездѣ практически, словомъ и дѣломъ, научаютъ надлежащему уходу за дойнымъ скотомъ и лучшимъ способамъ пользованія коровьимъ молокомъ. Народъ во многихъ мѣстахъ

съ благодарностію и очень усердно принимаетъ ихъ совѣты, вслѣдствіе чего производство масла и сыра не только постоянно и быстро увеличивается, но и улучшается, а кругъ для сбыта этихъ произведеній замѣтно расширяется. Независимо отъ того, для охотницъ изучать молочное хозяйство за границею назначены стипендіи, т. е. денежныя пособія отъ казны, съ обязательствомъ для путешественницъ распространять потомъ на родинѣ то хорошее, что онѣ узнаютъ за границей. Наконецъ тѣмъ хозяевамъ, которые для улучшенія своего молочнаго хозяйства нуждаются въ деньгахъ, выдаются ссуды, не болѣе четырехъ тысячъ марокъ въ однѣ руки, на первыя пять лѣтъ безъ процентовъ, а потомъ съ уплатою, льготно разсро-

Въ финляндскомъ селѣ

ченною. Эти постановленія успѣли уже получить на дѣлѣ блистательное утвержденіе и оправданіе. Разумѣется, что въ Финляндіи, также какъ и гдѣ нибудь въ Швейцаріи, неохотно повѣрятъ тому, что въ Россіи нашлись такіе возражатели противъ артельныхъ сыроварень, которые называютъ это учрежденіе вреднымъ, потому что оно-де отнимаетъ молоко у дѣтей, которымъ оно такъ нужно! Финляндецъ знаетъ, что онъ тѣмъ болѣе самъ потребляетъ молока, чѣмъ болѣе можетъ продавать его: съ молокомъ это точно также, какъ и со всякимъ другимъ товаромъ, какъ напримѣръ и съ хлѣбомъ!

Надежное средство для основательныхъ сужденій о предметѣ даетъ сравненіе; въ этомъ смыслѣ краснорѣчивы тѣ таблицы, которыя были вывѣшены на первой молочной выставкѣ, бывшей въ зданіи Адмиралтейства (въ С.-Петербургѣ, въ октябрѣ 1879 года). Изъ этихъ таблицъ, прибавивъ къ нимъ статистическія данныя о числѣ жителей разныхъ странъ, получаемъ слѣдующіе замѣчательные выводы: по количеству коровьяго *масла*, вывозимаго за предѣлы своей страны, сравнительно съ общимъ числомъ жителей, Финляндія

занимаетъ *третье* мѣсто; первое принадлежитъ Даніи, второе Голландіи: изъ нихъ первая вывозитъ втрое, вторая почти вдвое болѣе, нежели Финляндія, а стоящая въ таблицѣ первою по количеству вывоза, безъ сравненія съ числомъ жителей, Франція является четвертою; вывозъ масла изъ этого государства составляетъ на каждаго жителя менѣе двухъ съ половиною фунтовъ, тогда какъ Финляндія вывозитъ на каждаго по шести фунтовъ, а всего по триста одиннадцати тысячъ пудовъ въ годъ. Другая таблица изъ вывѣшенныхъ на молочной выставкѣ показываетъ число коровъ на тысячу человѣкъ всѣхъ жителей. Первое мѣсто и въ этомъ отношеніи принадлежитъ Даніи, но *второе* уже Финляндіи: въ первой изъ нихъ на тысячу всѣхъ жителей показано 448 коровъ, во второй 370. Голландія въ этомъ отношеніи является уже пятою со своими 260 коровами на тысячу человѣкъ; а между тѣмъ она вывозитъ масла по $11^{1}/_{2}$ фунтовъ, а Финляндія только по 6 на каждаго жителя. Это кажущееся противорѣчіе объясняется очень просто тѣмъ, что голландскій рогатый скотъ гораздо лучше финляндскаго, такъ что отъ меньшаго числа коровъ получается удой все-таки гораздо больній.

Законодательныя мѣры не оставили безъ вниманія ни коневодства, ни овцеводства. Въ 1875-мъ году въ Финляндіи было лошадей 285,000, рогатаго скота 1.120,500, овецъ 1.011,060, козъ 27,000, свиней 201,600, оленей 79,700. Изъ сравненія этихъ чиселъ съ числомъ всѣхъ жителей оказывается, что на каждый десятокъ жителей приходилось не менѣе четырнадцати этихъ домашнихъ животныхъ, считая всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Писчебумажная фабрика въ Ювескюлѣ.

Статистическія данныя о *фабрикахъ* и *рукодѣліяхъ* въ Финляндіи страдаютъ отъ чрезмѣрной скромности самихъ хозяевъ, отъ которыхъ ежегодно отбираются показанія: большая часть, не понимая, для чего это какимъ-то статистикамъ любопытно знать, сколько чего кто выдѣлываетъ, хоть и даютъ показанія, но неполныя, а нѣсколько менѣе дѣйствительности. Но какъ этотъ недомекъ хозяевъ переходитъ изъ года въ годъ, каждый разъ производя приблизительно одну и ту же мѣру неполноты, а для статистики въ этомъ отношеніи важно сравненіе разныхъ годовъ, то для такого сравненія годны и тѣ данныя, какія получаются. По этимъ даннымъ всѣ фабрики въ 1875-мъ году произвели такое количество своихъ произведеній, которое по фабричнымъ цѣнамъ составило въ годъ безъ малаго по двадцати семи марокъ на каждаго изъ всѣхъ жителей края. Сравненіе фабричной производительности 1861-го года съ такою же 1875-го года показываетъ, что она въ эти пятнадцать лѣтъ *увеличилась втрое*—выводъ очень утѣшительный!

Замѣчательно количество механической силы, которою Финляндія пользуется. Официальныя данныя, выраженныя частію въ номинальныхъ, частію въ эффективныхъ силахъ, приводитъ къ одному общему выраженію механической силы, т. е. силы, способной подымать въ секунду времени по пятнадцати пудовъ на одинъ футъ. Такихъ силъ Финляндія беретъ отъ своихъ бѣгучихъ водъ, посредствомъ 211 тюрбинъ и 2,358 колесъ, 145,008. Лѣса даютъ топливо для развитія механической силы въ паровыхъ машинахъ. Въ 1875-мъ году, къ которому относятся всѣ эти данныя, въ Финляндіи работало шестьсотъ паровыхъ машинъ, развивавшихъ всѣ вмѣстѣ 80,970 силъ. Изъ этого количества шло 0,37 на стоячія машины, 0,03 на локомобили, 0,20 на локомотивы, 0,18 на пароходство по рѣкамъ и озерамъ и 0.21 на морское пароходство.

Между финляндскими фабриками, по цѣнѣ ихъ произведеній, первое мѣсто занимаютъ *хлопчато-бумажныя:* въ 1875-мъ году онѣ изготовили тканей на 9.850,000 марокъ,

что составляетъ слишкомъ по пяти марокъ на каждаго человѣка общаго тогда числа всѣхъ жителей края. Сравнительно съ этимъ числомъ не велика производительность суконныхъ фабрикъ, въ 1875-мъ году по тридцати пенни на человѣка; но замѣчательно развитіе этой фабричности: въ пять лѣтъ съ 1870 по 1875-й годъ производительность суконныхъ фабрикъ увеличилась въ девятнадцать разъ!

Замѣчательно быстро развивается въ Финляндіи фабрикація бумаги и папки, для письма, печати, обой, крышъ и т. д.; число фабрикъ не только увеличивается, но и производительность каждой быстро возрастаетъ. Въ 1875-мъ году вывезено этихъ произведеній изъ Финляндіи почти на три милліона марокъ, въ восемь разъ болѣе, нежели въ 1865-мъ году.

Кожевенное производство по суммѣ цѣнности своихъ произведеній далеко уступаетъ бумажной, но въ пятилѣтіе производительность ея учетверилась, достигнувъ до милліона шести сотъ тысячъ марокъ. Быстрое развитіе суконныхъ фабрикъ и кожевенныхъ заводовъ находится въ тѣсной связи съ улучшеніемъ скотоводства, къ чему и правительство, и общество стремились настойчиво, преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе бывшихъ неурожаевъ, развилось и окрѣпло убѣжденіе, что основою сельскаго хозяйства въ Финляндіи должно быть скотоводство, дающее и для полей не только рабочую силу, но и удобреніе.

Въ 1875-мъ году находилось въ Финляндіи пятнадцать *механическихъ мастерскихъ*, работавшихъ въ этомъ году слишкомъ на шесть милліоновъ марокъ. Самый дѣятельный изъ этихъ заводовъ находится въ Гельсингфорсѣ — Осберга и Баде: онъ произвелъ въ этомъ году на два съ половиною милліона марокъ, пользуясь для того ежедневно трудомъ, въ среднемъ, 850 человѣкъ рабочихъ.

Фабричность можно назвать богатой дочерью трудолюбивой старушки — рукодѣлья. Для такой страны, какъ Финляндія, гдѣ полугодовая зима держитъ въ домахъ большую часть жителей края, рукодѣльность въ народѣ особенно желательна. Для народнаго развитія въ этомъ направленіи Высочайше повелѣно, въ январѣ 1875-го года, отпускать ежегодно по двадцати тысячъ марокъ для того, чтобы мастера и мастерицы по части рукодѣлій, переѣзжая изъ однихъ мѣстъ въ другія, вездѣ показывали всѣмъ желающимъ свое рукодѣлье, наставляли бы какъ получать или самимъ приготовлять снаряды для того рукодѣлья и какъ ими пользоваться, готовя издѣлія и для себя и для продажи. Учреждаются ремесленныя училища, а нѣкоторыя рукодѣлья преподаются въ народныхъ училищахъ. Для устройства рукодѣльныхъ выставокъ назначено тоже отпускать ежегодно по десяти тысячъ марокъ. Первая такая выставка была въ 1875-мъ году въ Гельсингфорсѣ; на ней было выдано 76 серебряныхъ и 248 бронзовыхъ медалей, да 3,150 марокъ деньгами, въ видѣ наградъ за лучшіе предметы, представленные на выставку. На первой выставкѣ въ Гельсингфорсѣ находилось 48 мастеровъ и мастерицъ, работавшихъ тамъ же, показывая и объясняя свое мастерство всѣмъ, кто бы ни спрашивалъ у нихъ. Разумѣется, всѣ они были на жалованьѣ у выставочной коммиссіи, которая имѣла въ своемъ распоряженіи, кромѣ казенныхъ денегъ, еще 17,000 марокъ, пожертвованныхъ на этотъ предметъ частными лицами.

Одною изъ важнѣйшихъ статей производительности въ Финляндіи слѣдуетъ считать *судостроеніе*. Обиліе судоходныхъ водъ въ Финляндіи дѣлаетъ для нея необходимымъ обладаніе большимъ числомъ судовъ: и въ этомъ отношеніи Финляндія успѣшно стремится къ удовлетворенію этой своей потребности. Война 1856-го года лишила Финляндію большей части ея морскаго торговаго флота; но теперь онъ давно уже достигъ такихъ размѣровъ, какихъ никогда не имѣлъ прежде, и продолжаетъ быстро развиваться, усиливаться.

Сравненіе емкости однихъ мореходныхъ судовъ за разные годы показываетъ, что она въ 1875-мъ году была почти на девять процентовъ болѣе, нежели въ 1871-мъ, и на пятьдесятъ восемь процентовъ болѣе, нежели въ 1860-мъ г. Особенно велико было увеличеніе деревенскихъ кораблей: въ пятнадцать лѣтъ, съ 1860 по 1875-й г., емкость городскихъ судовъ увели-

чилась на 37%, а деревенскихъ на 93%, тогда какъ общее увеличеніе для тѣхъ и другихъ было 58%. Въ сложности въ морскомъ торговомъ флотѣ Финляндіи деревенскія суда составляли 46% всѣхъ судовъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что въ деревенскомъ торговомъ флотѣ находится очень мало пароходовъ, а почти все парусныя суда: въ городскомъ же торговомъ флотѣ все возрастаніе его проявляется преимущественно въ паровыхъ судахъ, которыя, обладая большею быстротою и акуратностію своихъ рейсовъ, могутъ, при той же емкости, перевозить гораздо больше, почему болѣе цѣнные грузы и перевозятся охотнѣе на паровыхъ, нежели на парусныхъ судахъ.

Въ городскомъ торговомъ флотѣ было въ 1866 г. 57 паровыхъ судовъ въ 2,295 силъ, а въ 1875 уже 119 въ 4,045 силъ.

Какое значеніе имѣетъ морской торговый флотъ Финляндіи, по сравненію съ такимъ же другихъ странъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1875-мъ году емкость финляндскихъ паровыхъ и парусныхъ морскихъ торговыхъ судовъ опредѣлялась въ 290,475 тоннъ. Принимаемъ это число за единицу. Сравнительно съ нимъ такой же флотъ Великобританіи съ Ирландіей былъ 21, Норвегіи 4,5, Италіи 3,7, Франціи 3,6, Испаніи 2,1, Голландіи 1,8, Пруссіи 1,7, Швеціи 1,4, Даніи 0,7, Гамбурга 0,7.

Увеличеніе морскаго торговаго флота было болѣе значительно въ южной Финляндіи, нежели въ сѣверной; такъ на Оландскихъ островахъ съ 1860-го по 1875-й годъ увеличилось число судовъ на 67%, ихъ емкость въ 2½ раза На внутреннихъ водахъ финляндскихъ находится тоже много судовъ. Если считать одни пароходы, то изъ общаго числа паровыхъ силъ 70% принадлежатъ морскому флоту, а 30% — судамъ на внутреннихъ водахъ, въ томъ числѣ больше половины судамъ Сайминскаго многоозерья, за которымъ первое мѣсто принадлежитъ Западному и второе Среднему многоозерьямъ.

Весь торговый флотъ Финляндіи цѣнится круглымъ числомъ въ шестьдесятъ милліоновъ марокъ, или въ пятнадцать милліоновъ рублей золотомъ.

Число моряковъ на всѣхъ торговыхъ судахъ опредѣляется приблизительно въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ половина на городскихъ и другая на деревенскихъ судахъ.

Торговля Финляндіи за послѣднее время также успѣшно развивалась, какъ и ея промышленность. Касательно *внѣшней*, преимущественно *морской торговли*, беремъ данныя за одиннадцать лѣтъ, съ 1866 по 1876-й годъ включительно. Въ это время привезено всѣхъ товаровъ 9.231,102 тонны, а вывезено 9.434,277 тоннъ, причемъ годичный ввозъ и вывозъ увеличился почти въ два съ половиною раза.

Поучительно сопоставленіе этихъ чиселъ съ показанною цѣною тѣхъ же товаровъ. По таможеннымъ отчетамъ цѣна всего ввоза показана въ 974.780,236 марокъ, а всего вывоза въ 537.180,965 марокъ. Судя по этимъ числамъ, торговый балансъ показываетъ значительный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ; а между тѣмъ за то же время въ промышленности и въ торговлѣ Финляндіи ярко виденъ приливъ капиталовъ, золота и серебра. Загадка разрѣшается очень просто: вышеозначенныя цѣны за товаръ записаны на финляндскомъ берегу, слѣдовательно къ цѣнѣ ввоза уже прибавлена плата за доставку, страховыя преміи и всѣ остальные расходы, а въ томъ числѣ и 92.245,485 марокъ таможенныхъ пошлинъ, поступившихъ за это время въ казну, между тѣмъ какъ цѣнность отпуска показана безъ всякихъ накладныхъ расходовъ.

Важнѣйшими предметами ввоза были слѣдующіе: на каждаго человѣка всѣхъ жителей, бывшихъ въ Финляндіи въ 1876-мъ году, ввезено въ этомъ году:

Муки и борошна	на 13 мар.	23 пенни.	Виноградныхъ винъ . . .	на 1 мар.	72 пенни.
Разныхъ тканей.	— 9 —	46 —	Рому, коньяку, арака, водокъ	— 1 —	46 —
Кофе (около пяти фунт.).	— 7 —	4 —			

Желѣза и стали	— 4	— 96	—	Поваренной соли (по одному кубич. футу). . .	— 1	— 35	
Сахару (до шести фунт.).	— 4	— 65	—	Фруктовъ и пряностей. .	— 0	— 83	—
Табаку.	— 2	— 35	—	Красокъ	— 0	— 78	—
Деревяннаго масла . . .	— 1	— 93	—	Всѣхъ прочихъ товаровъ.	— 21	— 81	—
Хлопчатой бумаги. . . .	— 1	— 93	—				

Итого. . . на 73 мар. 50 пенни.

Вотъ на какую сумму Финляндія могла купить для себя разныхъ товаровъ; а отъ продажи собственныхъ произведеній въ томъ же году пріобрѣла столько, что смѣло могла для государственной монеты замѣнить серебро золотомъ.

Выгодность внѣшней торговли финляндской возвышается тѣмъ, что слишкомъ двѣ трети всего, что привозится и увозится моремъ, перевозится на собственныхъ финляндскихъ корабляхъ.

1868-й годъ составляетъ начало чрезвычайно важныхъ улучшеній касательно торговли. До этого года держались въ силѣ старинные законы, стѣснявшіе торговлю, особенно торговлю внѣ городовъ. Законами годовъ 1868-го, 1873-го и 1878-го эти стѣсненія отмѣнены и внутренняя торговля края оживилась новымъ духомъ. О значеніи этого улучшенія можно заключать изъ того факта, что до 1868-го года въ Финляндіи почти не было иныхъ купцовъ, кромѣ городскихъ: а въ 1875-мъ году было уже 1,432 человѣка деревенскихъ купцовъ, лавокъ же деревенскихъ и того болѣе: у нѣкоторыхъ бываетъ по нѣскольку лавокъ, порученныхъ сидѣльцамъ.

Изъ совокупности всѣхъ статистическихъ данныхъ касательно финляндской торговли выходитъ несомнѣнно, что вообще торговля Финляндіи съ Россіей увеличивалась и увеличивается въ мѣрѣ значительно большей, нежели ея торговля съ иностранными государствами; а морская торговля Финляндіи съ Россіею увеличивается далеко не въ такой мѣрѣ, какъ сухопутная. Объясненіемъ этого служатъ желѣзныя дороги, товарное движеніе по которымъ возрастаетъ и быстро и въ крупныхъ размѣрахъ; очевидно, что Финляндія съ Россіей сносится все больше и больше посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, представляющихъ то преимущество передъ водными путями, что это сухопутное сообщеніе производится круглый годъ и не задерживается замерзаніемъ водъ.

По емкости пришедшихъ судовъ, морская торговля между Россіей и Финляндіей составляла въ четырехлѣтіе съ 1867-го по 1870-й годъ — [illegible] всей торговли, а въ пятилѣтіе съ 1871-го по 1875-й годъ уже только 1/5. По емкости пришедшихъ и вышедшихъ судовъ вмѣстѣ морскія торговыя сношенія Финляндіи, въ пятилѣтіе съ 1871-го по 1875-й годъ включительно, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ общей суммы всѣхъ торговыхъ сношеній Финляндіи на долю торговли между Финляндіею и Россіей придется 262, съ Великобританіей 228, между различными частями Финляндіи 133, между Финляндіей и Скандинавіей (т. е. Швеціей и Норвегіей) 110, съ Германіей 77, Голландіей 59, Испаніей 33, Франціей 32, Даніей 24, Бельгіей 17, съ Италіей 12, Португаліей 6, Сѣверною Америкой 1, съ Вестъ-Индіей, Южною Америкой, Остъ-Индіей и со всѣми прочими странами 6.

Въ двадцатилѣтіе съ 1856-го по 1875-й годъ сумма привоза и вывоза, измѣряемая цѣнами товаровъ, записанными въ таможняхъ, увеличилась въ четыре раза съ половиною. Въ исторіи Финляндіи еще не было другаго времени, которое представляло бы такіе утѣшительные выводы. Повидимому эта счастливая пора не прекращается. Къ тому же лѣто 1879-го года, особенно въ сѣверовосточной Финляндіи, было необыкновенно урожайно: дало мѣстами самъ-двѣнадцать.

Въ дополненіе къ этому обозрѣнію финляндской торговли, приведемъ свѣдѣнія о полномъ оборотѣ торговли между Финляндіею и Россіей за два года, за которые есть уже свѣдѣнія по движенію товаровъ на желѣзныхъ дорогахъ. Торговый оборотъ между Финляндіею и Россіей

простирался въ 1874-мъ году на 100.710.160 марокъ; а въ 1875-мъ году на 109.292,066 мар.; отношеніе вывоза изъ Финляндіи ко ввозу изъ Россіи исчисляется какъ 100 къ 166; но при этомъ не лишнее припомнить, что уже было выше говорено о дѣйствительномъ значеніи такихъ чиселъ!

Къ поясненію того состоянія, въ какомъ Финляндія находится теперь въ экономическомъ отношеніи, могутъ служить еще слѣдующія данныя:

Сберегательныхъ кассъ въ 1875-мъ году находилось около восьмидесяти; но половина этого числа была основана въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Древнѣйшая и богатѣйшая сберегательная касса была въ городѣ Або, съ капиталомъ въ 3.758,323 марки. Во всѣ эти кассы принимаются вклады малостію до одной размѣнной серебряной монеты за разъ.

Постройка лайбъ.

Находится не одна *пенсіонная касса*, а нѣсколько. Достойно примѣчанія одно изъ достоинствъ этихъ кассъ, а именно то, что вдовѣ и дѣтямъ выдается пенсія, хотя бы отецъ ихъ семейства успѣлъ до своей смерти пробыть участникомъ въ своей пенсіонной кассѣ не долѣе одного дня; продолжительность пребыванія на службѣ, или вообще въ числѣ участниковъ кассы, увеличиваетъ размѣръ пенсіи, но вдова и дѣти никогда не остаются совершенно безъ пенсіи за невыслугу сроковъ.

Значительнѣйшая изъ этихъ кассъ, — *вдовъ и сиротъ служащихъ гражданскаго вѣдомства,* владѣла, въ концѣ 1876-го года, капиталомъ въ семь съ половиною милліоновъ марокъ слишкомъ; ея годовой доходъ былъ въ 850 тысячъ марокъ, а пенсій приходилось платить 580,620 марокъ. Размѣръ этихъ пенсій отъ 100 до 2,000 марокъ въ годъ. *Въ кассѣ вдовъ и сиротъ духовнаго и учащаго сословія* былъ въ томъ же году капиталъ въ 4.380,000, а въ *кассѣ вдовъ и сиротъ военнаго вѣдомства* было въ началѣ 1875-го года 1.659,698 марокъ. Изъ остальныхъ подобныхъ кассъ только назовемъ важнѣйшія: 1) финляндскихъ писателей и артистовъ, 2) аптекарей и служащихъ въ аптекахъ, 3) дворянскихъ дѣвицъ, 4) капитановъ и матросовъ финляндскаго торговаго флота; этой послѣдней кассѣ, недавно основанной, назначено на первыя десять лѣтъ ежегодное пособіе отъ казны по 40,000 марокъ въ годъ. Кромѣ кассъ, объемлющихъ всю Финляндію, давно уже существуютъ мѣстныя вспомогательныя и пенсіонныя кассы разныхъ *ремесленныхъ обществъ* для пособія не только вдовамъ и сиротамъ, но и самимъ платившимъ участникамъ, если старость или болѣзни лишатъ ихъ способности своимъ тру-

домъ обезпечивать себя: сюда же принадлежатъ находящіеся въ нѣсколькихъ городахъ такъ называемые *домы моряковъ*, для пособія старымъ морякамъ и ихъ вдовамъ.

Обозрѣніе хозяйственнаго состоянія Финляндіи естественно заключить росписью государственныхъ доходовъ и расходовъ.

На 1877-й годъ было исчислено всѣхъ доходовъ съ небольшимъ тридцать два милліона марокъ: а на покрытіе всѣхъ государственныхъ расходовъ требовалось съ небольшимъ двадцать восемь милліоновъ шестьсотъ тысячъ марокъ. Перевѣсу доходовъ надъ расходами дано было слѣдующее назначеніе:

Изъ доходовъ важнѣйшими были: *таможенный* и отъ *государственныхъ желѣзныхъ дорогъ*, первый въ 11.511,249 марокъ и второй въ 7.580,642 марки; но и между расходами важнѣйшимъ былъ на государственныя желѣзныя дороги, именно 6.540,600 марокъ; слѣдовательно казна получила отъ своихъ дорогъ чистаго дохода болѣе милліона марокъ, которыя и отложены въ запасъ, на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Не вдаваясь въ подробное перечисленіе всѣхъ статей государственныхъ доходовъ и расходовъ, займемся только тѣми, которыя представляются намъ особенно достойными вниманія нашихъ читателей.

Поземельный налогъ опредѣленъ въ 2.104,300 марокъ въ 1877 году. Этотъ налогъ выражается разверстно, но въ росписанія вносится по переложеніи его на ходячую монету; въ этомъ году онъ составлялъ съ небольшимъ шесть (6,2) процентовъ общей суммы.

Безъ малаго четыре съ половиною (4,4) процента дала *личная подать*, отъ которой освобождены съ одной стороны—дворянство, съ другой нищіе, а по возрасту—всѣ, кто моложе шестнадцати и кто старше шестидесяти лѣтъ женщины платятъ вдвое менѣе мужчинъ, но платятъ же. Этотъ способъ раскладки повинностей на однихъ дѣйствительно-платящихъ, оставивъ въ покоѣ не только всѣхъ мертвыхъ, но также и старыхъ, и малыхъ, доставляетъ казнѣ доходъ большій того, какой получается отъ раскладки на ревизскія души: такъ утверждаютъ неумолимыя цифры статистики, противъ которыхъ спорить нельзя!

По размѣру сбора, послѣ таможенъ и желѣзныхъ дорогъ, давшихъ по двадцать три процента общей суммы всѣхъ государственныхъ доходовъ, самый крупный доходъ доставилъ *винокуренный налогъ*, именно пятнадцать процентовъ (въ 1877 году), изъ которыхъ впрочемъ въ распоряженіи правительства осталось только $13^2/_3$ процентовъ: 140,000 издержано на надзоръ за винокуреніемъ и пр., да 400,000 передано земству въ вознагражденіе за отказъ его отъ прежняго права домашняго винокуренія.

Подоходная подать въ этомъ году составила $2^4/_5$ процента общей суммы государственныхъ доходовъ, именно 900,000 марокъ, а въ 1867 году она дала только 545,860 марокъ. Съ этого послѣдняго года, на которомъ отразились тяжелыя послѣдствія необыкновеннаго неурожая, сборъ подоходной подати постоянно увеличивается; возрастаетъ и число лицъ, платящихъ эту подать, это же указываетъ на общее возрастаніе благосостоянія въ Финляндіи за послѣднее время. Подоходная подать — одно изъ новѣйшихъ учрежденій въ Финляндіи: принятая на первомъ финляндскомъ сеймѣ и Высочайше утвержденная въ 1868 году, она взимается на основаніи устава, окончательно выработаннаго въ 1867 году. По этому уставу обязаны платить подоходную подать только тѣ, чей годовой доходъ не менѣе пятисотъ марокъ; изъ нихъ получающіе доходу отъ 500 до 2,500 марокъ не платятъ ничего за первые пятьсотъ, а за послѣдующіе по четыре пятыхъ процента; слѣдовательно, съ дохода въ 2,500 марокъ подоходная подать составляетъ шестнадцать марокъ, т. е. четыре рубля золотомъ. Въ предѣлахъ отъ 2,500 до 5,000 марокъ по $^4/_5\%$ со всей суммы, т. е. отъ двадцати до сорока марокъ. Отъ 5000 до 10,000 по одному проценту, т. е. отъ пятидесяти до ста марокъ; а со всѣхъ доходовъ болѣе десяти тысячъ по $1^1/_5$ процента, т. е. по двѣнадцати марокъ съ каждой тысячи марокъ годоваго дохода.

Число всѣхъ плательщиковъ подоходной подати было:

	Въ 1865 г.	Въ 1871 г.
Въ городахъ.	12,112	14,319 чел.
» деревняхъ	69,444	75,119 »
Всего	81,556	89,438 чел.

Изъ сравненія этихъ чиселъ съ общимъ числомъ жителей явствуетъ, что этотъ налогъ несутъ немногимъ болѣе пяти процентовъ общаго числа жителей. Подоходная подать взята съ доходовъ:

	Въ 1865 г.	Въ 1871 г.	
Болѣе стотысячныхъ	5	6	плательщиковъ
Отъ 50,000 до 100,000 марокъ .	28	29	»
» 10,000 » 50,000 » .	662	433	»
» 5,000 » 10,000 » .	1,369	1,131	»
» 1,000 » 5,000 » .	17,512	10,509	»
» 500 » 1,000 » .	60,941	77,471	»

Неурожай, бывшій въ этотъ промежутокъ времени, объясняетъ переходъ многихъ изъ высшаго разряда въ низшій.

Изъ всей суммы, получаемой отъ подоходной подати, $^3/_5$ доставляютъ тѣ восемь процентовъ всего числа жителей края, которые живутъ въ городахъ, а 92% деревенскихъ жителей платятъ только $^2/_5$ всей суммы сбора; такому отношенію, конечно, содѣйствуетъ отчасти и то, что въ городахъ легче опредѣлять доходъ и слѣдить за правильностью такого опредѣленія.

Игнаціусъ въ своей «Notice Statistique sur le Grand-duché de Finlande», 1878, говоритъ: «сравнивая бюджетъ Финляндіи съ бюджетомъ другихъ странъ, надо замѣтить, что въ немъ не встрѣчается нѣсколькихъ статей, которыя иногда являются въ видѣ значительныхъ суммъ; таковы, напримѣръ, содержаніе духовенства, уѣздныхъ судовъ и земской полиціи; всѣ эти сборы платятся, по заведенному порядку, непосредственно тѣмъ, кому слѣдуетъ. Кромѣ того, разныя повинности отбываются натурою, таковы: дорожная, почтовая и нѣкоторыя другія.»

Къ 1-го января 1878 г. государственный долгъ финляндскій составлялъ 62.200,000 марокъ.

Въ 1877 году на уплату процентовъ и погашенія по всѣмъ этимъ долгамъ выдано 3.073,280 марокъ, что составляетъ $10^2/_4$ процентовъ общей суммы государственныхъ расходовъ и только $9^2/_3$% общей суммы государственныхъ доходовъ. При такомъ состояніи финансовъ великаго княжества неудивительно, что билеты его государственнаго банка принимаются вездѣ по ихъ нарицательной стоимости.

Не каждый годъ государственный бюджетъ заключается такъ выгодно, какъ въ 1877 г.; бываютъ и недоборы, и усиленныя издержки; но такихъ годовъ немного, когда расходы болѣе доходовъ; напротивъ, очень обыкновенно, что остается какой нибудь остатокъ, употребляемый на усиленіе металлическихъ запасовъ *финляндскаго* государственнаго *банка*. Этотъ банкъ основанъ въ 1811 году, а въ 1867 подчиненъ наблюденію финляндскаго сейма, который на время до слѣдующаго сейма избираетъ четырехъ наблюдательныхъ представителей (отъ четырехъ сословій), дающихъ въ случаѣ надобности предписанія директорамъ банка. Находится онъ въ Гельсингфорсѣ, конторы жь его: одна въ С.-Петербургѣ и девять въ разныхъ финляндскихъ городахъ, а именно: въ Абовѣ, Бьернеборгѣ, Таммерфорсѣ, Выборгѣ, Куопіо, Николайстадѣ, Улеоборгѣ, Кексгольмѣ и Сердоболѣ.

Билеты этого банка не имѣютъ обязательнаго курса, но пользуются полнымъ довѣріемъ и цѣнятся наравнѣ съ золотомъ.

Его активъ и убалансированный пассивъ простирались 31-го декабря 1877 года, каждый на сумму въ 74.190,109 марокъ, въ томъ числѣ металлическій фондъ составлялъ 26.253,177 марокъ.

ОЧЕРКЪ IV.

ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Составъ народонаселенія Финляндіи. [illegible] — Сумь и Карела, [illegible] вообще. [illegible] Финляндіи [illegible] — [illegible] закону.

Свадьба въ Финляндіи.

1) *Время не ждетъ никого.*
2) *Лѣнивые знай собираются!*
3) *Вечеръ знаетъ больше утра.*
4) *Знанье никому не въ тягость.*
5) *Много могъ видѣть, кто долго жилъ.*
6) *Живой все думаетъ впередъ, назадъ пусть думаетъ умершій.*
7) *Чужимъ хвали чужбину, а родину себѣ.*
8) *Не хвали стараго, не испытавши новаго.*
9) *Не тотъ молодецъ, что нашетъ себѣ дѣло, а тотъ, кто его исполняетъ умѣло.*

ФИНСКІЯ ПОГОВОРКИ
(собранныя Ильею Лавротомъ)

Лучи историческаго изслѣдованія, еще такъ недавно освѣтившіе мракъ прошедшихъ судебъ Финскаго племени, даютъ намъ возможность говорить о немъ въ настоящее время довольно подробно, не ограничиваясь одними предѣлами Финляндіи.

Собственно Финны составляютъ слишкомъ восемьдесятъ пять процентовъ общаго числа всѣхъ жителей края. Уже въ прежнихъ очеркахъ было говорено о томъ, что Финны въ Финляндіи, по своему говору, да отчасти и по характеру, раздѣляются на двѣ половины: *Сумь* (Suomalaiset) и *Карелу* (Karialaiset), т. е. на «болотняковъ» и «коровниковъ». Сумь занимаетъ югозападную часть Вазаской губерніи, всю Абовскую, большую часть Тавастгусской, весь сѣверъ Нюландской и западную часть Выборгской губерніи. Карела занимаетъ всю остальную Финляндію, выходя и за предѣлы ея—въ губерніи Архангельскую, Олонецкую и С.-Петербургскую. Пространство, занимаемое Карелами только въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ впятеро болѣе, нежели все пространство, занимаемое Сумью; но по числу людей, эти два племени почти равны между собою, потому что Сумь живетъ на земляхъ, гуще населенныхъ и болѣе плодородныхъ,

и въ климатѣ болѣе мягкомъ. Первоначально Сумь занимала только южную часть нынѣшней Абовской губерніи. И до сихъ поръ эта страна называется «собственно Финляндіей». Но какъ это названіе, составляющее только переводъ на древній шведскій языкъ финскаго слова Суоми («многоводной земли»), распространилось мало-по-малу на всю страну Великаго Княжества Финляндскаго, такъ и финское слово Suomi — Сумь распространяется уже на весь край, не исключая и Лапландіи. Но, независимо отъ названія, разныя мѣстности Финляндіи представляютъ замѣтныя разности въ свойствахъ народа. Такъ, по словамъ З. Топеліуса (Boken om vårt land), Карелъ откровеннѣе, привѣтливѣе, подвижнѣе и предпріимчивѣе, но также болѣе говорливъ, хвастливъ и обидчивъ. Онъ чувствителенъ; легко опечалится и также легко развеселится; любитъ шутки и пѣсни, много пѣсенъ знаетъ и охотно поетъ. Вообще Карелъ представитель, такъ сказать, солнечной стороны финскаго характера, съ его впечатлительностію и живостью. Западный Финнъ, Емь и Сумь, служитъ представителемъ сосредоточенной молчаливости, упорства и настойчивости. Онъ не сохранилъ у себя ни преданій, ни пѣсенъ давней старины; но мало податливый, мало перемѣнчивый, онъ самъ остается теперь такимъ же, какимъ его предки были давно, не поддаваясь вліянію Шведовъ, несмотря на такое близкое сосѣдство съ ними.

Жители Яскиса.

Собственно въ Финляндіи живетъ менѣе, нежели четвертая часть всего Финскаго племени: болѣе трехъ четвертей его разсѣяно по разнымъ частямъ двухъ имперій—Россійской и Австро-Венгерской. Вездѣ, въ обѣихъ имперіяхъ, народы финскаго племени, называясь разными именами — Мадьяръ или Венгровъ, Эстовъ, Чувашей, Зырянъ и т. д., живутъ окруженные народами славянскаго племени, точно острова на морѣ славянства. Знаменитый Кастрéнъ, бывшій первымъ финскимъ профессоромъ въ Александровскомъ университетѣ, объѣздилъ большую часть тѣхъ финскихъ народовъ, которые живутъ въ предѣлахъ Россіи, и ознакомился съ ихъ языками и нарѣчіями. Верховья рѣки Енисея составляются изъ двухъ рѣкъ, называемыхъ финскимъ словомъ *Кемь:* «Улуй-Кемь» и «Бей-Кемь». Самъ Кастренъ былъ родомъ изъ Улеоборгской губерніи, по которой съ сѣвера на югъ протекаетъ величайшая изъ финляндскихъ рѣкъ Кемь, впадающая въ Ботническій заливъ у города Кеми. У юговосточныхъ предѣловъ Улеоборгской губерніи, изъ озера Куде, въ Архангельской губерніи вытекаетъ тоже большая рѣка Кемь, впадающая въ Бѣлое море у архангельскаго города Кеми. Естественно было подумать: не тотъ же ли народъ назвалъ двѣ рѣки Кемью тамъ на далекомъ юговостокѣ, который двѣ другія рѣки назвалъ тоже Кемью здѣсь, на крайнемъ сѣверозападѣ? и не родственно ли этимъ названіямъ имя рѣки Камы, знаменитаго притока Волги? Путешествія Кастрéна дѣйствительно убѣдили его въ томъ, что названія всѣмъ этимъ рѣкамъ дало одно и то же финское племя, состоящее изъ многихъ народовъ, говорящихъ разными нарѣчіями одного и того же языка. Многіе говорили послѣ того: «тамъ, на вершинахъ Енисея — колыбель финскаго народа». Не правильнѣе ли было бы сказать, что тамъ, быть можетъ, только одинъ изъ тѣхъ крайнихъ восточныхъ предѣловъ, до которыхъ распространялось это племя? Могло быть оно еще и восточнѣе, но тамъ слѣды этого племени уже стерты новѣйшими насельниками.

ИЗЪ ФИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Рыбачья хижина близъ Экнеса. Вечеръ на Аврѣ.

Въ лѣсу въ окрестн. Ловисы. Крестьяне въ приходѣ Кюро. Лѣсной видъ въ приходѣ Хаухо.

Кузница около Або. Зимній вечеръ въ Сомеро.

Первое упоминаніе о народѣ, который у Германцевъ назывался Финнами или Феннамия, встрѣчаемъ у Тацита, который говоритъ, что Финны были сосѣдями Свеевъ и Готовъ, жили дальше ихъ и были еще грубѣе; а между ними былъ народъ Ситоновъ, у которыхъ царемъ была женщина. Это свѣдѣніе приводитъ къ заключенію, что подъ именемъ Ситоновъ надо разумѣть Квэновъ или Каяновъ (т. е. «Озерныхъ»), которые въ наше время успѣли слиться съ Карелами, оставивъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ Норвежцамъ свое названіе, какъ общее имя для всѣхъ Финновъ; названіе «Квеновъ», созвучное съ скандинавскимъ словомъ «квинна», означающимъ «женщина» (а въ англійскомъ «королева»), вѣроятно, дало поводъ къ сказанію Тацита о финскомъ народѣ, управляемомъ женщиною, царицею...

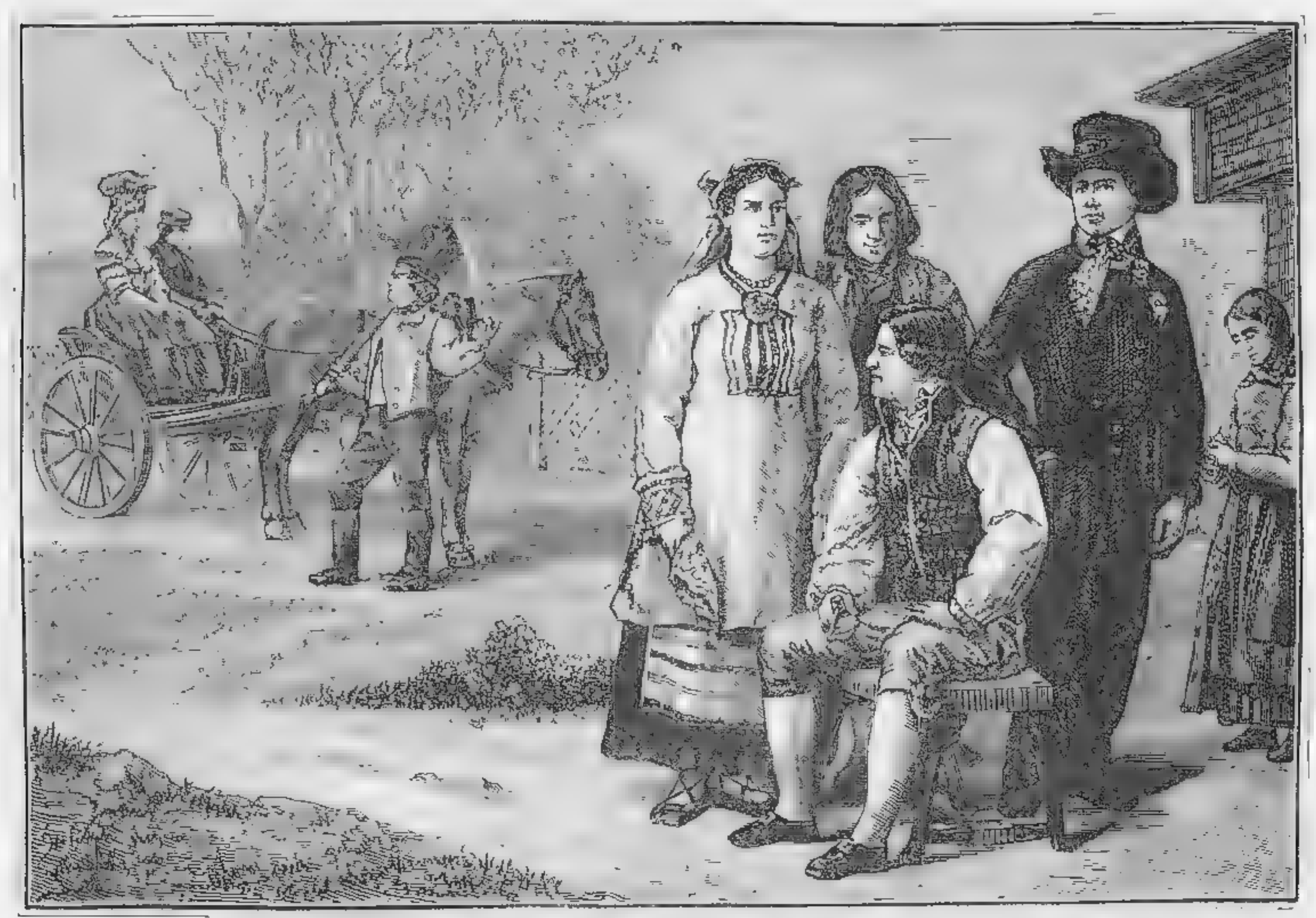
Въ шестомъ столѣтіи Іорнандесъ говоритъ о Финнахъ, населявшихъ сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи; имена, имъ перечисляемыя, указываютъ на Чудь, Весь, Мерю, Мордву и др. Болѣе обстоятельное сказаніе обо всѣхъ этихъ и разныхъ другихъ финскихъ народахъ сохранилось въ лѣтописи нашего Нестора, жившаго въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіи по Р. Х. Кажется, ему были не безъизвѣстны нѣкоторыя изъ скандинавскихъ сказаній (сагъ), сохранившихся до нашего времени. Англійскій король Альфредъ (умершій въ 901 году) съ точностью опредѣлилъ мѣсто жительства Квеновъ — вокругъ всего Ботническаго залива, т. е. тамъ же, гдѣ они и теперь живутъ, съ тою только разницею, что въ самой Швеціи мѣсто ихъ заняли по большей части Шведы. Въ девятомъ столѣтіи Норвежцы вмѣстѣ съ Квенами побѣждали Кареловъ, а шведскій витязь-князь, а по нынѣшнему король, Эрикъ Эдмундовичъ, покорилъ было всѣ земли, омываемыя Финскимъ заливомъ. Ко времени вскорѣ послѣ его смерти относится разсказъ Нестора о призваніи Славянами и Финнами Варяговъ изъ-за моря, причемъ Несторъ точнѣе опредѣляетъ, что это были тѣ Варяги, которые называются Русью, а кромѣ ихъ есть еще и другіе Варяги, каковы: Шведы, Норвежцы, Датчане, Англичане. Въ финскомъ языкѣ и теперь еще Шведы называются Руссами, а Русскіе—Славянами, разумѣется, измѣняя всѣ имена на финскій ладъ.

Выборгскіе Финны въ праздничномъ нарядѣ.

О древней религіи финскаго народа заключаютъ по стариннымъ пѣснямъ, записаннымъ уже въ наше время отъ простонародныхъ пѣвцовъ, преимущественно Кареловъ (Кàрьялайсетъ) и Эстовъ (Эстиміесъ), да по нѣкоторымъ остаткамъ преданій разныхъ народовъ Угорскаго племени. По этимъ памятникамъ самымъ старшимъ богомъ былъ «Тара», т. е. «Старый», называемый иначе и чисто по-фински «Укко»; другое названіе верховнаго божества было *Юмъ*, или *Юмала*, собственно — жилище Юма, т. е. небо; послѣднее слово теперь употребляется въ смыслѣ «Богъ». Но какъ у другихъ язычниковъ, такъ и у Финновъ, вся природа воображалась раздѣленною между разными божествами. Въ пѣсняхъ сохранены ихъ имена и нѣкоторые разсказы о богахъ; но въ этихъ пѣсняхъ не упоминается ни объ идолахъ, ни о храмахъ, ни о кровавыхъ жертвахъ, а говорится о святыхъ рѣкахъ, озерахъ, скалахъ, деревьяхъ и животныхъ; самая великая сила приписывается слову человѣческому, особенно выражаемому пѣніемъ и сопровождаемому музыкой.

Собраніемъ финскихъ народныхъ пѣсенъ начали заниматься уже лѣтъ за триста до нашего времени; но богатѣйшимъ собраніемъ ихъ прославился *Эліасъ Ленротъ* (Lönnrot) — нынѣ заслуженый профессоръ Императорскаго Александровскаго университета. Нѣсколько десятковъ этихъ пѣсень составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое — народную эпопею Калевалу. Главный герой ея *Вейнэ-Мёйненъ* (Väinämöinen) — полубогъ, получеловѣкъ, также какъ и сподвижники его — *Ильмариненъ* отъ («ильма» — духъ, воздухъ) и *Леминкайненъ*. Ихъ подвиги указываютъ то на борьбу финскаго племени съ древними, исчезнувшими жителями страны сѣвера *Похъолы*

Нюландскіе Финляндцы

Pohiola), то на борьбу лѣта съ зимою, свѣта съ мракомъ, тепла съ холодомъ. Въ пѣсняхъ (47-й и 49 й разсказывается какъ

вечеркомъ
Мудрый, вѣщій Вейнэ-Мейнэ
Пѣлъ на берегу морскомъ;
И природа вся внимала
Радостно его словамъ,
Пѣснь торжественно звучала
По долинамъ и горамъ.
«Услыхавши это пѣнье
Вышелъ изъ-за облакъ самъ
Свѣтлый мѣсяцъ, въ умиленьѣ
Сѣлъ на дерево, сіялъ,
Да сіяя, лишь внималъ.
«Солнце на закатъ склонялось
Но, услышавъ пѣсню ту,
Раскраснѣлось и осталось,
Удаляя темноту,
Да, покинувъ высоту,
На напѣвы любовалось.»

Тутъ хозяйка полуночи, Мать сѣвера, зимы и темноты, схватила и солнце, и мѣсяцъ, да и заперла ихъ въ мѣдную гору, за девять затворовъ. Наступила долгая, зимняя, безразсвѣтная ночь, когда само время, не видя дороги, остановилось! И вѣтеръ не зналъ, куда ему дуть, и всѣ птицы перестали пѣть; темно было и въ небѣ, межъ звѣздами, и въ груди у людей! Тогда Вейнэ-Мёйненъ, вѣчно старый, отъ рожденія своего старый, но могучій своимъ словомъ и пѣ-

ніемъ, отправляется на сѣверъ, въ поиски за солнцемъ и мѣсяцемъ, совершаетъ много подвиговъ, не щадя и своей жизни, борется за верховную силу свѣта, старается достать великое благо — свѣтъ, но долго трудится безъ успѣха! Наконецъ приходитъ онъ къ Ильмаринену, къ этому вѣчному кузнецу, и тотъ для него принимается ковать что-то такое, чѣмъ Вейнэ-Мейненъ неизбѣжно побѣдитъ и темноту, и саму хозяйку полуночи — лукавую *Лоухи*. Та, услыхавши необыкновенный шумъ въ кузницѣ Ильмаринена, птицей подлетаетъ къ ней и, узнавши, что онъ готовитъ противъ нея самой что-то страшное, поспѣшила выпустить на волю и солнце, и мѣсяцъ, которые не замедлили обрадовать землю своимъ свѣтлымъ появленіемъ и принесли съ собою веселую весну.

Въ послѣдней пѣснѣ Калевалы разсказывается, какъ старый Вейнэ-Мейненъ, уступая Предвѣчному Младенцу, удаляется. Конечно, эта пѣсня, да можетъ быть и многія другія, сочинены уже по введеніи христіанства. Въ вѣрованіяхъ и въ пѣсняхъ народа выражается его характеръ. Топеліусъ (Finnland fram talldi teckningar, af Z. Topelius), удачно выразилъ характеръ Вейнэ-Мейнена сравненіемъ его съ Одиномъ Скандинавовъ: «у Скандинавовъ Одинъ былъ мудрѣе всѣхъ, потому что онъ былъ всѣхъ сильнѣе: а у Финновъ Вейнэ-Мейненъ былъ сильнѣйшимъ, потому что онъ былъ мудрѣйшимъ». И далѣе, тамъ же: «У Финновъ богатырство — духовно: духъ владѣетъ міромъ, сила — только слѣдствіе мудрости: изъ мудрости же она — иль злополучна, иль смѣшна.»

Оландцы подъ палубой, въ ожиданіи вѣтра

Сравнительную численность населенія Финляндіи выражаютъ слѣдующія процентныя отношенія: Финны составляютъ 85,3%, Шведы 14,2%, остальные ½% падаютъ преимущественно на Русскихъ, Нѣмцевъ и Лопарей; къ нимъ въ ничтожномъ количествѣ присоединяются еще Цыгане и Евреи.

Русскіе въ Финляндіи живутъ частію въ деревняхъ въ юговосточномъ углу Выборгской губерніи, частію разсѣянно въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ городахъ. Первые — это потомки тѣхъ Русскихъ, которые были присланы сюда изъ Россіи, преимущественно княземъ Голицынымъ, сподвижникомъ Петра Великаго, чтобы заселить край, совершенно опустошенный войною. Эти Русскіе, сохранивши свой языкъ и свою народность, знаютъ всѣ, кромѣ того, по-фински, и говорятъ на этомъ языкѣ не хуже настоящихъ Кареляковъ, населяющихъ большую часть Выборгской губерніи. Другихъ Русскихъ, разсѣянныхъ по Финляндіи, привела сюда—однихъ государственная служба, другихъ промышленность и торговля; многіе изъ нихъ поженились на финляндкахъ, и нерѣдко дѣти ихъ да внучата говорятъ по-русски плохо, а хорошо по-шведски или по-фински; Русскими же они называются и остаются въ силу своей принадлежности къ православію. По гражданскимъ правамъ, Русскіе уроженцы края не отличаются ничѣмъ отъ прочихъ Финляндцевъ и вмѣстѣ съ ними участвуютъ въ народномъ представительствѣ на земскомъ сеймѣ, хотя впрочемъ естественно, что это ихъ участіе не можетъ особенно чувствоваться, потому что и всѣхъ-то Русскихъ въ цѣлой Финляндіи немногимъ болѣе одной

трети процента общаго числа всѣхъ жителей края. О Лопаряхъ было упомянуто въ очеркѣ: Полярная Финляндія.

Нѣмцы, Цыгане и Евреи не проявляютъ въ Финляндіи никакихъ особенностей сравнительно съ ихъ единоплеменниками, гораздо болѣе многочисленными въ другихъ частяхъ нашего государства, а потому и описаніе ихъ было бы неумѣстно въ этой главѣ; относительно Цыганъ, можно замѣтить только, что финляндское правительство уже давно заботится о томъ,

Въ церкви на островѣ Оландѣ.

чтобъ эти люди оставили свое кочеванье и сдѣлались бы вполнѣ осѣдлыми, въ чемъ и успѣваетъ, хоть не безъ труда. Евреи, какъ не христіане, не могутъ пріобрѣтать себѣ правъ финляндскаго гражданства: въ этомъ отношеніи въ Финляндіи существуетъ до сихъ поръ старинный шведскій законъ.

Слишкомъ четырнадцать процентовъ населенія Финляндіи составляютъ Шведы, т. е. Финляндцы шведскаго языка. Ихъ можно раздѣлить на три группы, а именно: ботническую, нюландскую и оландскую. Ботническіе Шведы занимаютъ пространство по берегамъ Ботническаго залива, отъ города Бьернеборга на сѣверъ, немного далѣе города Ню-карлебю. Шведскій говоръ этихъ жителей замѣтно отличенъ отъ господствующаго, отъ стокгольмскаго, естественно сближаясь

съ говоромъ Шведовъ на противоположномъ берегу залива, откуда предки нынѣшнихъ финляндскихъ Шведовъ въ давнее время переселялись сюда лѣтомъ на лодьяхъ, а зимою на саняхъ черезъ море, каждую зиму замерзающее въ Кваркенѣ отъ края до края. Остроботніецъ славится какъ хорошій плотникъ и судостроитель; онъ любитъ носить на кожаномъ поясѣ свой короткій, но острый ножъ въ ножнахъ. Переѣзжая тутъ изъ полосы, населенной Шведами, въ мѣста, населенныя Финнами, или наоборотъ, мнѣ приходилось удивляться тому, до какой степени тутъ ближайшіе сосѣди, жители смежныхъ между собою деревень, чуждаются другъ друга и не знаютъ ни Шведы по-фински, ни Финны по-шведски, не знаютъ, да и знать не хотятъ: такъ сильна до сихъ поръ между ними племенная рознь!

Возвращеніе изъ церкви.

Охотнѣе сближаются между собою Шведы и Финны на берегахъ Финскаго залива. Тутъ Шведы заселяютъ все поморье Нюландской губерніи, съ прилегающими къ этой полосѣ небольшими частями губерній Абовской и Выборгской. Въ Нюландской губерніи вся южная половина ея заселена Шведами, хотя въ городахъ и тутъ немало Финновъ. Нюландскій Шведъ также охотно говоритъ по-фински, какъ нюландскій Финнъ по-шведски.

Оландецъ не хочетъ признавать себя ни за Шведа, ни за Финляндца: онъ Оландецъ — «оле́ннингъ», да и только! Онъ любитъ море: онъ съ дѣтства мореходъ; это его, Оландское море плещется вѣчно у всѣхъ береговъ его многоостровья и манитъ его на свои волны то для тюленьяго промысла, то для рыболовства, то для торговли. Отъ Оланда до Стокгольма немногимъ дальше, чѣмъ до Або, но ближе, нежели до Гельсингфорса. Почти каждый взрослый Оландецъ побывалъ во всѣхъ этихъ трехъ городахъ, а многіе бывали въ нихъ такъ часто, что затруднятся отвѣтить, сколько разъ туда плавали.

Не задаваясь трудной задачей представить читателямъ нашимъ картину финскихъ нравовъ, не утомляя ихъ вниманія подробнымъ перечисленіемъ ихъ обычаевъ, повѣрій и предразсуд-

ковъ, мы постараемся, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, дать понятіе о народномъ характерѣ Финновъ, на сколько намъ самимъ пришлось наблюдать его въ разныхъ концахъ Финляндіи.

Въ основѣ характера Финна лежитъ замѣчательная честность, совершенно непоколебимая, вошедшая, такъ сказать, въ плоть и кровь всей націи. Эта честность щепетильна до чрезвычайности и простирается до мелочей. Финнъ никогда не позволитъ себѣ запросить съ покупателя цѣну болѣе той, которой вещь дѣйствительно стоитъ, никогда не воспользуется неопытностью и незнаніемъ чужеземца чтобы взять съ него лишнюю плату за услугу; низачто не рѣшится присвоить себѣ чужой собственности, хотя бы даже и зналъ, что владѣлецъ вещи никогда болѣе не вернется за нею и не предъявитъ на нее своихъ правъ. Если вы по ошибкѣ передадите Финну, при покупкѣ отъ него товара, какую-нибудь лишнюю копѣйку, и онъ, замѣтивъ

Пасторское наставленіе

го, не будетъ имѣть возможности вамъ ее возвратить — онъ все же низачто не присвоитъ ее себѣ и не положитъ въ свой кошелекъ! Долго будетъ онъ искать случая возвратить вамъ вашу собственность, и наконецъ, для очищенія совѣсти, опуститъ эту копѣйку въ церковную кружку.... Если вы, проѣздомъ по почтовымъ дорогамъ Финляндіи, забудете гдѣ нибудь на станціи ваши вещи: — будьте спокойны, хотя бы между этими вещами находился даже бумажникъ, туго набитый деньгами, Финнъ не возьметъ его себѣ; онъ тотчасъ поскачетъ вслѣдъ за вами во весь махъ своего добраго почтоваго коня, и если не догонитъ, то поручитъ догонять васъ содержателю почтовыхъ на слѣдующей станціи. Вещи ваши будутъ вамъ возвращены съ цѣлости, и вамъ придется только заплатить за прогоны тѣхъ почтовыхъ лошадей, на которыхъ васъ догоняли; съ васъ никто даже и не подумаетъ попросить на водку! Относясь такимъ образомъ къ чужой собственности вообще, Финнъ точно также относится и къ своей собственности, честно, осторожно, бережливо. Трудолюбивый до крайности, онъ не позволитъ себѣ отнять ни одной копѣйки у семьи и дома, не позволитъ себѣ затратить ее на свое удовольствіе, и если найдетъ, что въ домѣ и семьѣ у него есть все необходимое, то онъ всего охотнѣе отложитъ каждую лишнюю копѣйку на черный день. Благодаря этому добросовѣстному отно-

Церковное покаяніе.

шенію къ собственности, благодаря крайней умѣренности и бережливости Финновъ, они умѣютъ жить въ довольствѣ и безъ всякой нужды даже и тамъ, гдѣ всякій другой народъ, вѣроятно, терпѣлъ бы нужду во всемъ необходимомъ.

Но этого мало: — честно относясь къ ближнему и къ своимъ домашнимъ, семейнымъ обязанностямъ, Финнъ вноситъ тѣ же честныя воззрѣнія и въ свою общественную дѣятельность, и въ свои отношенія къ общественнымъ суммамъ, къ общественнымъ капиталамъ, къ предпріятіямъ, въ основаніи которыхъ лежатъ казенныя деньги. Честность Финна сказывается не только въ томъ, что онъ васъ не обсчитаетъ, не воспользуется вашею собственностью, вашею неопытностью или незнаніемъ: — она сказывается и въ томъ, что онъ сумѣетъ выстроить дорогу въ пять разъ дешевле противъ всякой самой добросовѣстной инженерной смѣты, да-

Въ воскресенье послѣ обѣда.

притомъ еще ухитрится выстроить ее въ пять разъ прочнѣе, нежели построитъ строитель другой націи. Вотъ основа, на которой Финны строятъ всѣ свои общественныя предпріятія и все свое нынѣшнее благосостояніе, которое обѣщаетъ имъ и ихъ родной сторонѣ блестящую будущность.

Напрасно было бы однако же думать, что эта прекрасная черта финскаго характеръ выросла и развилась въ финскомъ народномъ типѣ совершенно самостоятельно, безъ всякаго внѣшняго вліянія. Честность, свойственная всякому дикарю, всякому человѣку, живущему въ простотѣ и тѣсномъ общеніи съ природою, очень часто — увы! — исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ перестаетъ быть преобладающею чертою типа, по мѣрѣ того какъ народъ выростаетъ и развивается и входитъ во всѣ отношенія торговой, общественной и политической жизни образованныхъ народовъ... Легко можетъ быть, что то же самое могло бы случиться и съ Финнами, если бы за воспитаніе народа не принялись люди разумные, сумѣвшіе воспользоваться благами цивилизаціи только для того, чтобы прежде всего внушить народу глубочайшее уваженіе къ религіи и къ закону. Дѣйствительно, нельзя не отдать вполнѣ чести Фин-

скому духовенству, которое подняло на свои плечи эту тяжелую задачу и несетъ ее съ такимъ достоинствомъ, съ такимъ сознаніемъ своего долга, которымъ могутъ позавидовать представители духовенства другихъ странъ. Духовенство финское, высоко-образованное, сумѣло подчинить себѣ свою паству вполнѣ, но не для того, чтобы поработить ее, подавить съ высоты величія, а для того, чтобы стать во главѣ ея потребностей, указать ей путь къ достиженію ея цѣлей и облагородить эти цѣли. Не слѣдуетъ полагать, чтобы эта мудреная задача, проводимая въ жизнь съ упорствомъ, свойственнымъ финскому характеру, доставалась паствѣ, легко внушалась ей только мягкими рѣчами и ласковымъ обращеніемъ. — Нѣтъ! школа церкви была сурова, тяжела для народа! Пастыри были неумолимы, какъ законъ, и даже теперь еще не научились относиться снисходительно къ своимъ прихожанамъ. Но въ результатѣ ихъ вѣковой

Вечернее чтеніе піэтистовъ.

работы, ихъ суроваго, но справедливаго отношенія къ прихожанамъ — получилось глубочайшее уваженіе къ высшему закону, къ Слову Божію, и олицетворенію его на землѣ, къ закону общественному. Значеніе пасторовъ и теперь, когда образованіе проникло во всѣ слои финскаго народа, ничуть не уменьшается, а напротивъ, даже увеличивается, образованные пасторы, — люди съ университетскимъ образованіемъ — ближе всѣхъ стоятъ и къ народной школѣ, и къ народной литературѣ.

До какой степени вліяніе пасторовъ сильно дѣйствуетъ на паству, видимъ изъ того, что уровень нравственности въ Финскомъ народѣ стоитъ значительно выше, нежели у многихъ сосѣднихъ племенъ. Статистика преступленій ясно указываетъ на то, что виновными въ нихъ оказываются большею частью только люди, преданные употребленію горячихъ напитковъ. Но, внѣ круга этихъ несчастныхъ, пасторы считаютъ своею обязанностью зорко слѣдить за всѣми проявленіями злой воли человѣка, насколько она проявляется въ семейной и общественной жизни ихъ обширныхъ приходовъ. Они ничего не упускаютъ изъ виду и, цѣня высоко чистоту

нравовъ, сурово караютъ нарушителей и нарушительницъ ея. При этомъ они стараются дѣйствовать и частными внушеніями, выговорами, для которыхъ призываютъ къ себѣ провинившихся на домъ; а если не видятъ отъ этихъ внушеній надлежащаго успѣха, тогда прибѣгаютъ и къ болѣе суровымъ мѣрамъ взысканія. Самою тяжкою изъ такихъ мѣръ является *церковное покаяніе*, при которомъ пасторъ выводитъ провинившихся на средину церкви, становитъ ихъ на колѣни и заставляетъ гласно, передъ всѣми присутствующими, исповѣдать свои прегрѣшенія.

На нравственность Финновъ указываетъ, между прочимъ, ихъ манія проводить праздники: въ праздникъ можете всю семью застать за чтеніемъ: кто нибудь изъ нихъ читаетъ, а другіе слушаютъ Теперь въ Финляндіи печатается немало книгъ для народнаго чтенія не только по-шведски но

Въ финляндской семьѣ

и по-фински, а потому и подобныя семейныя чтенія не рѣдкость во всей Финляндіи, какъ между Шведами, такъ и между Финнами. Иное дѣло—тѣ вечернія чтенія, для которыхъ, преимущественно въ городахъ, собираются такъ называемые *піэтисты*. На такихъ собраніяхъ поются только псалмы и разныя духовныя пѣсни; читаются книги только духовнаго содержанія и произносятся рѣчи только религіозныя, причемъ нѣкоторыя изъ постоянныхъ участниковъ въ собраніяхъ піэтистовъ являются почти всегдашними чтецами, толкователями, проповѣдниками. Вообще піэтистовъ немного. Есть и хулители ихъ, говорящіе, что піэтизмъ тяготѣетъ къ отшельнической строгости. Это явленіе *піэтизма* составляетъ впрочемъ естественный противувѣсъ *индиферентизму*, т. е. равнодушію къ вѣрѣ, составляющему уклоненіе въ противоположную крайность; рѣшительное большинство народонаселенія Финляндіи не вдается ни въ которую изъ нихъ.

Неудивительно, что при наблюденіи надъ нравственностью и при томъ уваженія къ закону, которое внушается духовенствомъ, супружества сохраняются въ чистотѣ, и молодые люди, обрученные какъ женихъ и невѣста, иногда по многу лѣтъ сряду терпѣливо ожидаютъ возможности сочетаться законнымъ бракомъ.

Вѣрность данному слову, уваженіе къ святости присяги и къ закону, такъ сильны въ Финляндцахъ, что и народъ, и общество финское совершенно обезпечены отъ тѣхъ треволненій, отъ тѣхъ смутъ, которыя нерѣдко вносятъ столько бѣдъ и горя въ жизнь другихъ народовъ. Въ то время, когда французская революція 1848 года вскружила голову всей Европѣ и даже у насъ, на крайнемъ Востокѣ, нашла себѣ отголоски, Императоръ Николай I сказалъ пріѣхавшему изъ Финляндіи сенатору: «что, и у васъ тамъ волнуются, бунтуютъ?» На это бывшій тутъ графъ Александръ Армфельдъ возразилъ: «я увѣренъ, что нашъ народъ знаетъ законъ, запрещающій бунты; а развѣ онъ рѣшится нарушить законъ? Это еще можетъ сдѣлать одинъ, другой; но чтобы многіе вдругъ—это невозможно!» — И онъ сказалъ правду.

Эти коренныя черты финскаго характера, которыя скрываются подъ корою грубой, часто весьма несимпатичной внѣшности флегматическаго Финна, даютъ ему полное право надѣяться на то, что маленькая Финляндія достигнетъ современемъ большаго процвѣтанія и, никому не кланяясь, ни отъ кого не завися, ни съ кѣмъ не борясь и не воюя, сумѣетъ отъ всѣхъ сосѣдей отстоять свою національность и свои права на мирный трудъ.

Церковь въ Рентамяки.

ОЧЕРКЪ V.

ГОРОДА ФИНЛЯНДІИ.

[illegible]

[illegible] сокрыть отъ міра,
Чуждъ его суетъ,
Воспитатель въ лонѣ міра
Свои лелѣетъ цвѣтъ;
И не ищетъ, не алкаетъ
Онъ нагр[illegible]
Но въ [illegible]
Сѣмена свои

Я. Гротъ

Крестьяне изъ окрестностей Выборга.

Ежели лѣтній Гельсингфорсъ отличается отъ зимняго своими видами, то онъ отличается еще болѣе своимъ населеніемъ. Одинъ изъ петербургскихъ посѣтителей Гельсингфорса, расхваливая лѣтнія прелести этого города и его живописныхъ окрестностей, съ увѣренностію говоритъ, что Гельсингфорсъ бываетъ такимъ оживленнымъ городомъ только въ лѣтнюю пору, когда понаѣдутъ въ него гости изъ разныхъ странъ, особенно же изъ Петербурга. По мнѣнію этого лѣтняго гостя, Гельсингфорсъ зимою долженъ быть пустъ и безжизненъ. Въ дѣйствительности же въ немъ тогда никакъ не меньше жизни, а жителей даже больше.

На лѣто уѣзжаютъ изъ Гельсингфорса: почти всѣ студенты и преподаватели университета и политехнической школы, большая часть учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ русскихъ,

финскихъ и шведскихъ, вся финляндская Императорская гвардія, а изъ горожанъ—всѣ, кому ихъ дѣла и средства позволяютъ въ лѣтніе мѣсяцы запасаться здоровьемъ въ деревнѣ, гдѣ море также хорошо, а воздухъ лучше даже гельсингфорскаго. Это должно казаться особенно страннымъ для пріѣзжающихъ, напр. изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, которые могутъ сказать: «да какого-жъ еще воздуха надобно? развѣ этотъ нечистъ и неживителенъ?» Но такова уже природа человѣка: онъ недовольствуется хорошимъ и вѣчно гонится за лучшимъ... Такимъ образомъ изъ зимнихъ обитателей Гельсингфорса нѣсколько тысячъ удаляются изъ него на время лѣта.

Всѣхъ жителей въ Гельсингфорсѣ болѣе сорока тысячъ; кромѣ особенныхъ исключительныхъ случаевъ, когда это число замѣтно увеличивается, можно признавать его почти постояннымъ, при столько же постоянномъ увеличеніи ежегодно на одну тысячу человѣкъ. Кѣмъ же восполняется лѣтомъ убыль населенія? Отчасти пріѣзжающими сюда за лѣченіемъ или развлеченіемъ; да, кромѣ того, экипажами разныхъ судовъ, и парусныхъ и паровыхъ, которыми пестрѣетъ прекрасная, обширная гавань Гельсингфорса. Зимою тутъ всякое судоходство прекращается, поддерживается одна сухопутная торговля, оживляемая желѣзною дорогою, хотя впрочемъ по желѣзнымъ дорогамъ лѣтнее движеніе значительнѣе зимняго, какъ можно заключить уже изъ того, что между Выборгомъ и Гельсингфорсомъ пассажирскихъ поѣздовъ ходитъ лѣтомъ по два въ сутки, а зимою по одному.

Морской путь изъ Гельсингфорса въ Петербургъ, если не заѣзжать въ Выборгъ, а идти прямо отъ мѣста до мѣста, гораздо короче сухопутнаго, разстояніе же и вообще небольшое: моремъ только триста верстъ, а по желѣзной дорогѣ четыреста тринадцать. Пассажирскіе поѣзда въ Финляндіи не изъ скорыхъ: на переѣздъ съ остановками употребляютъ по пятнадцати часовъ; значитъ, нужно только, чтобы пароходъ, идущій безостановочно, шелъ со среднею скоростью по двадцати верстъ въ часъ, чтобы пройти между означенными городами свой путь тоже въ пятнадцать часовъ времени. Существованіе желѣзной дороги живительно подѣйствовало на пароходство, заставивъ его и сбавить цѣну за проѣздъ до половины прежней цѣны, и заботиться о скороходности пассажирскихъ пароходовъ. Теперь, благодаря этому соперничеству, лѣтомъ для переѣзда изъ С.-Петербурга въ Гельсингфорсъ представляются слѣдующія удобства: по желѣзной дорогѣ можно выѣхать или утромъ, или вечеромъ (зимою только утромъ), на пароходѣ же около середины дня. Часы прихода и отхода на пароходахъ для многихъ удобнѣе, нежели по желѣзной дорогѣ; но послѣдняя работаетъ круглый годъ, а потому и выходитъ естественно, что, при хорошемъ хозяйствѣ, предпринимателямъ и пароходство выгодно, и желѣзная дорога выгодна, и оба способа передвиженія могутъ существовать безъ убытка между Петербургомъ и Гельсингфорсомъ.

Пароходы большею частію заѣзжаютъ по пути въ города; этимъ увеличивается ихъ путь, но для путешествующихъ это можетъ имѣть и свои пріятныя стороны. Да и кто станетъ жаловаться на продолжительность переѣзда, который представляетъ удобства: для ужина, для спокойнаго сна вволю, затѣмъ прекрасный завтракъ и обѣдъ, и выходъ на берегъ? Качки, даже при сильномъ вѣтрѣ, на морскомъ переѣздѣ вдоль сѣвернаго берега почти не бываетъ; въ проливахъ между островами да полуостровами нѣтъ простора волнамъ, а потому и качка гораздо слабѣе нежели въ открытомъ морѣ.

Откуда бы ни подъѣзжать къ Гельсингфорсу моремъ—съ востока ли отъ Борго, съ юга ли отъ Ревеля, съ запада ли отъ Экнеса, или отъ Ханки, прежняго Гангута (Hanh-ö-udd), — не миновать неприступной крѣпости *Свеаборга.*

Послѣ того, какъ англо-французскій флотъ произвелъ трехдневный фейерверкъ передъ Свеаборгомъ, печатались въ разныхъ иллюстраціяхъ виды Свеаборга съ такими громадными скалами, которыя должны были всѣмъ друзьямъ Пальмерстона удовлетворительно показать, почему союзники удовольствовались одной безплодною бомбардировкой: до такой степени высокими и крутыми представлены были тамъ эти свеаборгскіе граниты! Хуже всего для союзниковъ было то,

что за этими гранитами было расположено русское войско, въ виду котораго союзникамъ неудобно было высаживаться на берегъ,—вотъ отчего свеаборгскіе граниты сдѣлались такими громадными въ газетныхъ иллюстраціяхъ! Въ дѣйствительности же они не поражаютъ зрителя своею громадностію; въ Финляндіи немало утесовъ величественнѣе свеаборгскихъ; но нѣтъ другихъ столько же важныхъ по тому значенію, какое придалъ имъ геній *Эренсверда*, знаменитаго шведскаго инженернаго генерала. Родомъ изъ Гельсингфорса, онъ покоится въ Свеаборгѣ, «среди своего созданія», какъ гласитъ надпись на его памятникѣ.

Лѣтомъ сообщеніе крѣпости съ городомъ удобно: на пароходикахъ, на парусныхъ и на гребныхъ лодкахъ, а зимою на саняхъ по льду. Разстояніе не велико: отъ одной четверти версты до двухъ верстъ между различными частями города и крѣпости. Если Свеаборгъ и

Крѣпость Свеаборгъ

считается частью города Гельсингфорса, то, конечно, потому, что онъ — крѣпость, и только крѣпость; кромѣ небольшаго числа торговцевъ, все населеніе крѣпости состоитъ преимущественно изъ военныхъ. Словомъ, если бы тутъ крѣпость упразднить, то изъ числа, можетъ быть, тысячъ пяти нынѣшнихъ жителей Свеаборга — много ли бы осталось въ немъ? Быть можетъ, что и никого! а явились бы новые насельники этихъ острововъ, подобно тому, какъ и на другихъ островахъ близъ Гельсингфорса. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія.

Когда на пароходѣ, идущемъ изъ Петербурга, показываются куполы церквей Свеаборга и Гельсингфорса, тогда пароходъ находится въ виду острововъ — сначала *Вѝлинге*, потомъ *Сандгàмна*, т. е. «Песчаной Пристани». Первый изъ нихъ замѣчателенъ и красотою своихъ видовъ, и здоровымъ воздухомъ. На второмъ было первоначально предположено основать городъ. Король Густавъ I Ваза, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, призпавъ, что тутъ надо быть городу важному для торговли съ Русскими, Нѣмцами, Голландцами, и др. пригла-

шалъ желающихъ селиться тамъ и даровалъ будущему городу особыя льготы. Теперь намъ ясно, что Густавъ I былъ правъ; но его тогдашніе подданные не очень были способны проникаться этими убѣжденіями: заселеніе, хоть и началось, пошло очень туго, медленно, да и не на томъ мѣстѣ, какое было избрано правительствомъ, а гораздо сѣвернѣе, въ самой глубинѣ восточнаго залива, при устьѣ рѣки Ванды, которая начинается у предѣловъ Тавастгусской губерніи, проходитъ недалеко отъ станціи Хювинкя, гдѣ къ главной линіи желѣзной дороги примыкаетъ дорога на Ханки (иначе на Гангудъ). Извилистая Ванда, пробѣжавъ поперекъ Нюландской губерніи, оканчивается водопадомъ, шумящимъ во всю ширину рѣки, у самаго ея впаденія въ море близъ моста на почтовой дорогѣ. По обѣ стороны десятка два домиковъ называются «старымъ городомъ» — Gammelstaden (Гаммельстадъ,) т. е. старымъ Гельсингфорсомъ; водопадъ Ванды далъ одну изъ составныхъ частей для имени города: слово «форсъ» значитъ водопадъ, а первые два слога принесены первыми насельтелями, прибывшими изъ той части Швеціи, которая называется Ге́льсинге.

Русская часовня на кладбищѣ въ Гельсингфорсѣ.

Водопадъ на рѣкѣ Вандѣ, давшій въ свое время названіе городу Гельсингфорсу, теперь снабжаетъ его водою. Посѣтителямъ Гельсингфорса стоитъ побывать тамъ, на шестой верстѣ отъ города, чтобъ осмотрѣть это замѣчательное сооруженіе. Красивый водопадъ на рѣкѣ Вандѣ находится саженъ на пять ниже моста почтовой дороги. Пониже водопада, на правомъ берегу рѣки, въ началѣ нынѣшняго столѣтія построена мельница, которая и до сихъ поръ еще существуетъ и работаетъ своими старыми колесами. Между нею и водопадомъ помѣщенъ *водоподъемъ*. Небольшая часть водопадныхъ струй проведена въ двѣ тюрбины, изъ которыхъ каждая представляетъ собою пятьдесятъ двѣ номинальныя силы, т. е. отъ полутораста до трехъ сотъ дѣйствительныхъ силъ или динамическихъ лошадей. Тюрбины работаютъ вперемежку: одинъ день одна, другой день другая и только половинною силою: онѣ дѣлаютъ лишь по шести, а не по одиннадцати оборотовъ въ минуту. И такой половинной работы требуется не на все время сутокъ: въ первый годъ существованія тюрбинъ, довольно было четырехъ или пяти часовъ въ сутки, а въ нынѣшнемъ году уже тюрбина работаетъ отъ десяти до двѣнадцати часовъ каждый день: въ прошломъ году для Гельсингфорса требовалось воды до пяти тысячъ кубич. футовъ, или до 125 тоннъ; теперь же требуется и посылается каждый день уже по тридцати тысячъ кубическихъ футовъ, или по 750 тоннъ, а если бы заставить обѣ тюрбины работать вмѣстѣ полнымъ ходомъ и все время, то можно бы посылать въ Гельсингфорсъ по шести тысячъ кубическихъ метровъ, или почти до полумилліона ведеръ воды въ сутки.

Вода въ рѣкѣ Вандѣ желта и прежде отправки своей въ городъ она очищается. Для такой очистки ея устроено на лѣвомъ берегу рѣки Ванды три бассейна, составляющіе вмѣстѣ одинъ кругъ. Вода очищается всегда въ одномъ какомъ-нибудь изъ этихъ бассейновъ, а другіе два ждутъ своей очереди. Для очистки вода просачивается черезъ песокъ, который мало-помалу покрывается осадками отъ воды до того, что перестаетъ черезъ себя пропускать воду; тогда вода пускается черезъ другой чистый бассейнъ, а этотъ самъ долженъ очиститься. Съ

Гельсингфорсъ.

этою цѣлью весь песокъ изъ него вынимается и промывается струями воды, уносящими всю грязь, а къ песку прибавляется новопривезенный. Та грязь, которая выдѣляется изъ воды, богата растительными и животными остатками, но до сихъ поръ еще не употребляется на удобреніе полей, а спускается въ море.

Очищенная вода льется въ тѣ нагнетательные насосы, приводимые въ движеніе турбиной, которые гонятъ эту чистую воду по трубѣ водопровода въ башню на самой высокой горѣ, недалеко отъ города; тамъ уровень воды выше купола Николаевской церкви, т. е. выше самой возвышенной части городскихъ зданій. Оттуда подземныя трубы проводятъ воду въ городъ, гдѣ она распредѣляется и по колодцамъ, и по домамъ, до самыхъ высшихъ этажей. Воды достаточно и для людей, и для животныхъ, и для стирки бѣлья, и для поливки улицъ, а также для травы и деревьевъ. Очевидно, что лѣтомъ расходуется воды гораздо болѣе, нежели зимою; да, кромѣ того, лѣтомъ и растенія, и животныя растутъ несравненно болѣе, нежели зимою, а потому и неудивительно, что водоочистительный бассейнъ можетъ зимою служить до трехъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ иногда уже и черезъ двѣ недѣли приходится замѣнять его другимъ.

Николаевская церковь шведскаго прихода въ Гельсингфорсѣ.

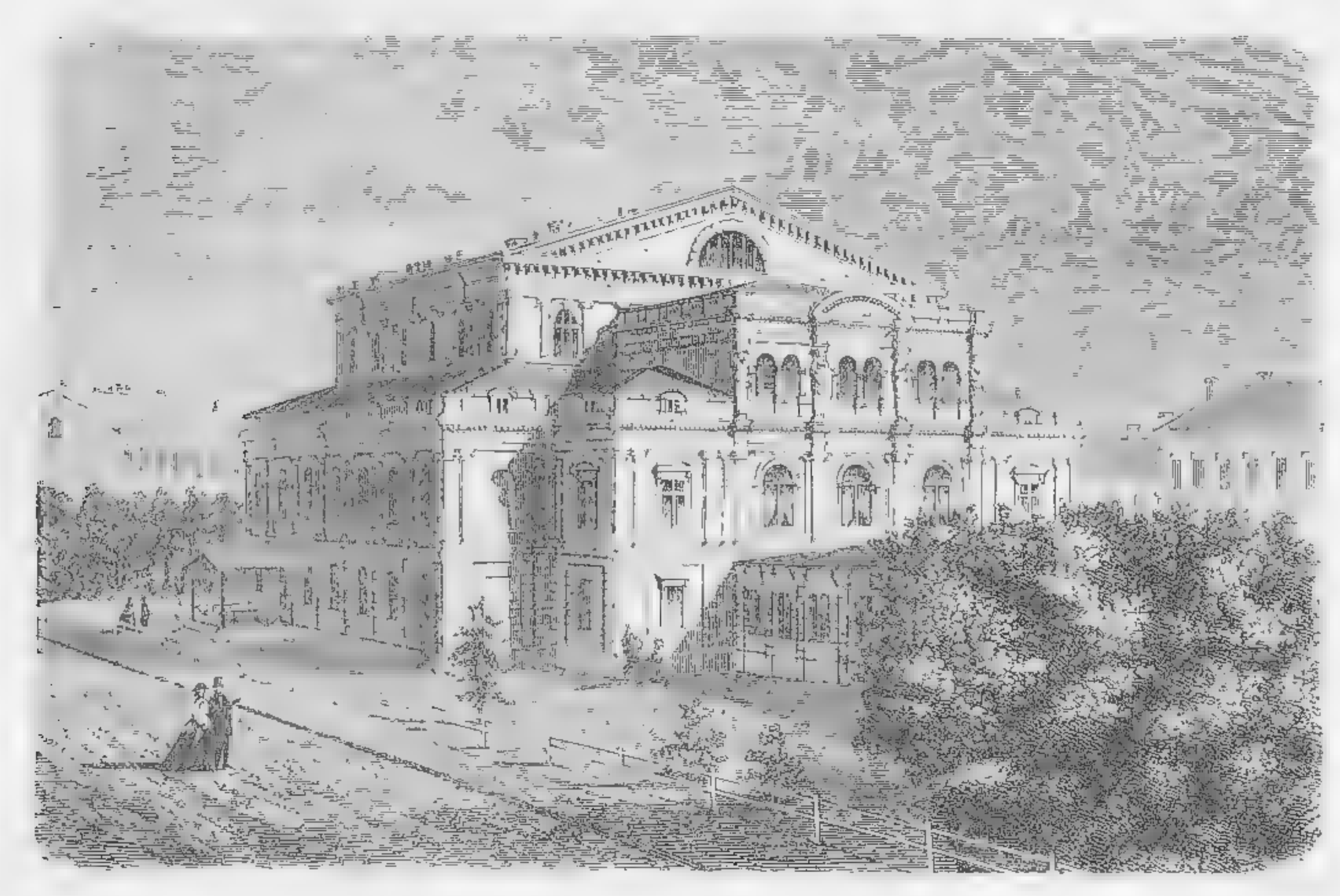
Счастливъ Гельсингфорсъ, что у него такая могучая сила для снабженія города чистою водою въ изобиліи! Прежде Гельсингфорсъ пользовался водою изъ своихъ колодцевъ; но надо было качаньемъ помпами добывать ее оттуда, потомъ развозить и разносить, а теперь такъ легко и удобно добывается весь запасъ воды, необходимой для нынѣшняго Гельсингфорса.

Море въ глубинѣ залива у стараго города теперь неглубоко: вслѣдствіе подъема почвы, оно должно было, со времени основанія города, т. е. съ 1550 года, обмелѣть, по крайней мѣрѣ, на сажень; обмелѣніе и было въ 1639 году однимъ изъ главныхъ поводовъ перенесенія города на то мѣсто, гдѣ онъ и теперь стоитъ, отдѣляясь отъ острововъ Свеаборга проливами такой глубины и ширины, что тутъ, вѣроятно, еще не скоро построится мостъ для соединенія города съ крѣпостью. Назначеніе Гельсингфорса главнымъ городомъ края состоялось въ 1819 году: тогда перенесенъ сюда изъ Або Императорскій Финляндскій Сенатъ. Тогда всѣхъ жителей въ Гельсингфорсѣ было тысячъ пять съ небольшимъ; а теперь, черезъ 60 лѣтъ, уже около сорока тысячъ. По числу жителей, Гельсингфорсъ теперь первый городъ въ Финляндіи. Но возвратимся на пароходъ, идущій изъ С.-Петербурга въ Гельсингфорсъ.

У острова Виллинге онъ избираетъ одинъ изъ двухъ путей: или направо, между островами Сандгамномъ и Дегеръ-э (Degerö), или сначала продолжаетъ идти, направляясь прямо на маякъ, стоящій на островкѣ «Сѣраго Зайца» (по-шведски гро-гара, на русскихъ картахъ Грахара), и, не дойдя до него, круто поворачиваетъ направо, по восточной сторонѣ острововъ Свеаборга, къ главной пристани Гельсингфорса, называемой *Южною*, гдѣ устроены удобные причалы для пароходовъ и для парусныхъ судовъ. Не пассажирскіе, а грузовые корабли и пароходы иногда отправляются прямо въ *Сѣверную* гавань; тамъ, на такъ называемомъ *Южномъ мысу* (Sörnäs), устроена прекрасная пристань, гдѣ много судовъ могутъ разомъ разгружаться и принимать грузы съ желѣзной дороги.

Сѣверную гавань отдѣляетъ отъ Южной островъ, называемый *Скатудденомъ*, на которомъ находятся: на восточномъ концѣ—казармы Финскаго экипажа, а на западномъ, пониже — монетный дворъ, гдѣ чеканятъ золотую, серебряную и мѣдную монету для Финляндіи: такъ называемыя марки и пенни, отъ двадцати марокъ золотомъ до одного пенни мѣдью (а каждая марка сто пенни). Улица да гранитные утесы отдѣляютъ монетный дворъ отъ новой русской церкви, освященной въ 1870 году, которая величаво стоитъ на твердой скалѣ; она очень красива и снаружи, и внутри.

Небольшой мостъ черезъ узкій, по судоходный проливъ соединяетъ Скатудденъ съ материкомъ, т. е. съ самымъ городомъ, на краю котораго находится Императорскій Дворецъ; между Дворцомъ и моремъ расположенъ главный гельсингфорсскій рынокъ.

Шведскій театръ въ Гельсингфорсѣ.

Пока нашъ пароходъ плавно подходитъ и причаливаетъ къ своему мѣсту, мы можемъ любоваться на виды города. На правой сторонѣ тутъ, за монетнымъ дворомъ и надъ нимъ, возвышается новая русская церковь; а отъ старой видна только одна острая верхушка, налѣво отъ лютеранской Николаевской церкви, которая со своими пятью куполами, напоминающими Исакіевскую церковь С.-Петербурга, возвышается надъ двумя кварталами домовъ, изъ которыхъ видны, разумѣется, только передніе дома. Отъ этихъ кварталовъ, изъ которыхъ каждый на всѣ четыре стороны обстроенъ каменными домами, Николаевская церковь отдѣляется еще и площадью — «Сенатскою». И все же церковь видна почти вся до основанія, потому что стоитъ почти на вершинѣ гранитнаго холма, который отсюда опускается на всѣ четыре стороны.

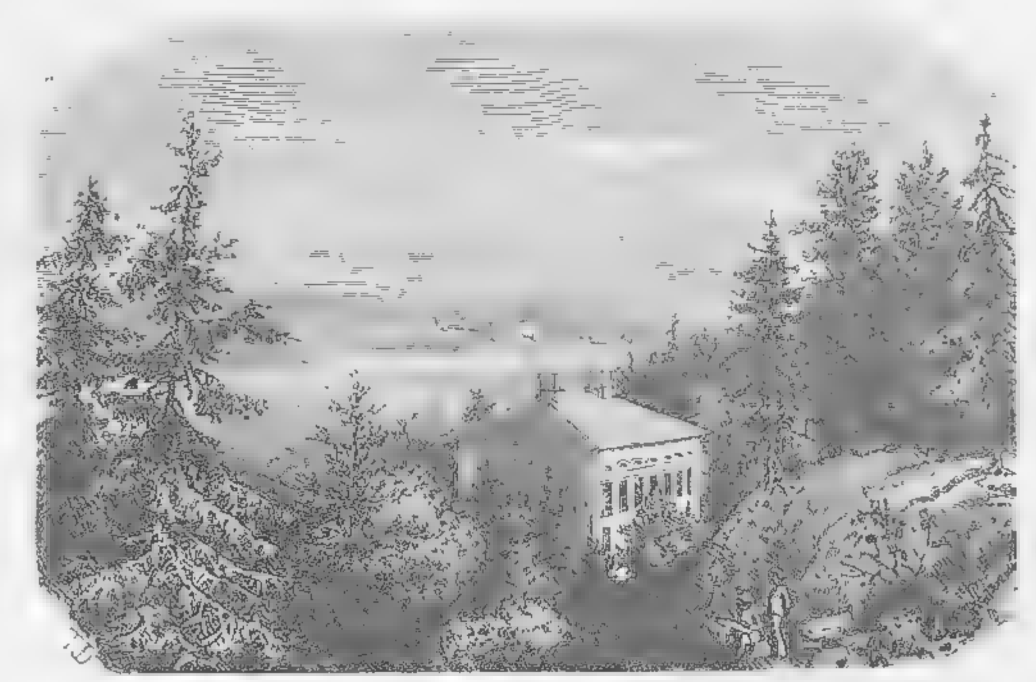
Площадь, сѣверную часть которой занимаетъ великолѣпная гранитная лѣстница Николаевской церкви, называется Сенатскою, потому что Сенатъ былъ первымъ большимъ правительственнымъ зданіемъ въ Гельсингфорсѣ; онъ былъ построенъ еще при Александрѣ I и занимаетъ всю восточную сторону Сенатской площади. Уже въ царствованіе Николая I построена Нико-

лаевская церковь; противъ нея, на южной сторонѣ площади, два квартала домовъ, съ лавками и магазинами въ нихъ, а между ними и зданіе Гельсингфорской городской ратуши. Всю западную часть Сенатской площади занимаетъ зданіе Императорскаго Александровскаго Университета, выше котораго стоятъ у той же улицы Союза (Unions gatan) два прекрасныя университетскія зданія: библіотека и, позади ея, химическая лабораторія. Библіотека, также какъ и самый университетъ, построена при Николаѣ I, а лабораторія уже при Александрѣ II. Пожаръ, которымъ въ 1827 году былъ истребленъ почти весь городъ Або, а въ томъ числѣ и всѣ университетскія зданія, побудилъ перенести университетъ изъ Або въ Гельсингфорсъ, причемъ университету на новомъ мѣстѣ дано и новое названіе «Александровскаго», въ честь Императора Александра I, изливавшаго на университетъ свои высокія милости.

Церковь финскаго лютеранскаго прихода

Университетъ — это духовное сердце Финляндіи; мы къ нему еще возвратимся, а теперь, на удобныхъ извощичьихъ дрожкахъ, за умѣренную плату, по таксѣ, проѣдемъ вдоль всей улицы Союза. Продолжая путь на сѣверъ, взъѣдемъ на гребень возвышенности, между Библіотекою и Николаевскою церковью, далѣе, между русскою старою церковью къ востоку и русскимъ госпиталемъ къ западу, минуемъ университетскую клинику и ботаническій садъ, наконецъ, черезъ «Длинный мостъ», перекинутый надъ двумя проливами, омывающими «Мостовой Островъ», доѣдемъ до восточной городской заставы, отъ которой поворачиваетъ на сѣверо-востокъ шоссе, составляющее начало почтовой дороги въ С.-Петербургъ. Оно доходитъ до водопада на рѣкѣ Вандѣ. На нѣсколько верстъ вдоль этого шоссе простираются фабрики и заводы; между ними самый обширный — механическій заводъ Осберга и Баде. Кромѣ заводовъ, цѣлый рядъ прекрасныхъ зданій, содержащихъ каждое по нѣскольку квартиръ для заводскихъ рабочихъ. Шоссе шире и крѣпче обыкновенныхъ финляндскихъ почтовыхъ дорогъ. Прочность обыкновенной земляной дороги не выдерживаетъ усиленной ѣзды у такого города, какъ Гельсингфорсъ, а потому и построено англійское шоссе на нѣсколько верстъ отъ обѣихъ заставъ, называемыхъ одна Петербургскою, другая Абовскою, по имени тѣхъ городовъ, куда ведутъ эти дороги. Часть средствъ для постройки этихъ шоссе доставилъ заемъ города, для уплаты котораго собираются деньги со всѣхъ проѣзжающихъ черезъ заставу.

Х[illegible]съ.

Отъ этой Петербургской заставы поворотимъ назадъ и еще разъ проѣдемъ по улицѣ Союза, теперь отъ ея сѣвернаго до южнаго конца. Кто-то замѣтилъ, что вся эта улица представляетъ собою какъ бы исторію человѣческой жизни, такъ: на Мостовомъ островѣ находится баня, а у Длиннаго моста — купальни, это намекъ на то, что дѣтей часто моютъ и купаютъ. Далѣе, ботаническій садъ и больницы — намекъ на то, что дѣтство игриво, но подвержено болѣзнямъ. Затѣмъ наступаетъ пора ученья — библіотека, церкви, университетъ. Далѣе, возмужалый человѣкъ трудится, чтобъ пріобрѣсти средства для обезпеченія своей жизни; на это намекаютъ тутъ ряды магазиновъ по обѣ стороны улицы и примыкающая къ ней рыночная площадь, у главной Южной гавани. Еще далѣе дорога идетъ опять въ гору, между рядами обыкновенныхъ жилыхъ домовъ и, наконецъ, между гранитными крутыми склонами высокой скалы, улица Союза

Императорскій Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ.

оканчивается у воротъ Астрономической обсерваторіи, съ которой можно видѣть церковь Олая въ Ревелѣ и, главное, — наблюдать небесныя свѣтила; такъ и жизнь человѣка, послѣ спокойной домовитой старости, оканчивается церковью и вѣчностью.

Первымъ директоромъ Гельсингфорской обсерваторіи былъ профессоръ *Аргеландеръ;* онъ первый изъ астрономовъ, еще въ Або, опредѣлилъ истинный путь солнца, т. е. и то направленіе, въ которомъ движется наше солнце со всѣми своими планетами и кометами, и скорость этого движенія. Теперь уже опредѣлены такія же направленія и скорости движеній многихъ другихъ звѣздъ, прежде называвшихся неподвижными; но еще нельзя даже предсказать, скоро ли будетъ возможно опредѣлить орбиту нашего солнца, или ту фигуру, какую составляетъ его путь? и много ли времени ему нужно, чтобъ совершить этотъ путь?

Городъ Гельсингфорсъ теперь уже простирается и къ югу отъ обсерваторіи; тутъ находится седьмая часть города (а ихъ всѣхъ восемь); но, чтобы проѣхать отъ воротъ обсерваторіи куда бы то ни было на югъ, необходимо сначала поворотить назадъ на сѣверъ и доѣхать до третьей части города, гдѣ тотчасъ же замѣтимъ новую небольшую церковь нѣмецкаго лютеранскаго прихода. Мимо нея спустимся къ набережной и проѣдемъ по ней вдоль морскаго берега къ «парку минеральныхъ водъ» (Bruns-parken). По пути замѣтимъ гранитный утесъ, съ явными на немъ слѣдами недавней работы порохомъ; эта скала слишкомъ близко стояла у моря, была слишкомъ крута и мѣшала проѣзду, а потому, чтобы проложить тутъ дорогу

по «Магазинной набережной», пришлось, дѣйствуя молотами, сверлить скалу, закладывать въ буровыя скважины порохъ и отваливать гранитныя глыбы. Въ Гельсингфорсѣ нѣсколько улицъ проложено такимъ образомъ; но слѣды работъ особенно видны здѣсь, хоть и тутъ уже зеленый мохъ покрылъ многія мѣста, свидѣтельствующія о трудахъ человѣка. Послѣ дождя по мху и по открытымъ гранитамъ высокаго утеса струится вода, осенью же она замерзаетъ и на обрывѣ утеса образуетъ подобіе замерзшаго водопада.

Далѣе «Магазинной набережной» находится на берегу моря корабельная верфь, на которой строились не только торговые, но и большіе военные корабли и пароходы. Съ площадки, гдѣ

Або

стоитъ римско-католическая церковь, прямая широкая аллея ведетъ къ ваннамъ, на берегу моря, у пристаней, къ которымъ пароходы причаливаютъ по нѣскольку разъ каждый часъ. Въ паркѣ, окружающемъ проѣздную аллею, находится заведеніе минеральныхъ водъ, гдѣ утромъ, при звукахъ музыки, много дамъ и кавалеровъ пьютъ минеральныя воды и, главное, гуляютъ по парку. Лѣтомъ тутъ находится ресторація, въ которой обѣдаютъ, при звукахъ музыки; а по вечерамъ бываютъ въ залѣ минеральныхъ водъ нерѣдко танцы, иногда концерты. Впрочемъ для концертовъ въ Гельсингфорсѣ есть нѣсколько удобныхъ мѣстъ, которыя поочередно избираются исполнителями.

За паркомъ, до морскаго берега, уже построено не мало домовъ, обитаемыхъ не только лѣтомъ, но и зимою; между ними обращаютъ на себя вниманіе: недалеко отъ верфи, одинъ изъ старѣйшихъ, называемый по-фински благозвучнымъ словомъ Кàлліо-линна, т. е. «горный теремъ», а недалеко отъ ваннъ — домъ княгини Юсуповой. Вообще эта часть города не походитъ на другія, на что указываютъ отчасти и самыя названія: дома и дворы называются *виллами*, т. е. итальянскимъ словомъ villa. Самая часть города называется Brunsparken, т. е. «садъ минеральныхъ водъ». Улицы тутъ не мощеныя камнемъ, а шоссирован-

ныя, и притомъ только одна изъ нихъ пряма и широка и называется аллеей, другія же болѣе или менѣе извилисты, такъ какъ имъ приходится изгибаться между скалами. Здѣсь бываетъ и такъ: подходите къ дому съ одной стороны — онъ въ одинъ этажъ; съ другой — онъ въ два этажа, а съ третьей уже въ три; садитесь на лодку, отъѣзжаете немного отъ берега и видите, что крыша этого трехъ-этажнаго дома все еще ниже, нежели подвальный этажъ другаго, который, повидимому, стоитъ рядомъ; и дѣйствительно, эти два дома почти сосѣди, но прямо изъ одного въ другой можно бы устроить развѣ переходъ по ступенямъ, а для переѣзда никакъ не обойтись безъ извилинъ! Такъ вотъ почему между этими виллами и ихъ садами съ цвѣтниками проходятъ не прямыя улицы, какъ между домовъ, а извилистые пути! Менѣе, чѣмъ за полтораста лѣтъ до нашего времени находился тутъ за́мокъ, или дворецъ коро-

Общій видъ Выборга.

левы Ульрики. Отъ этого замка не осталось никакихъ слѣдовъ; тѣмъ не менѣе вся эта часть города еще называется «За́мкомъ Ульрики» — Ulrikasborg.

Линія отъ заставы у Длиннаго моста, мимо обсерваторіи и по аллеѣ парка минеральныхъ водъ до морскихъ ваннъ раздѣляетъ Гельсингфорсъ на двѣ части, изъ которыхъ восточная втрое менѣе западной.

Мимо Императорскаго дворца и мимо домовъ на Торговой площади, между которыми находится и принадлежащій городу домъ съ обширною гостиницею, называемый Сосьетэтсъ-гусъ (Societétshus), направимся далѣе все прямо съ востока на западъ, черезъ такъ называемую *эспланаду*, городской садъ, по которому вдоль проходитъ широкая аллея непроѣздная, а поперекъ — одна аллея и двѣ улицы. Въ началѣ эспланады, передъ окнами дома Финляндскаго генералъ-губернатора находится бесѣдка ресторана. На концѣ эспланады возвышается красивое зданіе театра, назначаемаго для той части жителей, которые говорятъ по-шведски; есть, кромѣ того, особенные театры — финскій и русскій.

Шведскій театръ въ Гельсингфорсѣ стоитъ на эспланадѣ, у площади, называемой *Шильнадъ*, т. е. «Разлука»; тутъ находится главный перегибъ въ направленіи улицы: къ востоку отъ Шильнада улицы направляются по меридіанамъ да по географическимъ параллелямъ; а къ западу отъ Шильнада — подъ замѣтнымъ угломъ, и къ тѣмъ, и къ другимъ. Причина этого перегиба заключается въ направленіи сухопутной дороги, которая приходитъ сюда собственно съ запада, но, подчиняясь формѣ Гельсингфорскаго полуострова, почти съ сѣвера, или градусовъ на тридцать къ западу отъ сѣвера.

Выборгъ

Середина широкой (Генриковой) улицы, отъ Шпльнада и театра до западной заставы, за которою начинается шоссе дороги, ведущей въ Або, занята аллеями городскаго сада, хоть и менѣе широкаго, нежели эспланада, но составляющаго ея сѣверозападное продолженіе. На сѣверномъ концѣ этой улицы находятся: къ востоку вокзалъ желѣзной дороги, къ западу—русскія казармы и финскій театръ, иначе называемый аркадскимъ, или просто «*Аркадья*». Немного дальше находится бóльшій изъ двухъ въ Финляндіи сахарныхъ заводовъ, принадлежащій Киселеву; другой сахарный заводъ находится въ городѣ Або. Для фабрикаціи сахару они привозятъ матеріалъ изъ-за моря; это тростниковый сахаръ, которому трудно соперничать съ свекловичнымъ; а климатъ въ Финляндіи неблагопріятенъ для разведенія сахарной свекловицы. Вдоль шоссе отъ Абовской заставы находятся загородные дома и сады, доходящіе до морскаго западнаго залива. На этомъ же берегу — оба кладбища, лютеранское и русское, на которыхъ замѣтите нѣсколько красивыхъ памятниковъ подъ тѣнью деревьевъ. На такъ называемомъ русскомъ кладбищѣ похоронено не мало и лютеранъ.

Монрепо.

Отъ той площади, на которой находится шведскій театръ, на югозападъ направляются къ морю двѣ параллельныя улицы — *Андреевская* и *Бульварная;* послѣдняя названа такъ потому, что во всю ея длину, по обѣимъ сторонамъ, возлѣ тротуаровъ посажены и разрослись деревья. Между этими обѣими улицами второй квадратъ занятъ садикомъ, на мѣстѣ старинняго кладбища, и тутъ — деревянная церковь финскаго лютеранскаго прихода.

У конца Бульварной улицы, на песчаномъ берегу морскаго залива, называемаго «Песчанымъ» — Sandvik, находится площадь, восточную сторону которой занимаетъ зданіе «Политехникума», т. е. финляндскаго технологическаго института, а къ востоку отъ него, у пересѣченія Бульварной улицы Альбертовою—новый русскій театръ. Такимъ образомъ тройственность гельсингфорсскаго населенія проявляется какъ въ рѣчи говорящихъ, такъ и въ общественныхъ зданіяхъ и въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, печатаемыхъ на трехъ языкахъ—русскомъ, шведскомъ и финскомъ. Для русскихъ посѣтителей Гельсингфорса кстати замѣтимъ, чтобъ ихъ не смущало слово *гáтанъ*, написанное и русскими буквами по четыре раза на каждомъ перекресткѣ; это шведское слово значитъ «улица» и только, — ни больше, ни меньше.

Напротивъ Политехникума находятся дома и, одинъ изъ первыхъ въ Гельсингфорсѣ, прекрасный садъ Синебрюхова, того самаго главнаго пивовара въ Финляндіи, которому принадлежитъ имѣніе «Утнэсъ» и «Хагалундъ» въ западномъ Гельсингфорсскомъ заливѣ, гдѣ, кромѣ того, замѣчательны имѣнія: Мункснэсъ (т. е. Муковъ мысъ) и Мейлянсъ, всѣ на полуостровахъ, вдающихся въ заливъ, не бѣдный впрочемъ и островами. Паровыя, парусныя и гребныя суда представляютъ желающимъ разнообразныя удобства для ознакомленія съ живописными окрестностями Гельсингфорса. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Гельсингфорса находится не мало красивыхъ мѣстъ, съ удовольствіемъ посѣщаемыхъ лѣтомъ для прогулки, какъ постоянными жителями города, такъ и лѣтними его гостями: къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ и Хуплаксъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Извощичьи дрожки представляютъ удобства для такихъ

посѣщеній; «мѣстъ, которыя стоитъ посмотрѣть, находится въ окрестностяхъ Гельсингфорса, немало; назовемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ: баронское имѣніе на островѣ Дегерэ». Желѣзная дорога, приближаясь къ своему стапятидесяти-саженному (150 саж.) переходу черезъ заливъ, проходитъ по опушкѣ городскаго сада, названнаго Кайсаньèми, т. е. «Катинъ мысъ», въ честь той Кайсы, т. е. Кати, или Катерины, которая была первою хозяйкою гостинницы на мысу, въ городскомъ саду. Со временъ Кайсы и до сихъ поръ прислуга въ этой гостинницѣ состоитъ изъ женщинъ. Тутъ, въ виду желѣзной дороги, и мы оставимъ лѣтній Гельсингфорсъ, перейдемъ къ зимнему, болѣе внутреннему Гельсингфорсу, къ той дѣятельности его, которая отражается на всю Финляндію изъ Гельсингфорса, какъ изъ ея средоточія.

Статуя Рейнечеянена.

Съ наступленіемъ осени каждый годъ съѣзжаются въ Гельсингфорсъ его зимніе обитатели изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ своей земли. Между ними очень видное мѣсто занимаютъ студенты университета. Лѣтомъ ихъ почти совсѣмъ не видно, а зимою бываетъ около семи сотъ человѣкъ.

Студентовъ въ финляндскомъ университетѣ значится по спискамъ болѣе тысячи, но въ томъ числѣ собственно студентовъ не болѣе восьми сотъ, остальные же — кандидаты, магистры, лиценціаты. Многіе и изъ этихъ послѣднихъ находятся въ Гельсингфорсѣ и усердно продолжаютъ свои студіи при университетѣ, а многіе находятся уже тамъ, гдѣ готовятся къ практической дѣятельности, или же дома отдыхаютъ послѣ усиленныхъ занятій, въ ожиданіи *промоціи* (промоціей называется возведеніе кандидатовъ на степень магистра и лиценціатовъ на степень доктора). Эти промоціи бываютъ не каждый годъ, а съ промежутками года по три и составляютъ такое торжество, въ которомъ вся страна принимаетъ живое участіе. Съѣзжаются не только всѣ *промовируемые*, т. е. получающіе ученую степень послѣ выдержанныхъ ими экзаменовъ, но также многіе изъ ихъ родныхъ и друзей обоего пола. Промо-

ція, т. е. возведеніе въ степень, обставлена издавна особенною торжественностію. Послѣ богослуженія въ церкви, ректоръ университета въ бархатной малиновой мантіи и за нимъ всѣ профессора и студенты, въ процессіи, сопровождаемые множествомъ присутствующихъ, входятъ въ трехъ-этажную залу торжествъ, гдѣ на хорахъ помѣщается нѣсколько сотъ пѣвицъ, пѣвцовъ и музыкантовъ. Послѣ рѣчей, приличныхъ торжеству, начинается самая промоція. Промоторъ, которымъ бываетъ одинъ изъ профессоровъ, на каѳедрѣ, обставленной лаврами и другими растеніями, надѣваетъ по лавровому вѣнку на голову и по золотому кольцу на палецъ каждому новоувѣнчанному магистру. Замѣчателенъ порядокъ надѣванія этихъ вѣнковъ: первый по экзаменнымъ отмѣткамъ первымъ и получаетъ вѣнокъ, а второй послѣ него увѣнчивается послѣдній и называется послѣднимъ. Такимъ обра-

Таммерфорсъ

зомъ разница между первымъ и послѣднимъ собственно невелика, а слабѣйшій скрытъ въ серединѣ, и трудно замѣтить, кто дѣйствительно на экзаменахъ оказался слабѣйшимъ.

Всѣ вѣнки для магистровъ сплетаются дѣвицами; главная выбирается новыми магистрами заблаговременно, а помощницъ себѣ она приглашаетъ сама. Естественно, что въ главныя избирается и самая красивая, и наиболѣе достойная любви и уваженія.

Промовируемые доктора получаютъ каждый особенную докторскую шляпу. День заключается магистерскимъ баломъ, который всегда бываетъ очень оживленнымъ и блистательнымъ. Въ торжествахъ промоціи принимаетъ сердечное участіе вся Финляндія.

Такое отношеніе общества къ университету весьма естественно: стóитъ только подумать, что теперь вотъ уже двѣсти сорокъ лѣтъ, какъ этотъ университетъ служитъ разсадникомъ почтенныхъ и полезныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ жизни народной и государственной, и что большая часть изъ настоящихъ дѣятелей сами въ свое время также получали магистерскій вѣнокъ, или докторскую шляпу въ томъ же университетѣ, а у другихъ также получали, или

готовятся получить тѣ же ученыя отличія ихъ мужья, братья, отцы, сыновья и т. д., и ясно будетъ, почему «промоція» такой популярный праздникъ!

Всѣ магистры называются магистрами философіи и промовируются только по двумъ факультетамъ—историко-филологическому да физико-математическому. Доктора бываютъ по всѣмъ пяти факультетамъ; но чтобы сдѣлаться докторомъ медицины, нужно быть сначала магистромъ, или кандидатомъ физико-математическаго факультета по отдѣлу естественныхъ наукъ; а чтобы сдѣлаться докторомъ богословія или юриспруденціи, нужно быть сначала магистромъ, или кандидатомъ философіи по факультету историко-филологическихъ наукъ. Студенты этихъ трехъ факультетовъ, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваютъ курсъ наукъ каждый по своей только спеціальности, но тогда они хоть и получаютъ права на соотвѣтственную должность по

Куопіо.

выдержаніи установленнаго экзамена, но не получаютъ никакой ученой степени, а называются просто лекарями, священниками, пасторами и разными званіями, смотря по должности, какую кто получитъ на государственной службѣ; большая часть студентовъ юридическаго факультета оканчиваетъ курсъ юридическихъ наукъ, не пріобрѣтая ученой степени, а только право на занятіе такихъ гражданскихъ должностей, для которыхъ требуется ученая подготовка.

Въ число занятій юридическихъ студентовъ входитъ одно, обязующее нѣкоторыхъ между ними по нѣскольку мѣсяцевъ, однажды во все время прохожденія полнаго курса, отсутствовать изъ университета, для практическаго участія въ судейской дѣятельности. При обширности и малой населенности края установился слѣдующій порядокъ въ производствѣ суда. Вся страна раздѣлена на судебные округи, а каждый округъ на участки. Въ теченіе года судья объѣзжаетъ свой округъ, останавливаясь въ опредѣленные дни то въ одномъ, то въ другомъ участкѣ для производства въ немъ суда. Самъ судья — лицо несмѣняемое, а помощниковъ себѣ по канцеляріи и проч. онъ приглашаетъ самъ; вотъ такими-то помощниками и бываютъ часто, между

прочимъ, студенты юридическаго факультета, обязанные прежде допущенія ихъ къ окончательному университетскому экзамену представить свидѣтельство отъ того судьи или учрежденія, при которомъ каждый изъ нихъ практически знакомился съ дѣлопроизводствомъ.

Укажемъ еще нѣсколько другихъ поводовъ для временнаго отсутствованія студента въ университетѣ. Между студентами въ Гельсингфорсѣ, какъ и вездѣ, больше бѣдныхъ, нежели богатыхъ. Для пособія бѣднымъ существуютъ стипендіи частію отъ правительства, частію на проценты съ суммъ, дарованныхъ для той же цѣли разными лицами и въ разныя времена. Стипендіаты могутъ пользоваться стипендіею, подъ непремѣннымъ условіемъ—въ учебное время быть при университетѣ и доставлять доказательства своихъ научныхъ занятій. Самому первому назначенію стипендіи предшествуютъ установленные экзамены. Очевидно, что не всѣ бѣдные студенты пользуются стипендіями, многіе изъ нихъ пріискиваютъ себѣ такія временныя занятія, которыя дали бы имъ возможность потомъ жить въ Гельсингфорсѣ и слушать лекціи въ ожиданіи стипендіи, получаемой по конкурренціи съ соискателями

Ваза.

Студенты богословскаго факультета могутъ себѣ находить заработокъ у кого нибудь изъ пасторовъ, что оказывается полезнымъ и для ихъ практической подготовки къ разнообразной пасторской дѣятельности. Студенты всѣхъ факультетовъ могутъ быть домашними учителями и воспитателями. Самъ, впослѣдствіи знаменитый, Рунебергъ былъ въ студенчествѣ бѣденъ и пользовался этимъ способомъ добыванія средства для жизни въ университетскомъ городѣ. Иногда студенты занимаются какими нибудь учеными изысканіями, такъ напр. Вареліусъ совершилъ поѣздку, на средства С.-Петербургской Академіи Наукъ, для этнографическихъ изслѣдованій Финляндіи. Нѣкоторые получаютъ стипендіи, обязывающія ихъ временно отсутствовать, напр. отправляющіеся въ Россію для болѣе совершеннаго изученія русскаго языка. Кромѣ того иной можетъ для своего здоровья нуждаться во временномъ отдыхѣ, или по семейнымъ обстоятельствамъ ему приходится побыть дома. Въ виду такихъ разнообразныхъ поводовъ къ отсутствованію, неудивительно, что всегда около четверти студентовъ не бываетъ на лицо.

Кстати, въ Александровскомъ университетѣ нѣтъ никакихъ сроковъ для студенчества, т. е. не сказано, ни менѣе, ни болѣе сколькихъ лѣтъ не позволяется быть студентомъ. Требуется только, чтобы студентъ велъ себя прилично своему званію; а долго ли кто будетъ называться студентомъ, — это все равно!

Въ связи съ этою свободою каждому заниматься по мѣрѣ его силъ и средствъ, находится установленный порядокъ для производства экзаменовъ, порядокъ, существенно отличный отъ обыкновеннаго у насъ въ Россіи. Наши студенты идутъ на экзаменъ, какъ на приступъ противъ врага: всѣ вдругъ, въ одинъ день, хоть бы ихъ было и болѣе сотни, всѣ! При этомъ естественно, что для многихъ экзаменъ выходитъ чѣмъ-то въ родѣ лотереи. Въ Гельсингфорсскомъ университетѣ къ публичному экзамену допускается вдругъ не болѣе шести человѣкъ, а можетъ быть экзаменуемъ и одинъ. Кромѣ того, хоть бываютъ времена, когда чаще всего производятся экзамены, но могутъ они производиться во всякое время, кромѣ вакацій: дѣло бываетъ такъ: студенты, чувствующіе себя достаточно подготовленными, приходятъ къ профессору на домъ и просятъ его назначить время, когда они могутъ придти къ нему на *тентаменъ*. Это домашнее испытаніе, чаще всего человѣкъ двухъ разомъ, неограниченное по времени, даетъ профессору возможность основательно убѣдиться въ степени познаній испытуе-

маго; если онъ признаетъ его достаточно подготовленнымъ, то объявляетъ ему, какая отмѣтка можетъ ему быть дана. Если студентъ желаетъ лучшей отмѣтки, то можетъ еще позаняться и потомъ опять придти на тентаменъ; если же обѣ стороны довольны, то опредѣляется время для публичнаго экзамена. Смыслъ этого послѣдняго акта, между прочимъ, тотъ, чтобы всѣмъ готовящимся къ такому же экзамену было ясно, за какіе отвѣты какую отмѣтку можно получить. По окончаніи каждаго публичнаго экзамена одинъ изъ экзаменовавшихъ профессоровъ прочитываетъ отмѣтки всѣхъ экзаменованныхъ, которыхъ бываетъ числомъ не болѣе шести. На публичномъ экзаменѣ могутъ присутствовать всѣ, кому угодно, кто бы то ни было, подъ единственнымъ условіемъ—сидѣть или стоять смирно, чтобъ не мѣшать производству экзамена; посѣтители могутъ приходить и уходить, когда имъ угодно. Объявленію отмѣтокъ предшествуетъ нѣсколько минутъ времени, на которое и экзаменуемые выходятъ изъ залы; потомъ, когда они

Борго.

возвращаются, чтобъ услышать чтеніе отмѣтокъ, занесенныхъ въ протоколъ, тогда вмѣстѣ съ ними входитъ и все множество лицъ, интересовавшихся экзаменомъ и всегда могущихъ придти во-время къ объявленію отмѣтокъ, потому что на производство экзамена опредѣленъ законный срокъ — по скольку времени на предметъ для каждаго экзаменуемаго.

Такимъ образомъ, экзаменъ дѣйствительно бываетъ публичнымъ. Тоже разумѣется и на счетъ публичныхъ лекцій, для слушанія которыхъ могутъ приходить всѣ, кому угодно, безъ различія возраста, пола, съ соблюденіемъ одного только условія: держаться прилично, смирно, да во время лекціи не смѣть ни входить, ни выходить изъ аудиторіи, которая на то время бываетъ храмомъ науки; а этотъ храмъ, какъ и храмъ Божій, доступенъ для каждаго. Чтобы посѣщать частныя лекціи профессоровъ, на которыхъ бываютъ и упражненія, и бесѣды, когда и каждому изъ слушателей представляется случай говорить,—надо быть студентомъ и записаться посѣтителемъ такихъ частныхъ ученыхъ занятій; но публичная лекція дѣйствительно пуб-

Берегъ близъ Выборга.

личпа: слушаніе ея никому не возбраняется, ни для кого необязательно, хоть, разумѣется, и публичныя лекціи посѣщаются преимущественно студентами, а нѣкоторыя, болѣе спеціальныя, только студентами, для которыхъ онѣ служатъ средствомъ или пособіемъ къ изученію науки.

Итакъ уже издавна, хоть не всегда, но бывали на публичныхъ лекціяхъ не только слушатели, но и слушательницы. Въ послѣднее же время дозволено женщинамъ быть и настоящими студентками. Первою, прослушавшею полный курсъ и выдержавшею экзамены, какъ вступительный, такъ и выпускной, была русская дѣвица, дочь гельсингфорсскаго купца и, слѣдовательно, хорошо знающая шведскій языкъ, на которомъ и лекціи читаются; и экзамены производятся.

Одна изъ дѣвицъ, окончившихъ курсъ по медицинскому факультету, докторъ Розина Хейкéль, успѣшно занимается теперь медицинскою практикою въ своемъ родномъ городѣ. Финляндки выразили ей свое сочувствіе и почтеніе тѣмъ, что собрали сумму, составлявшую въ концѣ 1879-го года 9,633 марки. Проценты съ этой суммы назначаются на стипендіи женщинамъ, изучающимъ медицину при Александровскомъ университетѣ. Эти стипендіи всегда будутъ называться стипендіями Розины Хейкéль.

Могила Рунеберга.

Достойно вниманія устройство студенческой корпораціи, внѣшнимъ представителемъ которой служитъ *домъ студентовъ*. Самый домъ, замѣчательный своимъ внутреннимъ устройствомъ, былъ и построенъ необыкновеннымъ образомъ. Чтобы купить мѣсто и на немъ построить домъ, нужны деньги; они были университетскими собраны такъ: кто могъ, читалъ публичныя лекціи для желающихъ слушать ихъ за плату; кто могъ, давалъ вокальные и инструментальные концерты, за плату; и то, и другое въ разныхъ городахъ и въ разныхъ мѣстахъ цѣлой Финляндіи. Кто могъ, рисовалъ или писалъ картины для продажи ихъ. Дамы и дѣвицы помогали своимъ братьямъ студентамъ не только своими голосами въ концертахъ, но и своимъ ручнымъ трудомъ — карандашемъ, кистью, иглой (болѣе всего иглой); все это давало матеріалъ для лотерей, сборъ которыхъ также увеличивалъ средства на постройку студенческаго дома. Итакъ—произносились умныя рѣчи, звонкими голосами распѣвались любимыя пѣсни, искусные пальчики прилежно трудились, и всѣми руководило единство мысли, и все оживлялось единствомъ чувства; а въ результатѣ вышелъ домъ, вполнѣ соотвѣтственный своему назначенію и снабженный всѣмъ необходимымъ.

Кромѣ сторожей, въ домѣ никто не живетъ; но отъ утра до полуночи домъ служитъ для разныхъ надобностей, по росписанію: всему назначено свое время и свое мѣсто. Въ этомъ домѣ находится студентская библіотека на разныхъ языкахъ, съ читальнею при ней и съ выдачею книгъ на домъ. Въ этомъ же домѣ находится ресторанъ для студентовъ, гдѣ многіе изъ нихъ и столуются постоянно, получая свѣжую, здоровую пищу за умѣренную цѣну. Кромѣ того тутъ бываютъ собранія студентовъ, подъ предсѣдательствомъ чаще всего профессоровъ, вообще лицъ избираемыхъ на учебный годъ. Перечислимъ нѣкоторыя изъ этихъ собраній.

Общія собранія всѣхъ студентовъ бываютъ очень рѣдко: для завѣдыванія общими дѣлами университетской корпораціи избирается каждый годъ особенная делегація. Студенты избираютъ двѣнадцать человѣкъ, по двое отъ каждаго изъ шести отдѣленій, на которыя дѣлятся всѣ студенты; изъ нихъ ректоръ университета назначаетъ, по своему благоусмотрѣнію, семерыхъ членовъ и пятерыхъ замѣстителей; тѣ семеро выбираютъ между собою одного въ предсѣдатели; остальные шесть остаются членами.

Что такое, въ этомъ смыслѣ, называется отдѣленіемъ? Отдѣленіе состоитъ изо всѣхъ старшихъ и младшихъ членовъ университета, родившихся и воспитывавшихся въ одной мѣстности, такъ напр. выборгскіе уроженцы составляютъ выборгское отдѣленіе, нюландскіе — нюландское и т. д. Это дѣленіе особенно важно въ двухъ отношеніяхъ: въ экономическомъ и въ нравственномъ. Свои лучше чужихъ могутъ знать — кто дѣйствительно нуждается и насколько, и въ

Гавастгусъ.

чемъ. А въ нравственномъ отношеніи взаимный надзоръ всѣхъ надъ каждымъ очень дѣйствителенъ и вообще довольно строгъ: виноватаго въ чемъ-нибудь очень нехорошемъ товарищи не потерпятъ въ своемъ отдѣленіи, а студентовъ, не приписанныхъ ни къ какому отдѣленію, не бываетъ; итакъ исключеніе изъ отдѣленія равносильно исключенію изъ университета. Каждое отдѣленіе собирается однажды въ недѣлю.

Другое дѣленіе студентовъ на «собранія» основывается на разныхъ предметахъ ученой дѣятельности университета, какъ это выяснитъ одно перечисленіе нѣкоторыхъ изъ четырнадцати такихъ собраній, или сочетаній (föreningar): читальное, музыкальное, этнографическое, богословское, юридическое, философское, историческое, математическое, зоолого-ботаническое, физико-химическое и другія.

При большемъ или меньшемъ участіи университета возникли и существуютъ разныя *общества;* назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: *финское литературное*, съ 1831-го года; *финляндское ученое*, съ 1838-го года, состоитъ изъ трехъ отдѣленій — физико-математическаго, естественныхъ наукъ и историко-филологическаго, замѣчательнаго своими уже обнародованными трудами,

Общество *Pro fauna et flora fennica* существуетъ съ 1821-го года; общество *финской исторіи* съ 1875-го года; *археологіи* съ 1870-го года; *изящныхъ искусствъ* съ 1846-го года, состоитъ подъ покровительствомъ Цесаревича, имѣетъ болѣе 1,300 членовъ и содержитъ два училища рисованія и пр., одно въ Гельсингфорсѣ, другое въ Або. Общество *художества примѣнительно къ промышленности* существуетъ съ 1875-го года; въ его училищѣ въ Гельсингфорсѣ, въ 1878 году, было 116 учениковъ и болѣе пятидесяти ученицъ. И еще общества: *медицинское, юридическое, педагогическое* и другія. Большая часть обществъ дѣйствовали и дѣйствуютъ отчасти посредствомъ печатнаго слова.

Это естественно приводитъ насъ къ вопросу о книгопечатаніи. Съ давнихъ временъ и донынѣ подъ покровительствомъ университета существовали: книжная лавка Васèніуса и типо-

Ловиза

графія Фрèнкеля; въ послѣдней печатаются всѣ университетскія изданія, довольно многочисленныя. О типографскомъ значеніи университета можно заключать по слѣдующимъ даннымъ: во всей Финляндіи, финское народонаселеніе которой вшестеро многочисленнѣе шведскаго, выходило въ 1878-мъ году періодическихъ изданій: на шведскомъ языкѣ 24, на финскомъ 30, всего 54, изъ нихъ 14 шведскихъ и 8 финскихъ въ одномъ Гельсингфорсѣ; а по числу печатныхъ листовъ періодическія изданія Гельсингфорса составляютъ 67 процентовъ всего изданнаго въ цѣлой Финляндіи въ видѣ періодическихъ изданій. У меня теперь нѣтъ возможности такимъ же образомъ опредѣлить вообще типографское отношеніе Гельсингфорса къ цѣлой Финляндіи; но думаю, что Гельсингфорсъ на типографскія чернила и бумагу издерживаетъ отъ восьми до девяти разъ болѣе, нежели вся остальная Финляндія. Если еще принять въ соображеніе то обстоятельство, что и въ другихъ городахъ большая часть редакторовъ періодическихъ изданій принадлежитъ къ ученому званію, также какъ и большая часть сочинителей

и переводчиковъ вообще, то ясно станетъ великое значеніе университета для умственной жизни всей страны.

Въ Финляндіи между собственно жителями края нѣтъ совершенно безграмотныхъ, кромѣ малыхъ дѣтей да немногихъ обиженныхъ природою. Финляндія обязана этимъ своему духовенству, давно уже обратившему надлежащее вниманіе на грамотность, какъ на средство для религіознаго воспитанія народа. Для достиженія этой цѣли главнѣйшую помощь духовенству доставляютъ матери семействъ, подъ руководствомъ пасторовъ, да, подъ ихъ же руководствомъ, *перехожія школы*, существующія въ Финляндіи уже не первое столѣтіе, находящіяся вездѣ, гдѣ того требуютъ мѣстныя условія, и несомнѣнно принесшія много пользы народу и государству; безъ перехожихъ школъ Финляндія не могла бы достигнуть той всеобщей грамотности, какая дѣйствительно существуетъ въ ней. Это семейное и приходское воспитаніе, разумѣется, невысоко, но оно открываетъ народу пути къ высшему, составляющему предметъ особенныхъ заботъ правительства. Главное управленіе всѣми народными и общеобразовательными учебными заведеніями цѣлой Финляндіи находится въ Гельсингфорсѣ.

Нашимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, мужскимъ и женскимъ, соотвѣтствуютъ въ Финляндіи учебныя заведенія, называемыя—одни лицеями, другія школами. Часть изъ нихъ содержится вполнѣ на казенный счетъ, а нѣкоторыя получаютъ отъ казны только большее или меньшее пособіе. Для приготовленія учителей и учительницъ существуютъ особыя учительскія семинаріи, съ преподаваніемъ на языкахъ—однѣ шведскомъ, другія финскомъ, а нѣкоторыя и на томъ, и на другомъ. Лицеевъ, приготовляющихъ къ университету, существуетъ всего пятнадцать, въ томъ числѣ четыре частныхъ, съ пособіемъ отъ правительства, да кромѣ того три четырехклассные лицея, которыхъ ученики, окончивъ въ нихъ курсъ, могутъ продолжать ученіе въ любомъ изъ семиклассныхъ лицеевъ, въ которыхъ курсъ седьмаго класса двухлѣтній. Реальныхъ училищъ числомъ столько же, какъ и лицеевъ, а именно одиннадцать съ полнымъ курсомъ и семь съ одними низшими классами. Преподавателей и преподавательницъ во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было, въ началѣ 1879-го года, 438, а учащихся вдесятеро болѣе, въ томъ числѣ въ Гельсингфорсѣ около 650-ти.

Въ 56 учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ частною предпріимчивостію, было въ цѣлой Финляндіи, въ 1877-мъ году, 1,289 мальчиковъ и 1,863 дѣвочки.

Дополнимъ эти свѣдѣнія еще нѣкоторыми данными изъ «Статистическаго обозрѣнія общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, изданнаго Главнымъ Правленіемъ училищъ въ Гельсингфорсѣ, въ 1879-мъ году».

Въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ отъ правительства, находилось 3,456 мальчиковъ и 857 дѣвочекъ; а въ содержимыхъ частными предпринимателями: 867 мальчиковъ и 1,404 дѣвочки; вообще мальчиковъ 4,323, а дѣвочекъ только 2,261.

По происхожденію: дѣти болѣе образованныхъ родителей составляютъ 59 процентовъ, а малообразованныхъ 41%; по языку: съ природнымъ шведскимъ языкомъ 74%, а съ финскимъ 24%. Остальные 2% процента не принадлежатъ ни къ шведской, ни къ финляндской народностямъ. Въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгѣ находятся среднеобразовательныя учебныя заведенія, въ которыхъ преподавательнымъ языкомъ служитъ нѣмецкій языкъ.

Русскій языкъ преподается въ большей части финляндскихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того есть и русскія учебныя заведенія, существующія отчасти при содѣйствіи «Русскаго Благотворительнаго Общества въ Финляндіи», центромъ котораго служитъ также Гельсингфорсъ. Въ началѣ нынѣшняго царствованія было во всей Финляндіи только одно учебное заведеніе, въ которомъ преподавательнымъ языкомъ былъ русскій языкъ: то было юнкерское училище, по времени основанія первое изъ юнкерскихъ училищъ въ Россіи. Теперь русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи уже болѣе десяти — гражданскихъ, въ томъ числѣ одна классическая гимназія для мальчиковъ и еще пока неполноклассная, по новости своей, одна

женская гимназія; обѣ въ Гельсингфорсѣ. Русскія учебныя заведенія, разумѣется, кромѣ военныхъ въ Гельсингфорсѣ и Свеаборгѣ, состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и русской гимназіи въ Гельсингфорсѣ. Эта гимназія помѣщается въ домѣ, построенномъ первоначально для училищъ русскаго прихода. Получивъ отъ Военнаго Министерства единовременное денежное пособіе (6,000 р.), гельсингфорсскіе прихожане изъ собственныхъ пожертвованій собрали столько средствъ, что могли построить для своихъ училищъ трехъэтажный каменный домъ въ центрѣ города (во дворѣ, для того пожертвованномъ отъ гельсингфорсскаго русскаго купца Габунова, вмѣстѣ съ крупною суммою денегъ), противъ шведскаго театра. Теперь въ этомъ домѣ просторно помѣщается восьмиклассная гимназія, съ квартирами для директора и для двадцати пансіонеровъ, содержимыхъ при содѣйствіи Благотворительнаго Общества. Русскихъ училищъ въ Гельсингфорсѣ уже не одно, а три: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ, третье для малыхъ дѣтей обоего пола; всѣ три въ помѣщеніяхъ, нанимаемыхъ на средства, отпускаемыя правительствомъ для содержанія гимназіи, которая такимъ образомъ платитъ за свое помѣщеніе, платя за квартиру училищамъ, отъ которыхъ она получила домъ. Кромѣ Гельсингфорса и Свеаборга, русскія училища находятся еще въ Або, Фридрихсгаммѣ, Выборгѣ, Тавастгусѣ, Вильманстрандѣ и въ селѣ Красномъ (Выборгской губерніи). Въ русскихъ гимназіяхъ и училищахъ города Гельсингфорса, въ вѣдѣніи Благотворительнаго Общества, всѣхъ учащихся обоего пола, въ началѣ 1879 года, было 454.

Ню Карлебю.

Промышленные успѣхи новѣйшихъ временъ придали такое сильное развитіе прикладнымъ наукамъ, что вслѣдствіе того явилась чувствительная потребность въ спеціальныхъ для того заведеніяхъ. Такія заведенія называются у насъ академіями или институтами. Двумъ институтамъ въ Петербургѣ, — Путей Сообщенія и Технологическому, соотвѣтствуетъ въ Гельсингфорсѣ одинъ, называемый «Политехникумъ», приготовляющій спеціалистовъ для тѣхъ же отраслей дѣятельности, какъ и вышеназванные институты. По другимъ такимъ же отраслямъ гражданской дѣятельности финляндскія учебныя заведенія еще не достигли до академической степени, а ограничиваются только училищами; таковы — училища мореплаванія, кораблестроенія, а также и технологіи. Всѣ они подвѣдомственны той же экспедиціи Императорскаго финляндскаго сената, которой подчиненъ и Политехникумъ. Въ 1878-мъ году было въ этомъ послѣднемъ: 18 преподавателей и 92 учащихся, изъ которыхъ 10 были прежде студентами въ университетѣ, 33 окончили курсъ въ лицеяхъ и 39 въ реальныхъ училищахъ. По происхожденію было 90 финляндцевъ и 2 русскихъ.

По существующему закону, каждую пятую зиму съѣзжаются въ Гельсингфорсъ представители народныхъ сословій Финляндіи, для засѣданій въ земскомъ сеймѣ. Число пріѣзжающихъ такимъ образомъ можетъ простираться до трехъ сотъ, а съ сопутствующими имъ родными и болѣе 300. Полныя собранія всѣхъ сословій земскаго сейма (landdag) происходятъ въ домѣ,

принадлежащемъ дворянству Финляндіи; въ этомъ же домѣ бываютъ и отдѣльныя собранія двухъ сословій — дворянства и духовенства; вмѣстѣ съ послѣднимъ засѣдаютъ представители и педагогической дѣятельности, — только представители, безъ представительницъ: женщина въ Финляндіи еще не получила права лично участвовать въ народномъ представительствѣ. Но присутствовать въ числѣ любопытныхъ никому незапрещено, а потому на хорахъ публика состоитъ изъ лицъ обоего пола. Сословіе горожанъ засѣдаетъ въ домѣ гельсингфорсской ратуши; а у четвертаго сословія еще нѣтъ постояннаго мѣста засѣданій.

Кромѣ Гельсингфорса и Свеаборга, находится въ Финляндіи еще тридцать восемь городовъ; но почти цѣлая четверть всѣхъ городскихъ жителей Финляндіи принадлежитъ Гельсингфорсу. Изъ общаго населенія цѣлой Финляндіи болѣе восьми процентовъ живутъ въ городахъ, остальные, менѣе девяноста двухъ процентовъ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ. Большая часть жителей Финляндіи могутъ считаться хуторянами, по нашимъ понятіямъ: финляндскія села и деревни часто состоятъ изъ группы дворовъ, разбросанныхъ на нѣсколько верстъ; около каждаго двора все хозяйство — поля, сѣнокосъ, выгонъ, лѣсъ и т. д. При такомъ просторѣ разселенія, пожары, кромѣ городскихъ, не могутъ быть слишкомъ губительны: рѣдко можетъ пострадать вдругъ больше одного хозяйства. Въ Финляндіи давно уже существуетъ *взаимное страхованіе отъ пожара*. Отсюда явилась мысль объ учрежденіи такого же общества и въ Россіи.

По многолюдству, первый городъ послѣ Гельсингфорса—*Або* (Обу, Турку), при устьѣ рѣки Авры (т. е. Плугъ-рѣки); въ немъ теперь считается круглымъ числомъ около двадцати пяти тысячъ человѣкъ всѣхъ жителей. Во время шведскаго владычества Або былъ первымъ и главнымъ городомъ Финляндіи; теперь же онъ утратилъ свое первенство, хотя все еще остается во всѣхъ отношеніяхъ однимъ изъ первыхъ трехъ городовъ края. Благодаря своему недавнему корабельному превосходству, да отчасти и тому, что въ Або жилъ коммерціи совѣтникъ аптекарь *Юлинъ*, первая финляндская колонія на Амуръ отправилась изъ Або.

Покойный Юлинъ, снаряжая корабли переселенцевъ на Амуръ, объявлялъ черезъ газеты и черезъ пасторовъ, что для переселенія принимаются только семейства: мужчины только женатые и съ женами, а если есть дѣти, то и съ дѣтьми; жены не иначе какъ съ мужьями: только одинъ человѣкъ былъ принятъ одинокимъ, но то былъ человѣкъ уже немолодой, много въ жизни горя испытавшій, по своему характеру достойный всякаго уваженія, по своимъ познаніямъ обѣщавшій быть полезнымъ для переселенцевъ и потомъ своею дѣятельностію вполнѣ оправдавшій оказанное ему довѣріе... Теперь уже прошло лѣтъ двѣнадцать съ тѣхъ поръ, какъ самъ Юлинъ сообщалъ мнѣ это, и у меня не осталось въ памяти ни имени этого человѣка, ни общаго числа переселенцевъ, а только помню разсказъ Юлина, какъ, при снаряженіи этой экспедиціи, была забота о томъ, чтобъ эта колонія могла явиться въ новый край вооруженною средствами древней гражданственности для побѣды надъ дикою природой. Въ числѣ переселенцевъ были: и пасторъ, и учитель, а также слесаря, кузнецы, сапожники, портные, столяры, плотники и пр., съ инструментами и орудіями для всякаго дѣла, съ плугами, боронами, топорами, лопатами, рыболовными сѣтями, охотничьими ружьями и другими предметами, необходимыми для хозяйства цѣлой общины. Запасовъ пищи взято не только на весь переѣздъ, но и на первое время по пріѣздѣ, кромѣ того и зерно для перваго посѣва. Вотъ какъ слѣдуетъ переселяться въ новый далекій край, чтобъ заселять его благодатныя пустыни! Охотниковъ и охотницъ для переселенія было много, и не одна чета пошла къ алтарю, чтобы заключеніемъ брачнаго союза пріобрѣсти себѣ право для переселенія на Амуръ.

Приложенный выше, на стр. 85, видъ Або представляетъ берега рѣки Авры; вдали видна часть города съ его старинною церковью; по рѣкѣ бѣжитъ пароходъ къ одной изъ пристаней, ниже каменнаго моста черезъ рѣку. Ближе передъ нами, на правомъ, т. е. на западномъ берегу рѣки видна крѣпость... sic transit gloria mundi! Это была первая шведская твердыня въ Финляндіи. Первый финляндскій герцогъ Іоаннъ жилъ здѣсь; это былъ его владѣтельный за-

мокъ, его дворецъ. Тутъ же жилъ и умеръ знаменитый Класъ Флемингъ; а теперь, что это за крѣпость? гдѣ ея величіе и пышность? Она крѣпка, потому что крѣпка тюрьма: въ этой крѣпости содержатся женщины, приговоренныя по суду къ тюремному заключенію; онѣ прядутъ и ткутъ, вообще работаютъ, чтобъ уплачивать за свое содержаніе въ этомъ древнемъ замкѣ, да чтобы, привыкнувъ къ труду, охранить себя по выходѣ на волю отъ искушенія попасть вторично въ такое же мѣсто заключенія! Кромѣ тюрьмы тутъ есть еще и казармы.

Старинная церковь въ городѣ Або была построена около 1300-го года, еще въ католическія времена. Куполъ ея колокольни былъ уничтоженъ пожаромъ въ 1827-мъ году и потомъ возобновленъ. Надписи на плитахъ хранятъ для памяти имена особъ, похороненныхъ подъ этою церковью. Пестрота ея стѣнъ объясняется ихъ составомъ изъ сложенныхъ глыбъ негладко обтесаннаго гранита.

Возлѣ этой соборной церкви, уже въ нынѣшнее царствованіе, поставленъ памятникъ Портану, замѣчательному профессору Абовскаго университета. За церковью, зданія присутственныхъ мѣстъ и квартира губернатора, въ домахъ, которые вмѣщали въ себѣ университетъ и были постройкою начаты при Густавѣ IV, окончены при Александрѣ I. Пожаръ 1827-го года истребилъ въ городѣ Або всѣ зданія, кромѣ немногихъ бѣдныхъ домиковъ, да еще уцѣлѣла въ зданіи прежняго университета его зала торжествъ, съ ея прекрасными гранитными колоннами и шестью художественными рельефами, изъ которыхъ одинъ представляетъ Вейнемейнена, съ кантелой въ рукахъ, окруженнаго всею природой, которая слушаетъ его пѣніе: не только люди, оставивъ свои занятія, но и разныя животныя и даже растенія,—все слушаетъ дивные напѣвы этого древняго, вѣщаго, мудраго пѣвца. На другихъ рельефахъ изображено: крещеніе финновъ епископомъ Генрихомъ, совѣщанія графа Браге съ епископомъ Ротовіусомъ объ основаніи финляндскаго университета, Аксель-Оксенціерна подноситъ королевѣ Христинѣ для подписанія декретъ объ основаніи университета; на пятомъ рельефѣ король Густавъ IV, съ супругою своею Фредерикою Доротеей, въ присутствіи Вильяма великобританскаго и многихъ сановниковъ шведскихъ, полагаетъ основаніе этому самому зданію для университета, факультеты котораго изображены на шестомъ рельефѣ. Теперь въ этой залѣ даются концерты и происходятъ особенныя торжественныя собранія.

Недалеко отъ этихъ зданій находится на горѣ та самая обсерваторія, съ которой профессоръ Аргеландеръ опредѣлялъ путь солнца; теперь она принадлежитъ Морскому Вѣдомству. Съ высокой и крутой скалы, увѣнчанной обсерваторіею, виденъ весь городъ и его окрестности. Въ прежніе годы тутъ была голая и нелегко доступная скала; теперь же тутъ находится прекрасный садъ, куда можно даже пріѣзжать въ экипажѣ. Служившій въ Надворномъ Судѣ, слѣдовательно, получившій научное образованіе въ Александровскомъ университетѣ, сынъ богатаго абовскаго купца, *Окерманъ*, умирая въ цвѣтѣ лѣтъ, завѣщалъ болѣе двадцати тысячъ марокъ на основаніе этого сада. Благой починъ былъ сочувственно принятъ и поддержанъ городомъ Або, который теперь пользуется двумя прекрасными садами: однимъ въ городѣ, вотъ этимъ на скалѣ; другимъ—надъ рѣкою, у самаго города, куда впрочемъ лѣтомъ очень часто можно отправляться на одномъ изъ пароходиковъ, плавающихъ по Аврѣ изъ Або въ Рунсалу и обратно.

За мостомъ черезъ Авру, между аптекой Юлина и городскимъ Сосьетѐтсъ-гусомъ, съ гостинницей для пріѣзжающихъ, былъ сдѣланъ первый въ Финляндіи опытъ мощенія булыжникомъ въ правильные ряды. Далѣе, налѣво городской театръ и на площади, на право, русская церковь.

Совершенно примыкаетъ къ городу, хотя и не причисляется къ нему, островъ *Рунсала*, замѣчательный красотою своего мѣстоположенія и роскошною растительностію; на немъ находятся лѣтніе дома болѣе состоятельныхъ жителей города, окруженные садами, и разныя заве-

13*

денія, представляющія удобства и удовольствія для горожанъ, пріѣзжающихъ сюда на пароходѣ, или приходящихъ пѣшкомъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и отдохнуть пріятно.

По числу жителей Гельсингфорсъ относится къ Або такъ, какъ Або къ *Выборгу*, третьему городу Финляндіи, а именно: Гельсингфорсъ имѣетъ 40, Або 25, а Выборгъ 15 тыс. жителей.

Пассажирскіе поѣзда по желѣзной дорогѣ между Петербургомъ и Выборгомъ ходятъ и зимою по два раза въ день, что указываетъ на болѣе сильное пассажирское движеніе къ востоку, нежели къ западу отъ Выборга. Для нѣкоторыхъ жителей Петербурга уже и теперь Выборгъ служитъ, такъ сказать, лѣтнею дачею. Кромѣ двойной таможни, многихъ поражаетъ еще

Нейшлотъ.

и то, что русскія деньги принимаются въ Финляндіи по биржевому курсу; но вѣдь никто же не смущается тѣмъ, что вездѣ въ Россіи рубль серебромъ 84-й пробы, или рубль золотомъ цѣнится 1 руб. 60 коп., а иногда и больше! Нашъ серебряный рубль въ Финляндіи стоитъ четыре марки, нашъ полуимперіалъ—двадцать марокъ, а непотертый и больше (на 60 пенни); нашъ четвертакъ ходитъ какъ марка, а на низкопробную серебряную монету нашу и на кредитные билеты, также какъ и на билеты Финляндскаго банка, цѣну опредѣляетъ биржевой курсъ. Правда, билеты Финляндскаго банка принимаются al pari, т. е. по ихъ номинальной цѣнѣ; но это лишь потому, что финляндскій банкъ не выпускалъ своихъ билетовъ невмѣру много. Упадокъ цѣны нашихъ государственныхъ денежныхъ знаковъ въ бумажкахъ и въ размѣнной монетѣ существуетъ точно также въ Петербургѣ, какъ и въ Выборгѣ, но только въ первомъ изъ этихъ городовъ нѣтъ того сравненія однѣхъ бумажекъ съ другими, которое непріятно поражаетъ русскихъ въ Финляндіи. Дома мы жалуемся на вздорожаніе жизненныхъ припасовъ; пріѣхавши въ Финляндію, намъ представляется случай убѣдиться, что не столько товары вздорожали, сколько деньги подешевѣли; что 40 копѣекъ въ размѣнной монетѣ въ дѣйстви-

тельности стоятъ не болѣе какъ 25 копѣекъ въ четвертакѣ; но онѣ будутъ стоить своей нарицательной цѣны, когда бумажныя деньги поднимутся до одного уровня съ высокопробнымъ серебромъ. Кстати при этомъ замѣтить, что государственная монета въ Финляндіи золотая, и серебряная, также какъ и мѣдная, и бумажная—принимаются по курсу. Русская монета не составляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія, наравнѣ и съ туземною и со всякою иностранною. Можно и должно желать, чтобы цѣна нашихъ кредитокъ улучшилась: но сердиться на финляндцевъ за низкую цѣну нашихъ кредитокъ теперь нѣтъ ни малѣйшаго повода: финны тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Кто не видалъ Выборга лѣтъ двадцать пять, а знаетъ прежній Выборгъ, тотъ найдетъ

Сердоболь.

въ немъ огромную перемѣну, для объясненія которой достаточно указать на три слѣдующія обстоятельства, а именно: упраздненіе крѣпости, постройка Сайминскаго канала и постройка желѣзной дороги. О двухъ послѣднихъ было уже говорено, и нашимъ читателямъ легко вообразить себѣ, какъ эти два обстоятельства должны были отразиться на Выборгѣ, на томъ городѣ, гдѣ сходятся два пути — морской и желѣзный; на одномъ изъ нихъ, къ сѣверу, не менѣе шести или семи сотъ верстъ финскихъ береговъ, а къ югу—берега всѣхъ морей и океановъ; на другомъ, къ западу пока только одна Финляндія, къ востоку — вся Россія, а за нею Европа и Азія. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о благодѣтельномъ вліяніи на Выборгъ упраздненія крѣпости въ 1859-мъ году. Въ свое время значеніе этой крѣпости было велико, и она выдержала не одну осаду; но въ наши дни нѣтъ уже въ ней никакой надобности. Почти полвѣка простояла она уже по утратѣ ею своего военнаго значенія; наконецъ, въ началѣ нынѣшняго царствованія Всемилостивѣйше было повелѣно выборгскую крѣпость упразднить, а мѣсто, занимаемое ею, на Петербургской сторонѣ, уступить городу для возведенія на немъ построекъ, или для устройства садовъ и площадей. Предмѣстія города прежде обязательно отдѣлялись отъ стѣнъ его пространствомъ въ ширину на ружейный выстрѣлъ и были застроены

только деревянными домами; теперь толстыя каменныя стѣны частію сняты и дали матеріалъ для новыхъ построекъ; глубокія и широкія канавы, въ которыхъ въ теченіе не одной сотни лѣтъ была напускная вода (потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сѣнокосъ и пастбище для батальонныхъ лошадей и коровъ), эти крѣпостные рвы уже на половину засыпаны и застроены новыми дворами, домами, садами, улицами. Выборгъ утратилъ суровый видъ старинной крѣпости, повеселѣлъ, похорошѣлъ; и какъ это кстати пришлось для него теперь, когда открытіе новыхъ путей сообщенія естественно повлекло за собою увеличеніе числа жителей въ городѣ Выборгѣ! Отъ прежней крѣпости остались только часть ея стѣнъ да еще замокъ, который со своею обгорѣлою башнею возвышается надъ мостомъ черезъ часть Выборгскаго залива. Видъ Выборга, приложенный выше на стр. 86, снятъ съ югозападной стороны города. Тутъ изъ городскихъ домовъ видны только дома стараго города, и надъ домами вдали — главная лютеранская церковь, стоявшая прежде у Петербургской заставы, гдѣ въ былые годы часовые опрашивали проѣзжающихъ, а теперь эта церковь стоитъ въ серединѣ города: новый городъ выросъ и окружилъ свой храмъ.

Въ древнемъ Выборгскомъ замкѣ помѣщается нынѣ тюрьма; содержащіяся въ ней арестанты не мало содѣйствовали успѣху громадныхъ работъ, съ которыми было сопряжено сооруженіе Сайминскаго канала. Князь Голицынъ, въ пятидесятыхъ годахъ, видѣлъ, какъ человѣчно обходилось тамъ начальство съ взятыми изъ финляндскихъ крѣпостей и трудившимися надъ проведеніемъ канала арестантами, которыхъ было немало между рабочими; они получали соразмѣрно своей работѣ такую же плату, какъ и вольные рабочіе, съ тою лишь разницею, что деньги арестантамъ выдавались только при выпускѣ ихъ на волю. Князь Голицынъ сообщаетъ, что, незадолго до его пріѣзда на работы, выборгскій губернаторъ баронъ Котенъ двадцати семерымъ привезъ свободу до срока, назначеннаго по судебнымъ приговорамъ надъ ними. Эта свобода была Всемилостивѣйше дарована имъ въ награду за ихъ примѣрно-хорошее поведеніе на работахъ для канала. Всѣ были рады; но многіе просили позволенія остаться, уже по вольному найму, при той же работѣ, что и было имъ дозволено.

Кто не зимою пріѣдетъ въ Выборгъ, хоть на одинъ день, тотъ, разумѣется, побываетъ въ саду барона Николаи, полюбуется и самымъ садомъ, и видами, какъ въ немъ, такъ и изъ него. У этого сада есть даже свое имя — Mon repos (Монрепо), необыкновенно хорошая, чистая вода, яркозеленый мохъ на гранитахъ. Любовались мы когда-то и на бывшую тамъ статую Вейни-Мойни, иначе Вейнемейнена (Väinämöinen), котораго датчанинъ Борупъ представилъ съ кантелой въ рукахъ (а кантела — родъ финской лиры); но чья-то злая рука разбила эту статую! При мысли объ этомъ родѣ безобразничанья вспоминается разсказъ изъ Скандинавской Эдды о смерти Бальдера, который былъ милый богъ доброты. Лукавый Локки, богъ хитрости и зла, подмѣтилъ въ свое время, что когда боги, желая оградить жизнь Бальдера отъ гибели, ему предвѣщанной дѣвами рока, брали клятву со всего на свѣтѣ не вредить Бальдеру, то не взяли они такой же клятвы отъ омелы: этотъ чужеядный кустикъ, растущій на стволахъ деревьевъ, показался имъ ничтожнымъ, неопаснымъ. Локки сдѣлалъ изъ омелы стрѣлу, маленькую стрѣлку и подходитъ съ нею къ Магну (Могуну или Могутѣ), богу силы, могущества «Что ты, братъ Магнъ, ничего не кинешь въ Бальдера, чтобы почтить его неуязвимость?» — «И хотѣлъ бы, да не могу!» отвѣчаетъ Могну, «не могу, потому что, какъ ты знаешь, я совсѣмъ слѣпъ.» Разумѣется, вещественная сила слѣпа. «Я тебѣ помогу!» возразилъ Лукавый: «я направлю мѣтко твой ударъ, ты же только швырни хорошенько!» Полетѣла стрѣлка изъ омелы и вонзилась въ сердце Бальдера глубоко!

Слѣпой Могунъ метнулъ стрѣлу,
Лукавый Лукъ ее направилъ, —
И Бальдеръ палъ и навсегда
Края небесные оставилъ! —

Кексгольмъ.
Пунгахарью.
Оравайсъ.

Бьернеборгъ.
Дегерэ.

Улеоборгъ.
Желѣзный заводъ Кавтуа.
Гранитоломня въ Питерлахтѣ.

Плачутъ боги, что и у нихъ на небѣ добро погублено зломъ... Можно пожелать бо̀льшаго долголѣтія той статуѣ Вейнемейнена, которая въ замѣну разбитой сдѣлана финляндскимъ скульпторомъ Такаиеномъ. Не перечисляемъ ни другихъ статуй, ни другихъ прелестей въ этомъ саду барона Николаи, потому что одно перечисленіе слишкомъ сухо, а на подробное описаніе нѣтъ у насъ мѣста.

Та мысль, которая служитъ намъ руководящею при обозрѣніи финляндскихъ городовъ, переноситъ насъ изъ Выборга въ *Тамерфорсъ*, гдѣ жителей четырнадцать тысячъ; если въ календаряхъ стоитъ около семи тысячъ, такъ это потому только, что въ той западной части города, которая прежде одна называлась городомъ Тамерфорсомъ, въ той, гдѣ находятся фабрики Финлейсона (Нотбека) и Френкеля, жителей было семь тысячъ; но нѣтъ основанія не причислять къ городу его пригорода, отдѣленнаго отъ города только мостикомъ черезъ рѣку, которая тутъ шириною не болѣе десяти саженей. Въ этомъ пригородѣ находится желѣзо-дѣлательный заводъ, и жители его своимъ образомъ жизни и занятій рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ жителей стараго Тамерфорса, составляющаго одинъ приходъ съ новымъ. Итакъ по числу жителей, которыхъ въ Тамерфорсѣ четырнадцать тысячъ, этому городу принадлежитъ четвертое мѣсто въ ряду финляндскихъ городовъ. О немъ не разъ упоминалось въ предшествующихъ очеркахъ, а потому теперь можемъ ограничиться только извѣстіемъ объ увеличеніи фабричной промышлености города въ послѣдніе годы: теперь водопадъ даетъ движущую силу не только прежнимъ, но еще и слѣдующимъ заводамъ и фабрикамъ: пильному заводу, полотняной фабрикѣ, мукомольной мельницѣ, суконной фабрикѣ; притомъ же старыя фабрики значительно противъ прежняго увеличили свое производство. Эти фабрики и заводы берутъ отъ водопада уже всю его механическую силу; теперь струи водопада бѣгутъ вольно лишь по праздникамъ, а въ будни человѣкъ заставляетъ ихъ сначала поработать, и потомъ уже спускаетъ ихъ на волю — бѣжать въ Святъ-озеро.

Изъ Таммерфорса перенесемся на берега Ботническаго залива, въ *Улеоборгъ*, съ его девятью тысячами жителей.

Городъ стоитъ на берегу рѣки Улео (или Овлу), наполненной порогами, особенно при устьѣ, гдѣ шумная стремнина дотого затрудняетъ переправу, что съ одного берега на другой переѣзжаютъ на лодкахъ уже по взморью, мимо множества торговыхъ судовъ и въ виду тѣхъ магазиновъ, гдѣ хранится смола, составляющая главный предметъ отпускной торговли Улеоборга. Большая часть этого товара сплавляется по рѣкѣ Овлу на особенныхъ лодкахъ. Нужно много искусства, навыка, внимательности и расторопности, чтобы благополучно проводить лодки и внизъ съ товаромъ, и обратно порожнякомъ, за новымъ грузомъ. По обширности смоляной торговли, Улеоборгъ первый городъ въ мірѣ. Во время севастопольской осады сильная эскадра англійскаго флота, подъ начальствомъ адмирала Плюмриджа, по первымъ весеннимъ водамъ, подошла къ Улеоборгу; большой отрядъ войска вступилъ въ городъ. «Мы безоружные жители, надѣемся, вы не станете нападать на насъ!» — «Да! но у васъ въ складѣ много смолы — это военная контрабанда, ее надо сжечь!» — «Почти весь этотъ складъ принадлежитъ англійскимъ купцамъ, давшимъ крупные задатки». — «Кто взялъ задатки, долженъ будетъ поставить новый товаръ, а этотъ еще не сданъ англичанамъ, такъ онъ военная контрабанда.» Магазины были сожжены; городъ осмотрѣнъ, другой военной контрабанды въ немъ не оказалось, и побѣдители отправились на югъ, въ городъ Брагестадъ (Brahestad), гдѣ было тоже много смолы, которая, по случаю войны, была не отправлена по назначенію и ожидала мира; но союзники жаждали побѣдныхъ лавровъ, и смола въ Брагестадѣ была сожжена такъ же успѣшно, какъ и въ Улеоборгѣ! Въ обоихъ этихъ городахъ побѣдители спрашивали у жителей: «а много ли войска въ городѣ Гамле-Карлебю?» — «Сколько мы знаемъ, такъ же много, какъ и у насъ, т. е. ни одного человѣка!» — «А почему же шведскія газеты пишутъ, что тамъ находится много войска?» — «Да то войско въ шведскихъ газетахъ, а у насъ его

нѣтъ и тѣхъ газетъ мы не получаемъ!» Побѣдители отправились далѣе на югъ, на Гамле-Карлебю. Но дулъ сильный вѣтеръ съ востока, а неглубокій край моря у Гамле-Карлебю опасенъ въ такую погоду для большихъ кораблей. Между тѣмъ вѣсть о высадкѣ англичанъ въ Улеоборгѣ достигла Вазы, и оттуда, на земскихъ перекладныхъ, перевезена цѣлая рота пѣхоты поспѣли прибыть и четыре пушченки и десятка два казаковъ. Гамле-Карлебю торгуетъ и смолою, но еще болѣе строевымъ лѣсомъ. Лѣсъ тоже военная контрабанда, для истребленія которой подъѣхали къ берегу десятка два большихъ лодокъ, каждая съ пушкою восьми или девяти дюймоваго калибра и съ нѣсколькими десятками стрѣлковъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями. Уже побѣдители Улеоборга и Брагестада были у самаго берега, какъ вдругъ упалъ заборъ между хлѣбными магазинами и грянули разомъ четыре пушки да сотни двѣ гладкоствольныхъ ружей (въ томъ числѣ десятка два охотницкихъ, въ рукахъ жителей). Бой длился три четверти часа и кончился тѣмъ, что у русскихъ ранены одинъ солдатъ да одна лошадь; а у англичанъ было много убитыхъ и раненыхъ, да десятка два взято въ плѣнъ, вмѣстѣ съ баркасомъ и пушкою на немъ. Послѣ такого урока союзники были осторожнѣе и не пытались болѣе высаживаться на берегъ для мирнаго сжиганія военной контрабанды. Мнѣ, пишущему эти строки, довелось присутствовать при сраженіи у Гамле-Карлебю, наблюдать очень близко, но съ боку, такъ что мимо меня пролетѣли только два послѣднія ядра, пущенныя съ одного изъ баркасовъ, принятыхъ на буксиръ судами, подоспѣвшими на выручку и принимавшими къ себѣ людей съ баркасовъ, болѣе другихъ пострадавшихъ отъ мѣткой артиллерійской стрѣльбы съ берега. Къ счастію для нашихъ, большіе корабли англійскаго флота не могли подойти къ берегу такъ близко, чтобы своими выстрѣлами помѣшать радости побѣдителей, благодарившихъ Бога за то, что эта рѣшительная побѣда взяла у насъ не болѣе нѣсколькихъ капель крови изъ плеча солдата, который ради такой легкой раны не желалъ и въ лазаретѣ оставаться. Въ городѣ Гамле-Карлебю можно еще видѣть и баркасъ, тогда взятый съ бою, и могилу англичанъ, убитыхъ на этомъ баркасѣ и похороненныхъ побѣдителями.

Водендалъ.

Въ Улеоборгѣ и Брагестадѣ на мѣстахъ сожженныхъ магазиновъ давно построены новые, которые теперь уже успѣли и состарѣться. Городъ Улеоборгъ дѣятельно участвуетъ въ успѣхахъ туземной промышленности и считается по своей торговлѣ однимъ изъ первыхъ городовъ въ Финляндіи. Въ этихъ отношеніяхъ соперничаетъ съ нимъ *Бьернеборгъ*, лежащій тоже на берегу Ботническаго залива, при устьѣ рѣки Кумо и населенный безъ малаго восемью тысячами жителей. Когда на мѣстѣ нынѣшней Абовской губерніи, съ частію нынѣшней Тавастгусской, были двѣ «собственно Финляндія» и «Сатакунда», тогда главными городами были: въ первой Або, въ послѣдней—Бьернеборгъ. Теперь это городъ уѣздный, но по старой памяти нынѣшнюю губернію называютъ еще Або-Бьернеборгскою.

По числу жителей, на одну тысячу человѣкъ уступаетъ Бьернеборгу городъ *Куопіо*, лежащій внутри края, на пути изъ Выборга въ Улеоборгъ, на берегу Калла-веси (Рыбы-озеро), посылающаго свои воды въ Сайму. Проведеніе Сайминскаго канала дало и городу Куопіо возможность пользоваться всѣми удобствами приморскаго города, посылать корабли со сво-

ими товарами въ какія угодно моря и непосредственно, прямо получать всякіе заморскіе товары, чѣмъ жители Куопіо и теперь пользуются. Еще ранѣе, пока этотъ каналъ строился, городъ Куопіо пріобрѣлъ новыя права въ другомъ отношеніи, а именно: сдѣлался мѣстопребываніемъ епископа.

Въ давнее время вся Финляндія составляла одну епархію — Абовскую. Потомъ учреждено еще епископство въ Выборгѣ, и вся Финляндія состояла изъ двухъ епархій — Восточной и Западной. Когда Петръ I присоединилъ Выборгъ къ Россіи, тогда епископія перенесена изъ Выборга въ Борго, гдѣ она и теперь остается. Въ 1817 году, когда весь лютеранскій міръ, а въ томъ числѣ и Финляндія, праздновалъ трехсотлѣтній юбилей начала лютеранской реформаціи, абовскій епископъ получилъ санъ архіепископа и, слѣдовательно, право быть на земскихъ сеймахъ предсѣдателемъ духовнаго и ученаго званія. А назадъ тому около тридцати лѣтъ признана давно ощущавшаяся потребность въ учрежденіи отдѣльнаго епархіальнаго управленія для сѣверныхъ частей Финляндіи, и мѣстопребываніемъ епископа назначенъ въ 1852 году городъ Куопіо, гимназія котораго уже тогда заслуженно пользовалась почетною извѣстностью. Новое епископство состоитъ изъ двухъ губерній — Куопіоской и Улеоборгской; Боргское изъ трехъ — Нюландской, Выборгской и Михельской, и Абовское архіепископство также изъ трехъ губерній — Абовской, Тавастгусской и Вазаской.

Для характеристики мѣстныхъ жителей стоитъ разсказать одно изъ моихъ воспоминаній, связанныхъ съ городомъ Куопіо. Ѣдущимъ въ Куопіо изъ Улеоборга или изъ Каяны, путь лежитъ черезъ Иденсальми, далѣе по кряжу горъ, дорога направляется черезъ Юэнсу (Joensuu) къ Сердоболю; отъ станціи, на этомъ пути стоящей, на берегу Рыбы-озера (Каллавеси), къ сѣверовостоку отъ Куопіо, переѣзжаютъ въ этотъ городъ разстояніе около пяти верстъ черезъ озеро, лѣтомъ на лодкахъ, зимою на саняхъ. Но мнѣ довелось изъ Улеоборга ѣхать въ Куопіо ни лѣтомъ, ни зимою, а весною, въ рессорной одноколкѣ. На Каллавеси лежалъ еще ледъ, но не прочный; какъ же совершилась моя переправа? А вотъ какъ: съ одноколки сняли колеса и помѣстили ее на лодку. Взяты были весла, и всѣ перевозчики явились въ крѣпкихъ смазныхъ сапогахъ, съ голенищами за колѣни. Гдѣ ледъ былъ крѣпокъ, тамъ они шли по льду, таща лодку за собою, а гдѣ лодка погружалась въ воду, тамъ мои перевозчики вскакивали въ нее и дѣйствовали, смотря по обстоятельствамъ, то баграми, отпихиваясь отъ льдинъ, то веслами. Утреннее солнце ярко свѣтило и вода была спокойна, когда мы переѣзжали черезъ нее, дѣйствуя веслами; въ это время рулевой совѣщался съ однимъ изъ проводниковъ, которыхъ было болѣе, нежели веселъ; о чемъ же они совѣщались? Такса опредѣляетъ, сколько слѣдуетъ брать за зимній переѣздъ на лошади и сколько лѣтомъ за лодку съ гребцами; а тутъ надо бы взять больше, нежели по таксѣ, но сколько? какъ бы такъ, чтобъ никому не было ни накладно, ни обидно? Мое вмѣшательство скоро порѣшило вопросъ къ общему удовольствію. У моихъ честныхъ перевозчиковъ не было ни малѣйшаго поползновенія воспользоваться особеннымъ случаемъ и запросить хорошую плату за нелегкій трудъ.

Подъ одною широтою съ Куопіо, на берегу Ботническаго залива, находится городъ *Николайстадъ*, или Новая Ваза, главный городъ Вазаской губерніи. Старый городъ Ваза лежитъ въ глубинѣ залива; въ его городскомъ саду у одного холма былъ причалъ для лодокъ, въ то время, когда весь нынѣшній садъ былъ еще морскимъ дномъ, т. е. при основаніи города, въ началѣ XVI столѣтія; а теперь море ушло уже оттуда далеко! Торговое мореходство боролось съ обмеленіемъ, прокапывая фарватеръ; но когда пожаръ въ 1852 году истребилъ почти весь городъ Вазу, тогда рѣшено построить новый городъ на новомъ мѣстѣ, гораздо ближе къ морю, и назвать его городомъ Николая—Николайстадомъ. Теперь въ немъ считается жителей до пяти тысячъ человѣкъ. Итакъ этотъ городъ стоитъ на переходѣ отъ большихъ городовъ къ малымъ. Въ перечисленныхъ нами восьми городахъ, вмѣстѣ съ крѣпостью Свеаборгомъ, помѣщается семьдесятъ три процента всѣхъ городскихъ жителей края, въ остальныхъ тридцати городахъ

двадцать семь процентовъ этого числа, т. е. менѣе сорока девяти тысячъ человѣкъ. Не задаемся перечисленіемъ всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, а поговоримъ лишь о замѣчательнѣйшихъ между ними, придерживаясь все того же порядка, т. е. переходя отъ большихъ къ меньшимъ.

Въ пяти городахъ считается отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, таковы: Борго, Тавастгусъ, Нюстадъ, Брагестадъ и Раумо.

Борго лежитъ къ востоку отъ Гельсингфорса, съ которымъ соединенъ желѣзною дорогою, а лѣтомъ ежедневнымъ пароходнымъ сообщеніемъ. Городъ стоитъ на берегу небольшой, но судоходной рѣки. Основаніе города, по предположеніямъ, относятъ лѣтъ за тысячу до нашего времени: но то былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, какіе строились въ нѣсколько дней: частоколъ да груды камней вокругъ большаго двора, а на немъ большая изба и нѣсколько землянокъ — вотъ и городъ! Въ исторіи значится, какъ Борго былъ не разъ во время войнъ опустошаемъ и разоряемъ, потомъ опять отстраивался. Съ 1721 года городъ пріобрѣлъ новое значеніе: сюда перенесена епископія изъ Выборга; съ тѣхъ поръ она тутъ и остается. Въ 1809 году въ Борго собирался первый финляндскій сеймъ; а позднѣе того Борго прославился тѣмъ, что въ немъ жилъ поэтъ Рунебергъ, котораго и могила находится недалеко отъ Борго.

Родина Лепрота.

Рисунокъ финляндскаго художника Мустерьельма представляетъ часть города *Тавастгуса*, на берегу озера Ва̀ная. Двухъ-этажные дома на мысу — это казармы расположеннаго здѣсь войска. Направо отъ нихъ возвышается зданіе старинной крѣпости, доставляющей и теперь занятіе войску, такъ какъ тавастгусская крѣпость служитъ теперь тюрьмою для арестантовъ, приговоренныхъ по суду къ тюремному заключенію. Губернаторъ Ребиндеръ употребилъ эту силу съ пользою для украшенія города устройствомъ превосходнаго парка, изъ котораго снятъ этотъ видъ, и для постройки одной изъ пригородныхъ дорогъ. Въ свое время, въ тринадцатомъ столѣтіи, тавастгусская крѣпость сослужила важную службу Шведамъ упроченіемъ ихъ власти надъ Емью; въ наше время военная крѣпость въ Тавастгусѣ не нужна для войны, но сама мѣстность не лишена военнаго значенія, которое увеличивается еще тѣмъ, что близъ Тавастгуса находится обширное поле, называемое Па̀рола, на которомъ удобно можетъ манезрировать цѣлая армія, а это большая рѣдкость въ такомъ краю, какъ Финляндія, гдѣ такихъ обширныхъ равнинъ мало. Тавастгусъ — губернскій городъ.

По числу жителей соперничаетъ съ Тавастгусомъ *Нюстадъ*—Нейштадъ—Финляндскій Новгородъ, на берегу Ботническаго залива, въ виду Оландскаго моря-архипелага. Въ этомъ городѣ заключенъ былъ Ништатскій миръ со Шведами при Петрѣ Великомъ (въ 1721 году). Финны его называютъ по-фински Усика̀упунки, что значитъ «новый городъ». Значеніе Новгорода-Нюстада опредѣляется обширностію его морской торговли.

Уступая Нюстаду на пятьсотъ человѣкъ своею населенностью, *Брагестадъ* соперничаетъ съ нимъ значительностью своей торговли произведеніями лѣсопромышленности, скотоводства и рыбной ловли. Названіе указываетъ на его основателя, того графа Петра Браге (Brahe), который основалъ и финляндскій университетъ; городъ былъ построенъ имъ на землѣ, подаренной ему королевою Христиной.

Городъ Фридрихсгамъ замѣчателенъ своимъ военнымъ училищемъ, которое содержится на финляндскія средства и служитъ для приготовленія въ немъ офицеровъ изъ Финляндцевъ. Всѣхъ учащихся въ немъ бываетъ обыкновенно сто восемьдесятъ. По производствѣ въ офицеры

они обыкновенно поступаютъ на службу въ разные полки россійской арміи и многіе изъ нихъ успѣли уже заслужить въ нихъ почетную извѣстность (о преобразованіи этого училища сказано уже при описаніи Выборга). Кромѣ того, многіе финляндцы и финляндки воспитываются, на средства финляндской казны, въ разныхъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, представители Финляндіи заключали «свой *кровный союзъ* съ Россіею и съ русскимъ народомъ», жертвуя своею жизнью для общихъ имъ цѣлей, для одолѣнія общихъ враговъ государства, состоящаго изъ Имперіи и Княжества, называемаго Великимъ, подъ скипетромъ общаго имъ Самодержца.

Отъ трехъ до двухъ тысячъ жителей считается въ пяти городахъ: *Фридрихсгамъ*, *Кристинестадъ*, *Ловизъ*, *Якобстадъ* и *Гамле-Карлебю*. Все это города приморскіе: *Фридрихсгамъ*, правильнѣе *Фредриксгамнъ* и *Ловиза* находятся на берегу Финскаго залива, а прочіе три въ Вазаской губерніи, на берегахъ Ботническаго залива.

Между городами съ населеніемъ менѣе двухъ тысячъ человѣкъ находится одинъ и губернскій, именно *Мѝкель*, называемый иначе Санкт-Михелемъ; въ немъ жителей не болѣе 1500 чел. Шведы и Финны называютъ его Микели, причемъ Финны ставятъ удареніе на первомъ, а Шведы на второмъ слогѣ.

По числу жителей уступаетъ Микелю *Нюслотъ*, иначе Нейшлотъ, а по-фински *Сàвонлѝнна*; шведское названіе означаетъ «новый зàмокъ», а финское состоитъ изъ двухъ словъ: Саво—названіе области: по-шведски Саволаксъ, по-русски Заволочье, а слово *линна* значитъ зàмокъ. Въ свое время это была очень сильная крѣпость, остатки которой еще сохранились; современемъ эта Савонлинна будетъ важна для торговли, по своему положенію въ центрѣ Сайминскаго многоозерья.

Сѣверозападный берегъ Ладожскаго озера причисляется къ Выборгской губерніи; но лѣтомъ находится въ особенно оживленныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ: по Невѣ да по Ладожскому озеру тогда безпрерывное движеніе на судахъ парусныхъ и паровыхъ. Два пассажирскіе парохода совершаютъ правильные рейсы между С.-Петербургомъ и Сердоболемъ, уѣзднымъ городомъ Выборгской губерніи, заходя по дорогѣ въ разныя другія мѣста, между прочимъ и на тѣ два острова, на которыхъ находятся русскіе монастыри, привлекающіе множество богомольцевъ и вообще посѣтителей—Коневецъ и Валаамъ, первый на пути между С.-Петербургомъ и городомъ Кексгольмомъ, второй между этимъ послѣднимъ и Сердоболемъ. Кромѣ четырехъ названныхъ мѣстъ, пароходы останавливаются и еще у нѣкоторыхъ другихъ—то для спуска или принятія пассажировъ, то ради перевозки товаровъ, хотя для этой цѣли болѣе служатъ парусныя суда. По численности жителей Кексгольмъ и Сердоболь ничтожные города: первый изъ нихъ въ 1875 году имѣлъ 1150, а второй только 655 жителей. При всемъ томъ городъ Сердоболь обладалъ пароходомъ въ 90 силъ, а Кексгольмъ 8-ю парусными судами.

Русское названіе города Кексгольмъ передѣлано изъ шведскаго Чексгольмъ, а это послѣднее изъ финскаго Кекисальми, чтò значитъ «кукушкинъ островъ». Городъ обнимаютъ съ трехъ сторонъ два устья Вокши, а съ востока Ладожское озеро. Встарину тутъ была крѣпость, остатки которой еще и теперь можно видѣть, а отъ старожиловъ услышите разсказъ, переносящій насъ за 80 лѣтъ назадъ и еще гораздо далѣе.

Въ началѣ своего царствованія императоръ Александръ Павловичъ былъ въ Кексгольмѣ и тамъ посѣтилъ въ крѣпости одного арестанта, привезеннаго туда въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Императоръ Александръ долго наединѣ бесѣдовалъ съ этимъ заключеннымъ, вышелъ отъ него, проливая слезы, и повелѣлъ улучшить его помѣщеніе и содержаніе, которое и прежде того было совсѣмъ не арестантское, а гораздо лучшее; кромѣ того была предоставлена ему свобода гулять, гдѣ ему угодно.—Старикъ еще прожилъ нѣсколько лѣтъ и пользовался дарованною ему свободой гулять не въ крѣпости, а по берегамъ рѣки,

или озера; но онъ не сблизился ни съ кѣмъ изъ жителей и унесъ въ могилу тайну своего имени.

Большая часть остальныхъ финляндскихъ городовъ, имѣющихъ менѣе двухъ тысячъ и менѣе одной тысячи человѣкъ, не заслуживаетъ вниманія. Мы можемъ однакоже упомянуть еще о трехъ изъ нихъ: Нодендалѣ, Маріегамнѣ и Гангё.

Городокъ Нодендаль находится недалеко отъ Або, на берегу моря; онъ былъ въ пятнадцатомъ столѣтіи знаменитъ своими монастырями, на что указываетъ и его названіе nåden-dal· долина милости. Монастырей было два: мужской доминиканскій и женскій Святой Бригиты; отъ обоихъ осталась только одна главная церковь женскаго монастыря; прочія монастырскія зданія давно снесены, да и самая церковь, опустошенная пожаромъ, долго стояла въ видѣ развалины; теперь она, уже давно исправленная, служитъ церковью для лютеранскаго прихода города Нодендаля съ ближними окрестностями. Народонаселеніе его до 1870 года все уменьшалось и дошло отъ 750 въ 1805 году до 606 въ 1840 г. и наконецъ до 450 въ 1870 г., а теперь въ немъ опять уже до пятисотъ человѣкъ постоянныхъ жителей. Лѣтомъ городокъ оживляется пріѣздомъ сюда посѣтителей, желающихъ пользоваться нодендальскими морскими купаньями, которыя считаются самыми лучшими въ Финляндіи, особенно полезными для золотушныхъ. Кромѣ того, Нодендаль долго считался замѣчательнымъ по своей малости; не было въ Финляндіи другого города съ такимъ небольшимъ числомъ жителей, какъ Нодендаль; но теперь, съ основаніемъ новыхъ городовъ, онъ потерялъ и это свое отличіе: въ Нодендалѣ всѣхъ жителей около пяти сотъ, а въ *Маріегамнѣ* (Mariehamn) и того менѣе — около четырехсотъ. Этотъ послѣдній городъ находится на южномъ берегу острова Оланда, и названъ такъ въ честь Императрицы Маріи Александровны.

Еще моложе и еще меньше его городъ *Ганге* (Hangö) или *Ханко*, возникшій вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги къ самому южному пункту Финляндіи. Но молодое растетъ скорѣе стараго; а потому и не будетъ удивительно, если черезъ годъ или два Нодендаль опять сдѣлается по числу жителей наименьшимъ городомъ Финляндіи. Въ пятилѣтіе съ 1870 по 1875 годъ число жителей въ Нодендалѣ увеличилось на тринадцать, а въ Маріегамнѣ на сто человѣкъ. Если во второе пятилѣтіе приростъ народонаселенія будетъ совершаться такъ же, какъ и въ первое, то уже эти два города сравняются по числу жителей; а въ Ханко и въ 1875 году было жителей уже только на 28 человѣкъ менѣе, нежели въ Маріегамнѣ.

О быстромъ возрастаніи городскаго народонаселенія въ Финляндіи можно заключить изъ слѣдующихъ цифръ:

Годы.	Число городовъ.	Жителей въ нихъ.	Какой процентъ общаго народонаселенія жилъ въ городахъ
1805	29	55,000	4,00
1840	30	84,599	5,85
1865	33	123,119	6,68
1879	40	175,000	8,75

Финляндія теперь живетъ жизнію молодаго, развивающагося существа: ея народонаселеніе въ семьдесятъ лѣтъ удвоилось, и въ то же время возникло много городовъ, а развалинъ находится очень мало: что отживаетъ свое время, то лишь измѣняется, а не дѣлается развалиною: живетъ, хоть въ иномъ видѣ. Такъ, напр., до 1809 года существовала русская крѣпость *Давыдовъ;* потомъ она за ненадобностію упразднена; на мѣстѣ ея оставалась только почтовая станція, называемая Давидстадомъ (стадъ, или правильнѣе *ста*, потому что это *д* не произносится, значитъ: «городъ»). Спрашиваете: «гдѣ же городъ, если это Давидста?» Отвѣчаютъ: «городъ упраздненъ вмѣстѣ съ крѣпостью.» Спросите: «да развѣ не осталось и слѣдовъ отъ

того города?» Отвѣтятъ: «да кому же и на что нужны эти слѣды? если былъ какой кирпичъ, такъ могъ пойти на новыя постройки, валы жь осыпались да вмѣстѣ съ бывшими канавами поросли травой забвенія! Городъ Давыдовъ былъ пограничною крѣпостью, а съ уничтоженіемъ границы къ чему тутъ крѣпость? Теперь тутъ проходитъ желѣзная дорога и на ней станція носитъ имя «Давидста»: память города Давыдова сохранилась только въ именахъ станцій почтовой да желѣзнодорожной. Но есть и въ Финляндіи, хоть въ видѣ исключительной рѣдкости, дѣйствительныя развалины: слѣды зданій, утратившихъ свой прежній смыслъ, но еще не поглощенныхъ наплывомъ новой жизни: таковы развалины *Расеборья*, иначе Расеборга, въ Нюландской губерніи. Они замѣчательны, какъ своего рода рѣдкость въ Финляндіи: остатки зданій, бывшихъ населенными, а теперь оставленныхъ и запустѣлыхъ,—развалины въ странѣ, гдѣ такъ мало развалинъ.

Расебергъ

На прощанье съ городами и селами Финляндіи остается намъ осмотрѣть еще одно мѣсто, гдѣ нѣтъ ни города, ни села, а только хуторъ — это родина одного изъ замѣчательныхъ Финляндцевъ. Мѣстность эта находится въ западномъ углу Нюландской губерніи, въ приходѣ Самати. Горный хребетъ, проходящій отъ рѣки Куио къ верховью Ванды, заслоняетъ эту мѣстность отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Другой хребетъ, по которому, во всю его длину, проходитъ желѣзная дорога отъ станціи Хювинки до самой южной точки Финляндіи—до Ханки (Гангэудда), защищаетъ эту мѣстность отъ юговостока и тѣмъ самымъ отъ холодныхъ дуновеній съ моря, замедляющихъ приходъ весны въ Гельсингфорсѣ. Вдоль западнаго склона этого кряжа, носителя желѣзной дороги, тянется цѣпь озеръ, соединенныхъ протоками чистыхъ водъ, которые какъ бы задумчиво, съ остановкою въ каждомъ плесѣ-озерѣ, бѣгутъ въ Финскій заливъ къ городу Экнесу (Экнесъ значитъ: Дубовый мысъ). Эта мѣстность самая теплая въ цѣлой Финляндіи: здѣсь растутъ такія деревья и травы, которыя не переносятъ суровости климата въ другихъ частяхъ Финляндіи. Лѣсовъ много, а болотъ мало; потому не бываетъ и утренниковъ, побивающихъ недозрѣлый хлѣбъ, а всегда бываетъ урожай, то большій, то меньшій: но неурожая никогда. На берегу озера цѣла еще та хижина, въ которой жилъ бѣдный деревенскій сапожникъ Ленротъ (Lönrot), отецъ того скромнаго труженика, котораго теперь уже чтитъ вся Финляндія и, конечно, никогда не забудетъ. Подобно многимъ другимъ бѣднякамъ, Илья Ивановичъ Ленротъ успѣлъ пройти весь путь науки и сдѣлался докторомъ медицины, потомъ назначенъ провинціальнымъ, т. е. уѣзднымъ лекаремъ въ городъ Каяну. Но славу свою онъ пріобрѣлъ не какъ медикъ, а какъ ученый, спасшій отъ забвенія памятники финскаго поэтическаго чувства и творчества, а также финскаго ума. Его примѣру подражали и другіе собиратели, но они лишь дополнили кое-что: главное все собралъ Ленротъ. Собраніе миѳологическихъ пѣсенъ приведено въ такой порядокъ, что составляетъ эпопею, называемую *Ка̀левалой*. Огромное собраніе разнообразныхъ пѣсенъ, собранныхъ и изданныхъ Ленротомъ, называется *Ка̀нтелетаръ*, отъ имени музыкальнаго инструмента, называемаго «Ка̀нтела». Ленротъ записалъ не только слова, но и напѣвы. Собраніе финскихъ поговорокъ и пословицъ—одно изъ богатѣйшихъ въ своемъ родѣ. Теперь, уже съ 1862 года состоя въ отставкѣ, какъ заслуженный профессоръ университета, Ленротъ дѣятельно трудится надъ своимъ «толковымъ словаремъ финскаго языка». Илья Ивановичъ Ленротъ невольно напоминаетъ нашего Владиміра Ивановича Даля, который, начавши свою службу мичманомъ нашего черноморскаго флота, потомъ прослушалъ въ Дерптскомъ университетѣ полный курсъ наукъ и сдѣлался докторомъ медицины,

да, состоя въ этой должности, занимался, подобно Ленроту, собираніемъ пословицъ и поговорокъ, печаталъ и свои бойкіе разсказы, и учебникъ ботаники, а наконецъ составилъ и издалъ «Толковый словарь великорускаго языка». Ленротъ былъ счастливѣе Даля тѣмъ, что у Кареловъ нашелъ свою Калевалу. Вотъ за что вся Финляндія чтитъ своего Ленрота!

Хотя этотъ очеркъ посвященъ собственно описанію городовъ, но мы не можемъ не упомянуть здѣсь о томъ, что и въ Финляндіи есть мѣстности, занимающіяся такими промыслами, которые считаются принадлежностью городовъ. Назовемъ одну изъ такихъ мѣстностей, напримѣръ, *Фискарсъ*—имѣніе, принадлежащее фамиліи Юлинъ. Оно находится еще въ Нюландской губерніи, но уже близъ границы абовской. Пароходы на пути между Гельсингфорсомъ и Або останавливаются у Фискарса, котораго стальныя и желѣзныя издѣлія славятся не только во всей Финляндіи, но и въ Россіи, а также и въ Германіи. Для любопытнаго путешественника найдется много предметовъ, достойныхъ вниманія, на фабрикахъ и заводахъ Фискарса, а въ его окрестностяхъ немало мѣстъ, замѣчательныхъ по своей красотѣ. Фискарсъ для Финляндіи то же, что Шеффильдъ для Англіи.

С. Барановскій.

Островъ башни Грохару.

ОЧЕРКЪ VI.

ПОЛЯРНАЯ ФИНЛЯНДІЯ.

[illegible]

Вотъ пойду туда, на скалы
На высокія, крутыя!
Стрѣлъ возьму съ собою длинныхъ,
Съ заостренными концами
Настрѣляю тамъ оленей
[illegible]
Да тогда ужъ справлю свадьбу
И отрадное веселье.

[illegible]

Видъ въ Полярной Финляндіи.

Самая сѣверная, собственно Полярная Финляндія представляетъ край, хоть мало населенный, но вполнѣ достойный вниманія. Полярною Финляндіею называемъ всю страну, лежащую за полярнымъ кругомъ, на 400 верстъ къ сѣверу отъ него. Политическія границы этого края сложились какъ-то странно и невольно возбуждаютъ мысль о ихъ измѣненіи къ лучшему. По лѣвому берегу Муоніо, составляющей границу между Швеціей и Финляндіей, простирается обширная полоса земли до горъ, отдѣляющихъ эту послѣднюю отъ Норвегіи; а немногимъ западнѣе Гельсингфорскаго меридіана отдѣляется отъ этихъ Норвежскихъ горъ рядъ возвышенностей, который, переходя съ сѣвера на югъ, достигаетъ рѣки Муоніо подъ 68° широты. Сѣверозападный уголъ Финляндіи, выдающійся между Швеціей и Норвегіей, было бы такъ естественно передать во владѣніе, напримѣръ, хоть Норвегіи — въ обмѣнъ за небольшое пространство земли на сѣверовостокѣ. Тамъ изъ большаго озера Энаре вытекаетъ рѣка Патси, которая впадаетъ въ незамерзающій заливъ Сѣвернаго океана, называемый Варяжскимъ моремъ. При устьѣ Патси стоитъ старинная русская церковь Бориса и Глѣба, въ виду небольшаго острова — который немногимъ болѣе полувѣка принадлежитъ Норвежцамъ!... Для Финляндіи чрезвычайно важный, жизненный вопросъ: хоть небольшою землицей дотянуться до Сѣвернаго океана! Но отъ кого изъ сосѣдей добыть эту землицу: отъ Норвегіи, или

отъ Архангельской губерніи? По топографическимъ условіямъ лучше бы отъ Норвегіи—въ обмѣнъ за обширное пространство земли къ сѣверовостоку отъ Муоніо. Но согласится ли Норвегія поступиться хоть небольшою частицей той земли, которою она такъ дорожитъ, хотя и пріобрѣла ее, какъ извѣстно, очень дешево? Если бы возможно было вымѣнять отъ Норвегіи для Финляндіи тотъ небольшой лоскутокъ земли, на которомъ находятся слѣды села Столбова, извѣстнаго по Столбовскому миру, то конечно и отъ Архангельской губерніи можно бы отмежевать къ Улеоборгской небольшую землицу, по которой Финляндія могла бы устроить свое удобное, правильное сообщеніе съ Сѣвернымъ океаномъ. Сама природа страны тутъ указываетъ путь: отъ выхода Патси изъ озера Энаре на югъ и черезъ Соданкюля до Улеоборга.

Каждый мыслящій патріотъ Финляндскій непремѣнно пожелаетъ своему Великому Княжеству достигнуть незамерзающихъ береговъ Сѣвернаго океана, которыхъ природа ничѣмъ не отдѣлила и не удалила отъ Финляндіи, а странный рокъ сдѣлалъ для нея недоступными. Стремленіе Финляндіи въ этомъ направленіи уже безмолвно проявляется тѣмъ, что постепенно и постоянно увеличивается на берегахъ Варяжскаго залива число Финновъ, переселяющихся туда изъ Финляндіи для того, чтобы тамъ усерднымъ трудомъ доставлять себѣ изъ незамерзающаго моря средства для жизни, болѣе обильныя, нежели тѣ, которыя можетъ доставить земля, большую часть года покрытая снѣговыми сугробами.

Если бы совершилась такая перемѣна границъ Улеоборгской губерніи, то весь характеръ Полярной Финляндіи сильно измѣнился бы въ немногіе годы: тутъ явились бы и городъ, и рядъ поселеній вдоль дороги черезъ Соданкюлъ: и на этомъ пути было бы сильное товарное движеніе: что люди достаютъ на Сѣверномъ океанѣ, такъ близкомъ отъ Улеоборга, теперь можетъ доставляться въ этотъ городъ неиначе, какъ объѣздомъ вокругъ всего Скандинавскаго полуострова; а этотъ морской путь почти въ пятнадцать разъ длиннѣе прямаго сухопутнаго—между часовнею Бориса и Глѣба и городомъ Улеоборгомъ.

Но возвратимся къ нынѣшнему, настоящему положенію Полярной Финляндіи. Она состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей; южная представляетъ обширный четвероугольникъ, составляющій рѣчную область Кеми, окруженный со всѣхъ сторонъ горными хребтами; за самымъ высокимъ изъ нихъ, за сѣвернымъ, находится склонъ къ Варяжскому заливу, составляющій по большей части область озера Энаре. Въ этой сѣверной части преобладаетъ лопарское населеніе; въ южной финское, съ которымъ по всей вѣроятности сольется современемъ и лопарское, состоящее съ финскимъ въ племенномъ родствѣ и слишкомъ малочисленное для того, чтобы сохранить свою обособленность, когда съ нимъ смѣшается болѣе многочисленное населеніе пришельцевъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятся и всѣ прежнія условія жизни.

Сами себя Лопари называютъ *Садме* или *Саме:* слово, и звукомъ и значеніемъ сходное съ словомъ *Су́оми* или Сумь, которое стало теперь общимъ именемъ для всѣхъ Финновъ, а также и съ названіемъ «Самоѣдовъ», которые по племени и языку оказываются ближайшими къ Лопарямъ. Послѣднее названіе, заимствованное изъ финскаго языка, значитъ «крайній» или «послѣдній». Но кому же охота быть послѣднимъ? а потому и естественно, что никто изъ Лопарей не хочетъ называться этимъ именемъ ни въ Финляндіи, ни въ Россіи, ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи: они-де совсѣмъ не Лопари, а *Саме*, и земля ихъ совсѣмъ не Лапландія, а «Саме-эднамъ!»

Норвежцы свою часть Саме-эднамъ называютъ Финнмаркеномъ, а Лопарей Финнами, Финновъ же называютъ *Квенами*, т. е. не болотняками, а озерниками.

Было время, когда Лопари были дѣйствительно крайними, а теперь давно уже *всѣ* окраины земли ихъ заняты новыми насельниками, оттѣснившими ихъ отъ морскаго берега: въ настоящее время на востокѣ почти всѣ поморы—Русскіе, на сѣверѣ и на западѣ Норвежцы или Финны, на югѣ Шведы или Финны, а поморовъ-Лопарей очень мало. Большое озеро Энаре (по-шведски), Инари (по-фински), Анара (по-лопарски) находится на серединѣ Саме-эднамъ, но и тутъ уже

начинаютъ появляться финскіе поселки. Кромѣ того, и сами Лопари, вступая въ брачные союзы съ Финнами, мало-по-малу вырождаются въ настоящихъ Финновъ. Это вырожденіе составляетъ, конечно, одну изъ причинъ, почему число Лопарей возрастаетъ въ меньшей мѣрѣ, нежели сосѣднихъ съ ними Финновъ, Шведовъ и Норвежцевъ. Въ предѣлахъ Финляндіи число Лопарей съ 1852 года значительно уменьшилось: въ 1860 году ихъ считалось еще 811, а въ 1875 уже не болѣе 625. Чѣмъ же объясняется это уменьшеніе? никакъ не вымираніемъ, а выселеніемъ Лопарей въ Норвегію.

Лопарей считалось въ Швеціи въ 1845 году 5,792, въ 1870 г. 6,702; въ Норвегіи же въ 1845 г. 14,464, а въ 1870 г. 17,178. Всѣхъ Лопарей теперь не будетъ и двадцати семи тысячъ, считая вмѣстѣ съ русскими и финляндскими. Изъ этихъ данныхъ очевидно, что племя Лопарей не вымираетъ, а уменьшеніе его въ однихъ мѣстахъ соотвѣтствуетъ увеличенію въ другихъ.

Еще заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее обстоятельство: многіе утверждали, да и теперь еще утверждаютъ, будто Лопари занимали когда-то не однѣ только сѣверныя страны Европы къ западу отъ Бѣлаго моря, а всю Финляндію и весь Скандинавскій полуостровъ. Конечно, правда, что Саме-эднамъ была прежде обширнѣе, хоть, конечно, и пустыннѣе, нежели теперь; но мнѣніе, будто Лопари жили когда-то во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ названіяхъ мѣстностей встрѣчается *лопп-* или *лапп-*, — должно быть признано совершенно невѣрнымъ, какъ основанное на одномъ сходствѣ звуковъ. Какъ въ финскомъ языкѣ слово «лоппу» — *конецъ*, такъ и въ шведскомъ слово «лаппъ» — *кусокъ*, употребляются часто безъ всякой мысли о Лопаряхъ, почему и неудивительно, что эти звуки встрѣчаются въ собственныхъ именахъ не только тамъ, гдѣ могли быть Лопари, но и тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало.

У Лопарей сохранилось преданіе, будто ихъ предки когда-то пришли въ свою нынѣшнюю страну съ далекаго востока.

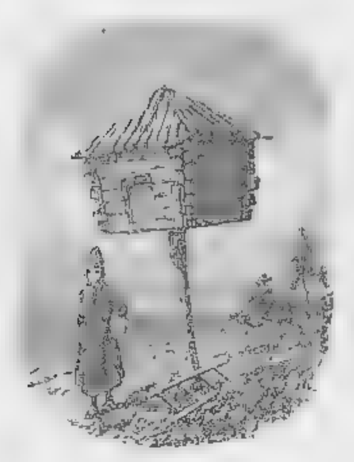
И дѣйствительно весьма вѣроятно, что при движеніи финскаго племени изъ Азіи въ Европу предки нынѣшнихъ Лопарей составляли правое крыло, самую сѣверную струю этого народнаго потока и двигались они все вдоль сѣвера, такъ что въ землѣ единоплеменныхъ съ ними Самоѣдовъ Лопари были ихъ передовымъ полкомъ; заняли наконецъ западную часть своей Саме-эднамъ, восточную часть которой занимаютъ ихъ братья Само-эды, сохранившіе свое имя, перешедшее въ русскую письменность, съ перемѣною правописанія одной буквы: *ѣ* вмѣсто *э*.

Вѣроятнымъ кажется, что Лопари, уже за нѣсколько времени до Рождества Христова: пришли въ свою нынѣшнюю родину, будучи еще настоящими дикарями: у нихъ было только одно домашнее животное — собака и питались они только дичью. Впослѣдствіи, уже здѣсь, научились они приручать оленей и сдѣлались номадами, кочевниками, а еще позднѣе стали знакомиться съ земледѣліемъ и начали привыкать къ осѣдлой жизни. По всей вѣроятности, они были первыми населителями края, первыми людьми въ этихъ странахъ.

Въ наше время между Лопарями есть уже и земледѣльцы, хотя въ очень небольшомъ числѣ много рыболововъ; но главный кормилецъ Лопаря—олень.

По роду жизни, Лопари называются горными, рыболовами, лѣсными и пр. Вотъ *Пьялла*, т. е. весенній и осенній домъ горныхъ Лопарей, сколоченный изъ плахъ или досокъ, утвержденный на стволѣ срубленнаго дерева, такъ высоко для того, чтобы въ него не могли забираться какіе-нибудь звѣрьки. Хозяинъ живетъ въ этомъ домѣ только весною да осенью; лѣтомъ онъ съ своими оленями удаляется на горы, туда, гдѣ уже нѣтъ деревьевъ, но вдоволь моху, составляющаго главную пищу оленя. Тамъ у самокъ родятся и выростаютъ ихъ телята, обыкновенно у матки по одному, рѣдко по два. Въ то время какъ женщины доятъ оленей, мужчины держатъ ихъ. Вся семья пьетъ оленье молоко, а на зиму изъ него приготовляютъ сыръ. Лѣтомъ на горахъ всѣмъ хорошо, потому что не такъ жарко, какъ въ долинахъ; да главное, тамъ, на горахъ, нѣтъ комаровъ, мошекъ и оводовъ—этихъ страшныхъ мучителей и человѣка, и оленя. Зимою Лопарю лучше жить въ своей долинѣ, надъ рѣкою; между горъ больше защиты отъ стужи а мохъ

и тамъ растетъ. У оленя до такой степени развито чутье, что онъ и сквозь глубокій снѣгъ знаетъ, есть ли у него подъ ногами его пища — мохъ, или же нѣтъ; если случится остановиться на льду, то люди могутъ скоро узнать о томъ по своимъ оленямъ; гдѣ есть мохъ, тамъ олени тотчасъ примутся раскапывать снѣгъ, чтобъ добраться до своей пищи, а гдѣ олени не роютъ снѣга, тамъ значитъ не земля, а рѣка или озеро. Иногда, (по счастію рѣдко), случается въ началѣ зимы оттепель, снѣгъ таетъ; потомъ, при наступленіи морозовъ, вся земля обледенѣетъ; снѣгомъ покроется ледъ, но олень и сквозь ледъ чуетъ легкій запахъ моху, а добраться къ нему черезъ толстый ледъ не можетъ, и что еще хуже, стараясь пробить ледъ, олень портитъ свои копыта, и ему послѣ того приходится умирать голодною смертью, если хозяинъ не сможетъ прокормить его хоть тѣмъ мхомъ, который онъ для оленя достаетъ съ деревьевъ; но ягели, растущія на деревьяхъ, и не такъ вкусны, и не такъ питательны, какъ настоящій олеій мохъ; къ тому же безъ помощи хозяина олень самъ не можетъ доставать себѣ эту пищу съ деревьевъ. Вотъ почему въ такіе годы много оленей пропадаетъ отъ голода.

Ньяла.

Олеій падежъ — истинное несчастіе для Лопарей, главная пища которыхъ состоитъ изъ оленины. Лопари убиваютъ оленя ножемъ въ сердце, причемъ кровь изъ сердца вытекаетъ во внутреннія полости животнаго и потомъ употребляется въ пищу. Кожа снимается и служитъ для разныхъ цѣлей—для приготовленія одежды, домовъ или палатокъ и для обивки или покрытія саней. Кости изъ мяса вынимаются, а мясо сберегается или мерзлымъ, или копченымъ, или вяленымъ. Молодые оленьи рога тоже употребляются въ пищу; олени каждый годъ роняютъ свои старые рога, а на мѣсто ихъ выростаютъ новые, которые, пока они еще молоды, бываютъ мягки и годны въ пищу. Сушеньемъ и вяленьемъ заготовляется и рыба; солятъ же Лопари немного и вообще мало издерживаютъ соли; зато кофе такъ пьютъ обыкновенно съ солью, — такъ ужь и варятъ его съ солью. Если бы хозяйка не положила соли въ кофе, то ее обвинили бы въ томъ, что она не умѣетъ приготовлять кофе. Къ кофе подаются и молоко, и сыръ, хоть невсегда, изрѣдка и хлѣбъ, изготовляемый въ видѣ коржей или твердыхъ лепешекъ, какъ и во всей Финляндіи; обыкновенно же кофе пьютъ съ оленьимъ мясомъ — жаренымъ, вареннымъ, копченымъ или вяленымъ. Сырого мяса Лопари теперь уже не ѣдятъ.

Лопари за кофе.

Кофе — обыкновеннѣйшій напитокъ всѣхъ Лопарей обоего пола, и нельзя не признать счастьемъ для народа, что такое всеобщее употребленіе кофе явилось для мѣстнаго духовенства пособіемъ къ тому, чтобы отучить Лопарей отъ пьянства, которое было прежде между ними очень распространено и дѣлало народу много зла, а теперь уже встрѣчается довольно рѣдко.

Осенью начинается переселеніе Лопарей, причемъ разные пожитки большею частію навьючены на оленей. Люди бѣгутъ на лыжахъ: мужъ правитъ оленями, а у жены за спиною ихъ грудной ребенокъ. Съ дѣтства привыкая къ лыжамъ, Лопари бѣгаютъ на нихъ такъ шибко, что даже охотятся на лыжахъ за волками, гоняясь за ними до того, что волкъ, утомленный

бѣгомъ, падаетъ; тогда ему перебиваютъ спину, а потомъ докапчиваютъ его ножами; волкъ съ перебитой спиной ужь не убѣжитъ. У каждаго Лопаря на поясѣ длинная, крѣпкая палка, которою онъ опирается о землю, бѣгая на лыжахъ, и ловко бьетъ звѣря. Одежда изъ оленьихъ шкуръ (ближе къ тѣлу изъ мягкаго мѣха, а снаружи изъ хребтоваго) представляетъ легкую, но крѣпкую броню, которая защищаетъ и отъ волчьяго зуба, и отъ медвѣжьихъ когтей, а Лопарь, ежегодно убивающій десятки оленей, знаетъ, куда слѣдуетъ пырнуть ножемъ, чтобъ животное не долго трепетало. Въ старинной пѣснѣ, приведенной въ началѣ этого очерка, говорится объ острыхъ стрѣлахъ, но теперь объ нихъ только поется въ пѣсняхъ, въ дѣйствительности же луки да стрѣлы замѣнены ружьями да боевыми патронами, хотя, разумѣется, эти новѣйшія истреби тельныя орудія встрѣчаются не особенно часто.

Переселеніе Лопарей

Какъ сами Лопари, сравнительно съ нами, небольшаго роста, такъ и ихъ собаки не очень-то крупны, но проворны и сильны. Онѣ приносятъ много пользы своимъ хозяевамъ, напр. очень умѣло сгоняютъ оленей, когда нужно. Одинокій олень пугается лая собаки и бѣжитъ отъ нея всегда къ своему стаду; но какъ только добѣжалъ, тутъ уже не страшны ему ни собаки, ни волки; когда нужно, тутъ онъ и самъ кидается на нихъ, и тогда уже даже волку бываетъ не управиться съ оленемъ, который ловко дѣйствуетъ своими рогами; собака же, какъ только олень добѣгаетъ до стада, обыкновенно прекращаетъ свою погоню.

Разумѣется, собака — надежный помощникъ человѣка въ его погонѣ за медвѣдемъ, волкомъ, лисицей, росомахой. Въ нынѣшнемъ столѣтіи въ разныхъ частяхъ Саме-эднамъ война человѣка съ хищниками оканчивалась полнѣйшимъ истребленіемъ ихъ въ той мѣстности; но годъ, другой спустя являются тамъ новые представители этихъ хищниковъ, приходящіе изъ сосѣднихъ странъ; не каждому оленю удается отбиться отъ этихъ враговъ своихъ, остающихся нерѣдко побѣдителями, но люди тогда спѣшатъ на лыжахъ для защиты своихъ оленей, для истребленья ихъ враговъ. Удивительна неутомимость Лопарей, быстрота ихъ движеній и длина путей, пробѣгаемыхъ ими на лыжахъ — по нѣскольку десятковъ верстъ безъ остановки. Воротившись послѣ такихъ путешествій и наѣвшись до-сыта, Лопарь крѣпко засыпаетъ.

На берегу лопарскаго озера.

Обыкновенное лопарское жилище представляетъ усѣченный конусъ, составленный изъ кольевъ, обвѣшенный оленьими шкурами, шерстью наружу и сверху внизъ, повѣшенными по

направленіи шерсти, чтобъ вода легче сбѣгала съ нихъ. По серединѣ дымовое отверстіе, а подъ нимъ разводится огонь для приготовленія пищи и для теплоты, которая впрочемъ, благодаря широкому дымовому отверстію, не держится долго: улетаетъ вмѣстѣ съ дымомъ и замѣняется наружнымъ холоднымъ воздухомъ. Чтобы войти въ такую палатку, приподымается одна изъ кожъ, и человѣкъ собственно не входитъ, а влѣзаетъ туда, и не выходитъ, а вылѣзаетъ оттуда. Чтобы спать въ такомъ жилищѣ, ложатся по окружности такъ: голова одного начинается у груди другаго и всѣ спящіе вмѣстѣ образуютъ какъ бы кольцо, составленное изъ людей. Спятъ, разумѣется, въ шапкахъ и въ полной одеждѣ, чтобъ не страдать отъ холода, когда подъ утро дрова догорятъ, огонь погаснетъ, а холодному воздуху откроется невозбранный входъ черезъ дымовую отдушину.

Лопарское жилище.

Рядомъ съ жилищемъ всегда становятся тѣ распорки, на которыхъ вялится оленина. Эти распорки дѣлаются всегда одинаково: изъ трехъ березокъ, толстые концы которыхъ стоятъ на землѣ, а верхнія вѣтки устроены такъ, чтобъ на нихъ можно было прикрѣплять вялимую оленину или рыбу. Эти три березки соединены своими вершинами точно также, какъ соединяются ружья, поставленныя въ козлы.

Зимній видъ такого лопарскаго жилища ничѣмъ не отличается отъ лѣтняго. Конечно, оно не пространно, но тѣмъ хорошо, что легко и скоро можно собрать и уложить его для перевозки на другое мѣсто, да и тамъ также легко и скоро можно опять установить его. Подъ спящими, т. е. на землѣ внутри палатки, вокругъ ея стѣнъ, подостланы оленьи шкуры. И еще какое удобство: двери вездѣ! Одинъ изъ посѣтителей Лапландіи разсказываетъ объ одномъ обѣдѣ, въ которомъ участвующихъ было такъ много, что всѣ они ужь никакъ не могли помѣститься въ палаткѣ, а поэтому большая часть помѣстилась внѣ палатки, просунувъ подъ палатку только голову и руки: остальная же часть тѣла была внѣ палатки. Разумѣется, обѣдающіе не сидѣли, а лежали; почетнѣйшіе гости были совсѣмъ внутри палатки, между очагомъ и возлежащими участниками обѣда, на пояса которыхъ спускались полы палатки, состоящія изъ оленьихъ шкуръ. Оленины было вдоволь, жиру тоже.

По климатическимъ условіямъ, человѣку, который большую часть своей жизни проводитъ на такомъ сильномъ морозѣ, — необходимо для его здоровья обильное употребленіе жирной пищи. Путешественники, посѣщая такія холодныя страны, разсказываютъ про туземцевъ, что они обладаютъ удивительною способностью съѣдать и выпивать такое количество жиру отъ котораго у насъ не сдобровать бы никому, а тамъ для нихъ — это не только обыкновенное дѣло, а даже потребность! При недостаточномъ количествѣ сахаристыхъ веществъ, которыми бѣденъ сѣверъ, жителю холоднаго края необходимо принимать въ себя столько жиру, чтобъ ему было чѣмъ дышать, двигаясь и быстро двигаясь, не смотря на сильную стужу въ воздухѣ. Для удовлетворенія такой потребности не всегда бываетъ достаточно одного оленьяго жиру; а потому Лопарь и старается, по возможности, добыть себѣ какъ нибудь иначе потребное количество жирной пищи; одно изъ средствъ для того представляетъ рыбная ловля.

Лопарь охотно занимается рыбною ловлею, гдѣ только представляется для того случай. Если какое-нибудь несчастье, напримѣръ, падежъ, волки и т. д., обезоленитъ какого-нибудь хозяина, то онъ перестаетъ быть оленникомъ, становится рыбникомъ, поселившись у рыбной рѣки или озера. На берегахъ большаго озера Энаре (у насъ оно обыкновенно пишется такъ, со шведскаго), находятся нѣсколько поселковъ, лопарскихъ и финскихъ, жители которыхъ преимущественно рыболовы; у нихъ уже встрѣчаются настоящія жилыя избы и при нихъ огороды, на которыхъ разводится картофель, да въ видѣ роскоши—ячмень. Между домашними животными находятся уже и коровы, хотя очень рѣдко, по затруднительности запасать для нихъ кормъ на всю долгую зиму.

Почти вся финляндская Лапландія покрыта лѣсами сосенъ, елей, березъ; выше другихъ деревьевъ на горахъ и далѣе всѣхъ къ сѣверу растетъ малорослая береза; а еще дальше и еще выше, на горахъ, царствуетъ мохъ. Вся Саме-эднамъ гориста, въ финляндской тоже горъ не мало и съ нихъ шумно свергаются старые ворчуны — падуны съ перекатами, не всегда замерзающими и въ суровую зиму.

Въ такой-то природѣ живетъ добродушное, гостепріимное, говорливое, веселое племя народа Самехъ («Самехъ» множ. ч. отъ Саме). Знатокъ этого народа Кастре́нъ выражается объ немъ такъ: «Нравъ Лопаря вездѣ одинаковъ: похожъ на ручеекъ, текущій тихо, едва замѣтно. Когда встрѣчается ему на пути препятствіе, онъ уклоняется въ сторону, но все-таки приходитъ туда, куда ему надо. Нравъ Лопаря тихъ, миролюбивъ, уступчивъ. Больше всего онъ любитъ миръ; при встрѣчѣ первый вопросъ его: «мирно ли?» на прощанье онъ желаетъ мира; въ этой мирности его—все! Мать желаетъ своимъ дѣтямъ наслаждаться постояннымъ миромъ. Въ одномъ сказаніи говорится: «Хоть Саме-эднамъ намъ родная и не красива и бѣдна; но драгоцѣнность золотая глубоко въ ней заключена». Дѣйствительно, какое сокровище можетъ быть лучше того мирнаго спокойствія, которое отличаетъ Лопаря? Лишенный большей части благъ жизненныхъ, окруженный непреклонною природой, бѣдный до крайности, онъ обладаетъ завидною долей — сохранять всегдашнее спокойствіе духа и способность безропотно переносить всякое горе. Одно желанье у него, чтобъ не тревожили его миръ; самую счастливую жизнь онъ называетъ *мирною*».

У этихъ миролюбцевъ женщина пользуется особеннымъ почетомъ и вообще правами не менѣе мужскихъ, хоть, разумѣется, тутъ рѣчь именно о правахъ, а не о занятіяхъ, изъ которыхъ одни считаются болѣе приличными для мужчины, другія для женщины: борьба съ внѣшнею природою—дѣло мужчины, семейныя и домашнія занятія—дѣло женщины.

Въ финляндской Саме-эднамъ всѣ жители грамотны; въ норвежской они стоятъ еще на высшей степени образованности: изъ тамошнихъ Лопарей бывали, да и теперь есть учителя, капитаны, лекаря, пасторы, писатели, а между тѣмъ давно ли этотъ народъ былъ обращенъ въ христіанство? Русскими не ранѣе шестнадцатаго столѣтія, Шведами, Норвежцами и Финнами только въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ; но тутъ христіанство пришло съ обязательною грамотностью и съ изданіемъ библіи и церковныхъ книгъ на языкѣ лопарскомъ, что, разумѣется, благотворно отразилось на умственномъ и нравственномъ развитіи народа.

Финляндскіе Лопари освобождены отъ общей воинской повинности; право же посылать своего представителя на земскій финляндскій сеймъ дано и Лопарямъ, хотя они имъ еще и не пользовались: не собрались еще!

Въ заключеніе перескажемъ содержаніе одной изъ эпическихъ пѣсенъ Самеховъ. По-лопарски она вся написана стихами, изъ которыхъ для образца выписываемъ три слѣдующія строки:

Njabodajla, tiabbadalla,	т. е.	Увидала, запылала!
Njämositis njalgodalla,		На него кидаетъ взоры,
Vuojuomitis riilotalla.		Съ нимъ вступаетъ въ разговоры.

Кто же эта «красная дѣвица?» Это — дочь великана! а кто же такъ ей приглянулся? Это *Дневичъ*—главный герой поэтическаго сказанія, одинъ изъ славнаго рода *Дневны* (pijen neida), дочери дня или солнца. Этотъ родъ изобрѣлъ лыжи, приручилъ оленей и теперь онъ въ небѣ сіяетъ тѣми звѣздами, которыя у насъ называются созвѣздьемъ Оріона. Мать этого Днёвича сама вскормила его своею грудью, купала его, выростила сильнаго и могучаго. Когда онъ оттолкнулъ свою колыбель, то получилъ въ наслѣдство отъ отца крѣпкія мышцы; родительница же влила въ него силу знанія.

Возмужавши, Дневичъ отправляется на кораблѣ дальше солнца и мѣсяца, за далекія моря, въ страну великана, дочь котораго полоскала бѣлье въ то время, когда къ берегу подъѣзжалъ самъ Дневичъ на своемъ кораблѣ. Увидѣвъ его, она съ участьемъ говоритъ ему: «куда ты стремишься, малютка? чего тебѣ ждать отъ моего отца, какъ не смерти, отъ моихъ братьевъ, какъ не гибели? и чего тебѣ тутъ надо у насъ, у великановъ?» Дневичъ отвѣчаетъ, что онъ чуетъ въ себѣ силу для борьбы съ кѣмъ угодно. «А чего ищу я? ищу — усмирительницы бурь, ума, утишающаго гнѣвъ, вѣрной подруги на всю жизнь, совѣтницы при неудачахъ, помощницы въ борьбахъ, цѣлительницы въ горестяхъ сердечныхъ, утѣшительницы въ нуждѣ и въ печали, участницы въ ловѣ и въ охотѣ, знающей и другую лучшую жизнь!»

Дочери великана понравилась эта рѣчь, и она всячески содѣйствуетъ успѣху сватовства. Отецъ ея — представитель вещественной силы — слѣпъ. Слыша отъ своей дочери, что передъ нимъ стоитъ тотъ, кто хочетъ чтобъ она стала его женою, великанъ говоритъ, что хотѣлось бы ему прежде попробовать, крѣпки ли пальцы руки этого жениха. Дочь, ожидавшая этого говоритъ Дневичу, чтобъ онъ подсунулъ ея отцу большой корабельный якорь. Великанъ давнулъ его своею рукою, но не сломалъ и похвалилъ крѣпость жениховой руки. Потомъ получаетъ жениховы подарки, остается ими доволенъ и выдаетъ свою дочку замужъ за Дневича, послѣ чего молодой получаетъ отъ своего тестя и грузитъ на свой корабль богатое приданое: молодая жъ беретъ съ собою три волшебные короба. Скоро послѣ того, какъ они отъѣхали отъ берега, возвращаются ея братья съ китоловнаго промысла и, узнавши объ отъѣздѣ сестры, пускаются за нею въ погоню. Три раза они уже были близко отъ корабля, уносившаго ихъ сестру, но она каждый разъ отпирала одинъ изъ коробовъ и выпускала на нихъ такіе противные вѣтры, такія волны и токи, такіе громы и перуны, что братья никакъ не могли догнать своей сестры и ея разудалаго мужа; а когда наконецъ увидѣли, что тотъ корабль уже на своемъ, на солнечномъ берегѣ, то они съ досады окаменѣли, да и теперь стоятъ на берегу въ видѣ двухъ громадныхъ утесовъ, а та лодка, на которой гнались они, тоже окаменѣла и видна теперь, какъ скалистый островъ, о который яростно разбиваются волны морского прибоя.

С. Барановскій.

Стадо лопарскихъ оленей.

ОЧЕРКЪ VII.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ ФИНЛЯНДІИ.

Почтовая станція въ Финляндіи.

Естественныя и культурно-историческія особенности Финляндіи даютъ намъ право признать эту страну не только за отдѣльную культурно-историческую, но и за одну изъ отдѣльныхъ естественныхъ областей, на которыя мы для удобства обзора раздѣляемъ обширное пространство Россійской Имперіи.

Финляндская естественная область занимаетъ самый крайній сѣверо-западный уголъ Европейской Россіи къ границамъ Швеціи и Ботническому заливу. Съ сосѣднею на юго-востокѣ Озерною или Древне-новгородскою областью она имѣетъ сродство въ томъ, что столь-же богата, какъ и эта послѣдняя, озерами, въ физическомъ же своемъ строеніи обѣ области весьма различны. Въ Озерной области подпочва состоитъ изъ такъ называемыхъ осадочныхъ породъ: глинъ и богатыхъ окаменѣлыми раковинами плитняковъ, которые образовались въ видѣ осадковъ на днѣ морскомъ, въ весьма отдаленныя эпохи, извѣстныя въ геологіи подъ именемъ силурійской, девонской и каменноугольной. Породы эти прикрыты сверху болѣе или менѣе мощными толщами новѣйшихъ, такъ называемыхъ диллювіальныхъ осадковъ, чрезвычайно богатыхъ валунами, оторванными отъ финскихъ гранитныхъ скалъ, обтертыми и перенесенными на поверхность Озерной области движеніями льдовъ, центромъ образованія которыхъ была нынѣшняя Финляндія. Озера Озерной области, вслѣдствіе особенностей ея строенія, занимаютъ болѣе или менѣе округленныя, плоскоберегія котловины.

Совершенно иное строеніе имѣетъ поверхность Финляндіи. Здѣсь вся почва состоитъ изъ очень твердыхъ кристаллическихъ породъ и преимущественно гранитовъ, выдающихся повсемѣстно на земной поверхности скалами болѣе рѣзкихъ, смѣлыхъ и причудливыхъ очертаній, чѣмъ обнаженія мягкихъ осадочныхъ породъ Озерной области. Только въ тѣсныхъ промежуткахъ и котловинахъ между грядами и группами гранитныхъ скалъ являются въ Финляндіи дилювіальные наносы, необразующіе столь значительныя толщи какъ въ Озерной области. Наиболѣе значительные и всегда болѣе или менѣе извилистые изъ этихъ промежутковъ заняты озерами. Но озера эти, самыхъ разнообразныхъ величинъ и очертаній, имѣютъ не округлыя, а напротивъ растянутыя формы. Съ извилистыми и изрѣзанными берегами, образуемыми грядами и группами гранитныхъ скалъ, озера Финляндіи представляютъ цѣлые лабиринты, связанные между собою многоводными протоками. Вслѣдствіе этихъ особенностей ландшафтное впечатлѣніе Финляндіи совершенно иное, чѣмъ Озерной области, и финскіе ландшафты несравненно живописнѣе и красивѣе новгородскихъ. Но само собою разумѣется, что на границахъ Финляндіи и Озерной области нѣтъ рѣзкаго контраста, другими словами—финская природа выходитъ за предѣлы Великаго княжества, и Заонежская мѣстность Озерной области очень мало отличается отъ сосѣднихъ частей Финляндіи, а сѣверная оконечность Финляндіи носитъ одинаковый характеръ съ сосѣдней лапландской частью области Крайняго Сѣвера или Бѣломорской, какъ мы ее назвали.

Благодаря своему обилію извилистыми озерами и соединяющими ихъ протоками, Финляндія обладаетъ цѣлою сѣтью удобныхъ водныхъ сообщеній, связывающихъ ее съ обоими большими заливами Балтійскаго моря Ботническимъ и Финскимъ, а также съ Ладожскимъ озеромъ. Но положеніе эгидрографической сѣти здѣсь совершенно иное, чѣмъ въ сосѣдней Озерной области. Богатая гидрографическая сѣть Озерной области, связывающая обширные Волжскій и Сѣверодвинскій басейны съ Балтійскимъ моремъ, имѣетъ, можно сказать, положеніе *транзитное*, а столь же богатая гидрографическая сѣть Финляндіи съ своими болѣе многочисленными выходами къ морю стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ великихъ торговыхъ водныхъ путей и способствуетъ къ обособленію области. Зато положеніе Финляндія, съ двухъ сторонъ омываемой заливами Балтійскаго моря, представляющаго на всѣхъ своихъ прибрежьяхъ удобные порты и стоянки для судовъ, до крайности способствуетъ развитію въ ней мореплаванія и активной морской торговли.

Климатическія условія Финляндіи имѣютъ также свои особенности, и вообще климатъ ея умѣреннѣе даже, чѣмъ въ сосѣдней Озерной области, и изъ всѣхъ климатовъ Европейской Россіи представляется наиболѣе *морскимъ*. На это указываетъ не только средняя годовая температура, которая въ южной Финляндіи составляетъ 4° и даже 5° Ц. и равняется средней годовой температурѣ Москвы, Самары и Оренбурга, но еще болѣе и то, что средняя температура холоднѣйшаго мѣсяца на юго-западной оконечности Финляндіи (—5 и—6°) не ниже, чѣмъ въ Кіевѣ и выше, чѣмъ въ Таганрогѣ и Астрахани, между тѣмъ какъ средняя температура теплѣйшаго мѣсяца (+ 17°) не превосходитъ такой же температуры въ Березовѣ. Только съ приближеніемъ къ полярному кругу климатъ Финляндіи становится совершенно суровымъ, и тамъ уже средняя годовая температура опускается ниже 0°, а средняя температура холоднѣйшаго мѣсяца доходитъ до 16°.

По пространству своему (6690 кв. геогр. миль или до 324 тыс. кв. верстъ) Финляндская область какъ разъ почти равняется Озерной и занимаетъ, какъ и эта послѣдняя, почти 7° пространства Европейской Россіи и превосходитъ пространство Великобританіи и Ирландіи съ окружающими островами. Также какъ и въ Озерной области, въ Финляндіи значительныя озера занимаютъ отъ 9% до 10% пространства, а если присоединить къ нимъ еще мелкія озера, рѣки и болота, то окажется что 27% всего пространства Финляндіи, т. е. даже болѣе, чѣмъ въ сосѣдней Озерной области, заняты водою. Какъ и въ Озерной области, 80% финской суши поросли лѣсами, но лѣса эти почти не способны къ расчисткѣ, потому что

покрываютъ большею частью гранитныя скалы, да и остальные 20% суши находятся въ болѣе невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Озерной области, такъ какъ значительная часть ихъ состоитъ изъ безплодныхъ скалъ, и сельское населеніе Финляндіи, при всемъ своемъ упорномъ трудолюбіи, могло обратить въ пашни только немного болѣе 3% своей суши, т. е. несравненно менѣе чѣмъ въ сосѣдней Озерной области.

Обширное пространство Финской области населено всего только 2 милліонами жителей, то есть вообще менѣе населено чѣмъ сосѣдняя Озерная область, если даже исключить изъ нея населеніе столицы и подстоличнаго района.

Впрочемъ, населеніе Финской области, растянутой отъ юга къ сѣверу на 10° (между 60 и 70° с. ш.), распредѣлено крайне неравномѣрно, и по густотѣ населенія, пропорціи пашень и характеру экономической дѣятельности населенія, мы можемъ различить въ Финляндіи три мѣстности.

Первую изъ нихъ и наиболѣе типическую для цѣлой области мы можемъ назвать *Южно-финляндской*. Мы образуемъ ее изъ приморскихъ губерній Абовской, Нюландской и Выборгской и внутреннихъ Тавастгусской и С.-Михельской. Въ этой мѣстности сгущена большая половина финляндскаго населенія (1.200,000 жит.) на пространствѣ, немногимъ превосходящемъ четверть всей территоріи Финляндіи. Густота населенія доходитъ здѣсь, слѣдовательно, до 650 жит. на квадр. геогр. милю, и такой густоты населенія не встрѣчается нигдѣ на земномъ шарѣ за предѣлами 60° с. ш. Густота эта превосходитъ густоту населенія сосѣдней Новгородско-Ингрской мѣстности, въ которой, не принимая въ разсчетъ столицы и подстоличнаго района, приходится только 570 жит. на кв. геогр. милю, но уступаетъ густотѣ населенія Кубенской мѣстности Бѣломорской области, гдѣ, при худшихъ климатическихъ условіяхъ, но при несравненно болѣе плодородной и удобной для культуры почвѣ, населеніе сгустилось до 720 жит. на квадр. геогр. милю.

Связанная прекрасными водными путями съ омывающими ее поморьями Финскимъ и Оландскимъ, пересѣченная длинною линіею желѣзныхъ дорогъ, пускающихъ вѣтви не только къ важнѣйшимъ портамъ, но и къ внутреннему промышленному центру Гаммерфорсу, Южно-финляндская мѣстность стоитъ, вмѣстѣ съ противоположною ей за Балтійскимъ моремъ среднею полосою Швеціи, едва ли не на высшей ступени культурнаго развитія, до которой когда либо достигали страны дальняго сѣвера, лежащія за 60° широты.

Въ менѣе выгодныхъ условіяхъ находится мѣстность *Средне-финляндская*, которую мы образуемъ изъ губерній Вазаской и Куопіосской. При худшихъ климатическихъ условіяхъ (а именно: средней годовой температурѣ не превышающей 3° Ц. и средней температурѣ холоднѣйшаго мѣсяца около —10°) Средняя Финляндія содержитъ въ себѣ только 600 тыс. жителей, представляя густоту населенія въ 450 жит. на кв. геогр. милю, конечно все еще очень значительную для столь сѣвернаго положенія. Мѣстность эта, при меньшей пропорціи пашень, не обладаетъ и значительными городскими поселеніями и вообще отличается гораздо меньшею производительностью, чѣмъ южная Финляндія.

Въ несравненно болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ находится третья, Сѣверная мѣстность, Финляндіи, которую мы образуемъ изъ одной обширнѣйшей губерніи Великаго княжества — Улеоборгской. Здѣсь, при самыхъ невыгодныхъ климатическихъ условіяхъ (а именно средней годовой температурѣ близкой къ 0, и средней температурѣ холоднѣйшаго мѣсяца отъ —12 до 16°) размѣщается только 200 тыс. жит., на пространствѣ составляющемъ ²/₅ всей территоріи Великаго княжества, что представляетъ густоту населенія только въ 70 жит. на одну квадр. геогр. милю, т. е. немного болѣе густое населеніе, чѣмъ въ сосѣдней Заонежской мѣстности Озерной области. Само собою разумѣется, что земледѣліе въ этой мѣстности уже играетъ довольно незначительную роль въ экономической дѣятельности населенія.

Огромное большинство населенія Финляндіи, а именно 84%, принадлежитъ, не только по происхожденію, но и по родному языку, къ финской народности, и только 14% приходится на говорящихъ преимущественно на шведскомъ языкѣ, но изъ этихъ послѣднихъ большая половина по происхожденію тѣ же Финны, усвоившіе себѣ шведскій языкъ какъ культурный, подъ вліяніемъ бывшихъ обладателей Финляндіи. Остальные 2% приходятся на коренныхъ Русскихъ, обитающихъ въ Выборгской губерніи, на Нѣмцевъ, которыхъ въ Финляндіи насчитываютъ до 1200, на блуждающихъ Цыганъ (до 1000) и полубродячихъ Лапландцевъ (до 600) и наконецъ на Евреевъ, которые, не смотря на законъ, не допускающій въ Финляндіи натурализаціи Евреевъ, все-таки являются въ фактическомъ населеніи городовъ Финляндскаго княжества въ количествѣ до 400 человѣкъ. Огромное большинство населенія, а именно 98%, принадлежитъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, 2% (до 36 тыс. человѣкъ) къ православному; число католиковъ и евреевъ незначительно.

Поселки, въ которыхъ размѣщается населеніе Финляндіи, вообще мелки: сельскія поселенія отчасти вслѣдствіе того, что земли, способныя для культуры, представляются небольшими котловинами между гранитными скалами или протянуты узкими полосами вдоль рѣчныхъ и озерныхъ прибрежій, — сплошныхъ плодородныхъ равнинъ въ Финляндіи вовсе не встрѣчается, — отчасти же вслѣдствіе исключительнаго развитія въ странѣ мелкой личной поземельной собственности и фермерскаго хозяйства. Не крупны и финляндскіе города. Двухмилліонное населеніе Финляндіи, живущее въ сторонѣ отъ большихъ международныхъ торговыхъ путей своею обособленною жизнью, въ странѣ суровой и довольно скудно надѣленной природою, не въ состояніи было выдѣлить изъ себя слишкомъ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, такъ что Таммерфорсъ и Выборгъ съ своимъ 12 тысячнымъ населеніемъ и Або съ 22 тысячнымъ представляются для столь сѣверной страны уже весьма значительными городами, а Гельсингфорсъ съ фактическимъ населеніемъ въ 40 т. ж. есть единственный столь населенный городъ на земномъ шарѣ за предѣлами 60° сѣв. шир.

Народонаселеніе Финляндіи несомнѣнно прирастаетъ, и притомъ даже и не особенно медленно, хотя нерѣдко встрѣчаются годы, въ которые, вслѣдствіе неурожаевъ и ихъ послѣдствій, является крупный избытокъ смертей передъ рожденіями, какъ это было напримѣръ въ 1876 году, когда число умершихъ превысило число родившихся почти на 100 тыс. человѣкъ. Въ 10-лѣтіе 1866—1875 годовъ населеніе Финляндіи приросло естественнымъ приростомъ на 6%, т. е. менѣе чѣмъ въ Озерной области, гдѣ приростъ составлялъ въ 10-лѣтіе 8%. Впрочемъ при этомъ сравненіи нельзя не принять въ соображеніе, что въ разсчетъ десятилѣтія вошелъ упомянутый исключительный голодный годъ, отбросившій приростъ населенія Финляндіи на 10% и еслибы этого года не было, то естественный приростъ въ 10-лѣтіе составилъ бы 11%, т. е. превзошелъ бы приростъ населенія въ сосѣднихъ Озерной и Бѣломорской областяхъ. Замѣчательно, что съ 1812 года, т. е. со времени присоединенія Финляндіи, фактическое населеніе ея увеличилось на 82% (въ 70 лѣтъ), такъ что въ 80 лѣтъ народонаселеніе Финляндіи можетъ удвоиться.

Не смотря на неблагопріятныя условія климата и почвы, земледѣліе играетъ самую важную роль въ промышленной дѣятельности Финляндіи, такъ какъ имъ занято 80% ея жителей. Въ прежнія времена, когда еще преобладало въ странѣ экстенсивное и даже отчасти хищническое хозяйство, селенія Финляндіи были крупнѣе, и къ имъ принадлежали болѣе или менѣе обширныя лѣсныя территоріи, въ которыхъ эти селенія производили вообще свои росчисти и обработывали такіе культурные островки, какіе въ сосѣднихъ русскихъ областяхъ называются лядинами, подраздѣляя каждую лядину на полоски между отдѣльными домохозяевами. Только во второй половинѣ XVIII вѣка произошло собираніе этихъ полосокъ и раздѣленіе всѣхъ земель между домохозяевами-собственниками на болѣе крупные участки, на которые домохозяева стали выселяться изъ скученныхъ деревень. Такимъ образомъ образовалось постепенно огромное коли-

чество мелкихъ поземельныхъ собственностей, численность которыхъ въ 1875 году въ Финляндіи превышала 106,000. Огромное большинство этихъ личныхъ землевладѣній принадлежитъ крестьянамъ. Вообще говоря, 54% всѣхъ земель Великаго княжества (болѣе 20 мил. десят.) принадлежитъ крестьянамъ, 39% (болѣе 14 мил. дес.) казнѣ, нѣсколько болѣе 4% (1.600,000 дес.) дворянству, остальное распредѣляется между другими сословіями, городами и церковью.

Подъ пашнями во всей Финляндіи всего только 900,000 дес., въ томъ числѣ подъ паромъ 260 тыс. дес., а подъ хлѣбами, идущими въ пищу человѣку, до 450 т. дес. Такимъ образомъ въ Финляндіи приходится на 1 душу муж. пола земледѣльческаго населенія немного болѣе 1 десятины всей пашни, что и составляетъ скудный надѣлъ земледѣльца самою природою, не смотря на обширность территоріи Великаго княжества и малую плотность его населенія.

Причины, почему Финляндцу нѣтъ простора и возможности расширить свое земледѣліе, весьма понятны. Мѣста, удобныя для земледѣлія, составляютъ небольшіе промежутки между грудами скалъ и обширными водными и болотными поверхностями. Какими бы мелкими сельбищами ни селился Финляндецъ, такихъ площадокъ на доступномъ ему и не слишкомъ далекомъ отъ жилья пространствѣ онъ собрать много не можетъ. Далеко отъ своего жилья онъ также обрабатывать землю не можетъ, потому что она требуетъ сильнаго удобренія, которое вдаль перевезти невозможно и котораго безъ просторныхъ пастбищъ и получить нельзя. Вездѣ же, гдѣ удобныя для культуры пространства занимаютъ сравнительно болѣе обширныя площади, сгустилось пропорціонально и населеніе, такъ что вообще для экстенсивной культуры въ Финляндіи нѣтъ ни простора, ни удобствъ.

Потому весьма естественно, что Финляндецъ обратился къ культурѣ интенсивной, при помощи улучшеннаго скотоводства. Но и при этомъ условіи произведенія финляндскаго земледѣлія даже въ средніе годы не могутъ обезпечить продовольствія населенія области. На наличную душу обоего пола всего населенія Финляндіи (земледѣльческаго и неземледѣльческаго) приходится только $^1/_5$ часть десятины занятой посѣвомъ ржи и ячменя, и при самомъ упорномъ трудолюбіи земледѣльца и тщательномъ интенсивномъ хозяйствѣ, обезпечивающемъ средній урожай самъ-6 и высшій самъ-10, это пространство не можетъ обезпечить продовольствія одного человѣка.

Вотъ почему Финляндія кромѣ болѣе или менѣе постояннаго избытка овса, вывозимаго въ Англію, даже въ средніе годы не только не имѣетъ, какъ и сосѣдняя съ нею Русская Озерная область, хлѣбныхъ избытковъ, но и не можетъ обойтись безъ привоза изъ Россіи въ значительномъ количествѣ зерноваго хлѣба и въ особенности ржаной муки.

Бываютъ годы, когда привозъ этотъ достигаетъ обширныхъ размѣровъ; такъ напримѣръ въ одномъ 1868 г., послѣдовавшемъ за тѣмъ годомъ, въ который, вслѣдствіе климатическихъ причинъ, вся Финляндія была посѣщена полнымъ неурожаемъ, было ввезено въ Финляндію изъ России до 10 мил. пудовъ хлѣба и муки. Въ злополучный голодный годъ, не смотря на самыя тщательныя мѣры, принятыя финляндскимъ правительствомъ, и на значительную помощь Россіи, въ Финляндіи умерло на 92,000 человѣкъ, т. е. въ три раза болѣе противъ средней цифры смертности за 10-лѣтіе, да родилось на 12 тыс. менѣе, вслѣдствіе чего Финляндія въ одинъ этотъ годъ потеряла 100 тыс. своего населенія—ужасающій примѣръ того, что можетъ сдѣлать неурожай даже въ странѣ, которую можно считать вполнѣ благоустроенною.

Мы уже сказали о томъ, что земледѣліе Финляндіи обязано своимъ относительно цвѣтущимъ состояніемъ развитію улучшеннаго скотоводства, и особливо разведенію хорошихъ породъ крупнаго рогатаго скота. Абсолютное количество крупнаго рогатаго скота въ Финляндіи какъ разъ то же самое, что и въ сосѣдней Озерной области; но по отношенію къ населенію и числу дворовъ оно представляется значительно болѣе, а именно на каждое хозяйство приходится отъ 4 до 5 головъ. Еще большимъ оно представляется по отношенію къ десятинѣ пашни, вслѣдствіе чего поля въ Финляндіи могутъ быть несравненно лучше удобрены, чѣмъ въ Озерной области. Молочное хозяйство, какъ извѣстно, процвѣтаетъ въ Финляндіи, такъ что масло и молоко со-

ставляютъ немаловажные предметы вывоза изъ Финляндіи. Перваго вывозится ежегодно до 300 тыс. пудовъ, втораго до 800 тыс. литровъ, да сыра 1200 пуд. На бывшей въ Петербургѣ въ 1879 г. молочной выставкѣ финляндское масло рѣшительно первенствовало, и только финляндскіе сыры встрѣчали конкуренцію въ сырахъ Новгородской, Тверской и Вологодской губерній. Крупный рогатый скотъ вывозится изъ Финляндіи даже живымъ (до 20 тыс. головъ) и въ видѣ мяса. Лошадей въ Финляндіи гораздо менѣе не только абсолютно, но и по отношенію къ числу дворовъ, такъ что на хозяйство приходится среднимъ числомъ по одной лошади, что отчасти объясняется меньшимъ запросомъ на лошадей, чѣмъ въ Озерной области, занимающей, какъ мы уже выразились, транзитное положеніе, между двумя столицами и имѣющей съ Петербургомъ несравненно болѣе тѣсныя связи чѣмъ Финляндія. Другое объясненіе заключается въ томъ, что въ Финляндіи, при развитіи исключительно личнаго землевладѣнія и фермерскаго хозяйства, не малая часть сельскаго населенія не ведетъ самостоятельнаго (коннаго) земледѣльческаго хозяйства, а занимаетъ положеніе батраковъ въ болѣе зажиточныхъ хозяйствахъ. Финляндская лошадь, извѣстная у насъ въ столицѣ подъ именемъ *шведки*, мала ростомъ, но сильна и выносліва. При всемъ томъ непосильный трудъ, отсутствіе надлежащаго ухода и вывозъ лучшихъ лошадей изъ Финляндіи въ Петербургъ ухудшили на столько финскихъ лошадей, что въ послѣднее 10-лѣтіе финляндское правительство приняло дѣятельныя мѣры къ улучшенію коневодства въ Великомъ княжествѣ. Мѣры эти состояли главнымъ образомъ въ распредѣленіи по всѣмъ губерніямъ Финляндіи хорошихъ производителей и въ ассигнованіи премій для скаковыхъ и тянущихъ грузы лошадей.

Овецъ въ Финляндіи, благодаря хорошему качеству финскихъ пастбищъ, разводится абсолютно вдвое болѣе чѣмъ въ Озерной области, да и свиноводство гораздо значительнѣе, такъ что свиньи и щетина составляютъ немаловажный предметъ вывоза изъ области

Но, при всѣхъ достойныхъ глубокаго сочувствія усиліяхъ обдѣленнаго природою финскаго земледѣльца, земледѣліе не можетъ вполнѣ обезпечить существованія, а тѣмъ болѣе благосостоянія населенія области, и это обстоятельство заставляетъ Финляндца прибѣгать къ другимъ промысламъ.

Нѣдра земли, къ которымъ издавна обращался трудолюбивый Финляндецъ, не представляютъ слишкомъ большихъ минеральныхъ богатствъ. Благородными металлами Финляндія очень бѣдна: единственныя золотыя ея розсыпи на р. Ивалаіокки, впадающей въ озерѣ Энаре, почти истощены. Только озерной и болотной желѣзной руды въ Финляндіи есть неисчерпаемые и постоянно обновляющіеся запасы, но Финляндія не только потребляетъ сама все производимое ею желѣзо, но и ввозитъ не малое количество этого матеріала изъ Швеціи.

Только гранитныя ломки Финляндіи доставляютъ ей предметъ для вывоза: изъ финскаго гранита построены монументальныя зданія Петербурга, финскимъ же гранитомъ одѣты великолѣпныя его набережныя. Но эксплоатироваться въ Финляндіи могутъ только такія ломки, которыя расположены удобно по отношенію къ нагрузкѣ каменныхъ массъ; при томъ же монументальныя постройки производятся не постоянно въ столицѣ, и потому народно-экономическое значеніе добычи и вывоза роскошныхъ строительныхъ матеріаловъ изъ Финляндіи ограничены.

Весьма естественно, слѣдовательно, что Финляндецъ для того, чтобы найти подспорье своему все-таки неизбѣжно скудному земледѣльческому хозяйству, долженъ былъ обратиться къ двумъ его окружающимъ царствамъ—лѣсному и водному. Лѣсные промыслы и охота, какъ уже было объяснено выше, при обзорѣ промышленности Финляндіи, имѣютъ для населенія области большое народно-экономическое значеніе. При первоначальномъ водвореніи осѣдлости сельскаго населенія въ незанятыхъ еще культурою мѣстахъ, лѣсъ могъ служить ему только помѣхою, и потому Финнъ и до сихъ поръ обнаруживаетъ еще какъ бы прирожденное ему стремленіе къ истребленію лѣса, какъ враждебной стихіи, препятствующей ему отвоевать у природы

клочекъ земли, необходимый для производства насущнаго хлѣба. Выжечь лѣсъ около возникающаго поселка, не заботясь о томъ, сколько лѣса будетъ истреблено пущеннымъ паломъ, есть первое дѣло для Финна при его водвореніи на новомъ мѣстѣ. Не жалѣетъ Финляндецъ лѣса и какъ топлива, истребляетъ нещадно молодыя деревья на изгороди, въ которыхъ позволяетъ себѣ поразительную для степнаго жителя роскошь, и чужда была еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка финляндскому поселянину мысль, что правильная эксплоатація лѣса могла бы ему обезпечить постоянные доходы. Финляндскіе статистики исчисляютъ, что населеніе Финляндіи на одни свои домашнія потребности потребляетъ ежегодно до 750 мил. куб. фут. лѣса. Улучшеніе водныхъ и шоссейныхъ путей и проведеніе желѣзныхъ дорогъ поставило во второй половинѣ нынѣшняго вѣка финляндскую лѣсопромышленность въ лучшія условія, и лѣсныя произведенія сдѣлались значительнымъ предметомъ вывоза изъ Финляндіи. Такъ вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ изъ Финляндіи возросъ съ 1865 по 1875 г. съ 13½ до 40 мил. куб. футовъ. Лѣсные промыслы и болѣе правильная лѣсная эксплоатація сдѣлались важнымъ подспорьемъ въ народномъ хозяйствѣ населенія Финляндіи.

Но не однимъ древеснымъ матеріаломъ богаты обширныя лѣсныя пространства Финляндіи. Они кроютъ въ себѣ еще много дикихъ звѣрей и птицъ, охота за которыми служитъ также подспорьемъ въ хозяйствѣ обитателя финскихъ лѣсовъ. Законы Финляндіи, поощряя истребленіе хищныхъ звѣрей, еще приносящихъ большіе ущербы скотоводству области, вмѣстѣ съ тѣмъ и строго ограждаютъ отъ истребленія остальныхъ дикихъ животныхъ и птицъ, такъ что Финляндія еще надолго обезпечена этаго рода лѣснымъ богатствомъ.

Другая стихія, служащая населенію Финляндіи для извлеченія нѣкоторыхъ богатствъ, есть стихія водная, къ которой относятся не только омывающія Финляндію моря, но и внутреннія озера съ соединяющими ихъ протоками.

Въ Финляндіи существуютъ три рода рыбной ловли: морской рыбный промыселъ, ловля семги и сига въ большихъ рѣкахъ и рыбная ловля въ озерахъ и малыхъ рѣкахъ. Морской рыбный промыселъ и ловля семги и сига составляютъ дѣйствительно народный промыселъ. Самый выгодный изъ этихъ промысловъ есть ловля такъ называемой салаки—небольшой сельди, которой обилуютъ финскія поморья. Салака служитъ самымъ важнымъ подспорьемъ для питанія жителей области. Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершается морской рыбный промыселъ, можно заключить изъ того, что въ одной Нюландской губерніи имъ занято 764 лодки и до 3900 сѣтей и 350 неводовъ и что промыселъ этотъ даетъ здѣсь отъ 45 до 50 тыс. пудовъ одной салаки.

Семга и сигъ ловятся преимущественно въ значительныхъ рѣкахъ Финляндіи, Торнео, Кеми, Улео, Кумо, Кюмени и Вокшѣ, также какъ и въ Ладожскомъ озерѣ. Семги ежегодно ловится въ Финляндіи 15 тыс. пудъ., сига отъ 1½ до 2 тыс. пудовъ. Обѣ рыбы служатъ важнымъ предметомъ для сбыта.

Рыболовство въ озерахъ и небольшихъ рѣкахъ имѣетъ по преимуществу только мѣстное значеніе для внутренняго потребленія Финляндіи.

Мы не будемъ распространяться о перерабатывающей фабричной и мануфактурной промышленности Финляндіи, которая уже достаточно была охарактеризована въ одномъ изъ предшедшихъ очерковъ; скажемъ только, что она значительно усилилась (утроилась) въ Финляндіи въ послѣднее 15-лѣтіе и даетъ заработокъ достаточному числу рукъ, хотя большинство ея произведеній расходуется въ самой Финляндіи и только немногія, какъ то писчая бумага, бумажныя и льняныя ткани, служатъ отчасти предметомъ для вывоза.

Возвратимся въ заключеніе къ значенію для Финляндіи обширныхъ ея водныхъ поверхностей и сосѣдства съ двухъ сторонъ охватывающаго ее моря, изрѣзаннаго превосходными заливами, бухтами и гаванями. Это положеніе Финляндіи сдѣлало изъ Финна отличнаго морехода и

дало Финляндіи—почти одной въ цѣлой Россіи—хорошій торговый флотъ и участіе въ активномъ мореплаваніи, которое обѣщаетъ въ будущемъ и еще дальнѣйшее развитіе.

Соображая все высказанное въ настоящемъ и предшедшихъ очеркахъ о положеніи Финляндіи и ея экономическихъ особенностяхъ, не трудно опредѣлить ту роль, которая предназначена ей, можно сказать, самою природою и исторіею въ ряду естественныхъ и культурно-историческихъ областей, изъ которыхъ сложилась Русская Имперія.

Поставленная между Скандинавскимъ полуостровомъ и обширною европейско-русскою равниною, чрезвычайно удобно по отношенію къ своимъ воднымъ и морскимъ сообщеніямъ, связывающимъ непрерывною гидрографическою сѣтью внутренность страны съ окружающими ее морями, но совершенно въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути, который велъ сначала «изъ Варягъ въ Греки», а впослѣдствіи изъ обширнаго волжскаго бассейна въ Западную Европу, Финляндія никогда не могла служить (подобно древнему новгородскому народоправству или нынѣшнему Петербургу и вообще сосѣдней съ Финляндіею Озерной области) соединительнымъ звѣномъ между востокомъ и западомъ Европы. Напротивъ, вслѣдствіе указанной особенности своего положенія Финляндія должна была съ раннихъ временъ своей исторіи жить нѣсколько замкнутою и обособленною жизнію

Но и для полной отдѣльности и государственной самостоятельности Финляндія не имѣла надлежащихъ условій. Не смотря на свой морской и сравнительно умѣренный для своего сѣвернаго положенія климатъ, неблагопріятныя климатическія, а еще болѣе почвенныя условія и бѣдность ея сѣверной природы не могли дать этой достаточно обширной странѣ такой емкости для населенія, какая необходима для образованія самостоятельнаго государства, достаточно обезпеченнаго въ своей безопасности отъ могущественныхъ сосѣдей. Притомъ же и самое племя, населившее съ незапамятныхъ временъ Финляндію, также какъ и всю сѣверную и сѣверовосточную половину европейско-русской равнины, не оказало большой способности къ образованію сильнаго государственнаго союза, и совершенно подчиненное и ассимилированное до полной утраты своей народности почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ Европейской Россіи, финское племя сохранило все-таки наиболѣе эту народность въ обособленной своимъ географическимъ положеніемъ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, не имѣя возможности образовать достаточно сильнаго самостоятельнаго государства, Финляндія должна была подпасть съ весьма раннихъ временъ своей исторіи подъ владычество болѣе сильныхъ сосѣдей.

Такимъ болѣе могущественнымъ сосѣдомъ Финляндіи была до начала XVIII вѣка Швеція, и хотя сухопутныя сообщенія съ Швеціей, къ которой Финляндія прилегаетъ на крайнемъ безлюдномъ и бездорожномъ сѣверѣ, никогда не имѣли ни малѣйшаго экономическаго значенія, связь Финляндіи съ Швеціей завязалась черезъ посредство морскихъ путей, столь извѣстныхъ и доступныхъ отважнымъ Норманамъ.

Только можетъ быть именно отчасти потому, что Финляндія отрѣзана отъ Швеціи моремъ, а отчасти и потому, что Шведы, завладѣвъ Финляндіею, нашли въ ней страну довольно бѣдную и уже переполненную, при тогдашнихъ культурныхъ условіяхъ, туземнымъ финскимъ населеніемъ, они не перешли въ нее и не колонизировались въ ней сплошными массами, не истребили и даже не ассимилировали ея населенія, а довольствовались подчиненіемъ страны, управленіемъ ею, цивилизаторскою и эксплуататорскою дѣятельностію. Въ теченіе многихъ вѣковъ обладанія Финляндіею Шведы денаціонализировали только верхушки финскаго населенія, образовавъ въ смѣси съ этими верхушками шведскую аристократію въ Финляндіи, конечно весьма сильную, но не особенно многочисленную, между тѣмъ какъ народныя массы Финляндіи удержали свой родной языкъ и народность.

Политическое положеніе Финляндіи должно было неминуемо измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ Россія, найдя себѣ выходъ къ морю, стала твердою ногою на устьѣ Невы и перенесла свою столицу и центръ своей тяжести почти на финляндскую границу. Не смотря на то, что Фин-

ляндія оставалась еще, какъ и прежде, въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути изъ Россіи въ Европу, и что Россія не ощущала экономической необходимости въ присоединеніи къ себѣ не особенно богатой естественными произведеніями Финляндіи, необходимость обезопасить положеніе русской столицы и выхода изъ Россіи къ морю, вынудило Русское государство къ постепенному присоединенію всего восточнаго балтійскаго побережья, съ одной стороны до Мемеля, а съ другой до Торнео.

Присоединеніе Финляндіи къ Россіи, вслѣдствіе не столько экономической, сколько стратегической и географической необходимости, совершившееся только въ началѣ XIX вѣка, не вывело однакоже непосредственно Финляндію изъ ея обособленнаго самою природою и индивидуализированнаго по отношенію къ Россіи исторіею положенія. Русскіе и не помышляли колонизировать Финляндію, населеніе которой казалось было, по крайней мѣрѣ при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ, близко къ крайнему предѣлу емкости страны и скорѣе нуждалось въ выселеніяхъ, чѣмъ приселеніяхъ. Съ другой стороны, Русскіе, найдя уже въ Финляндіи сравнительно высокую шведскую культуру, не употребляли никакихъ усилій ни для ассимилированія, ни для руссификаціи ея населенія и предоставили этому населенію съ самаго начала его присоединенія къ Россіи полную автономію.

Послѣдствія такой автономіи и отсутствія политической связи съ Швеціей не остались однакоже безъ вліянія на дальнѣйшія судьбы Финляндіи. Коренные Финны, постепенно цивилизующіеся, хотя и попрежнему подъ главенствомъ своей шведской или ошведившейся аристократіи, мало-по-малу подняли свою голову, и подъ вліяніемъ хорошей народной школы, размельченія поземельной собственности, успѣховъ земледѣлія и участія народа въ самоуправленіи страны, почувствовали свою принадлежность къ особой народности, столь же отличной отъ шведской, какъ и отъ русской. Народность эта, вѣрная своимъ историческимъ преданіямъ, не заявляетъ никакихъ притязаній на политическую самостоятельность, но обнаруживаетъ несомнѣнно нѣкоторое стремленіе къ самостоятельности экономической и духовной.

Между тѣмъ, экономическая связь Финляндіи съ Россіею завязывается все болѣе и болѣе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ русская столица, поставленная въ глубинѣ надолго замерзающаго залива, при помощи сознавшихъ свои выгоды населеній, обняла Финскій заливъ двумя желѣзными путями, доходящими съ одной стороны до Гапсаля и Балтійскаго порта, а съ другой до Ганге и Або, и проложила себѣ тѣмъ самымъ удобные пути къ рѣдко и на самое короткое время замерзающему морю. Такимъ образомъ, Финляндія въ послѣднее 10-лѣтіе попала хотя отчасти на транзитный путь, соединяющій востокъ Европы съ ея западомъ, и начала принимать все большее и большее участіе въ общей русской торговлѣ и промышленности.

Множество Финляндцевъ живутъ въ Петербургѣ и нѣкоторые изъ нихъ уже ведутъ болѣе или менѣе обширныя коммерческія и промышленныя дѣла внутри Россіи, находя въ обширномъ государствѣ, въ составъ котораго вошла Финляндія, такое приложеніе своихъ капиталовъ и такіе источники для себя выгодъ, которые остаются не безъ вліянія на благоденствіе ихъ родины. Даже не покидающіе этой родины Финляндцы все болѣе и болѣе сознаютъ экономическія выгоды своей принадлежности къ государственному союзу обширнѣйшей въ Европѣ страны.

Выгоды эти состоятъ не только въ близкомъ и удобномъ сбытѣ произведеній Финляндіи на обширнѣйшемъ въ сѣверной зонѣ всего міра рынкѣ стоящей на рубежѣ Финляндіи русской столицы и въ пополненіи своихъ недостатковъ дешевымъ подвозомъ произведеній богатыхъ житницъ Россіи, но и въ томъ, что Финляндцы могутъ всегда найти въ сосѣднемъ съ ними Петербургѣ выгодные временные заработки и помѣстить туда обременительные для Финляндіи избытки населенія, а также усилить вообще производительность Финляндіи участіемъ ея въ активной торговлѣ Россіи.

Несомнѣнно, что близость къ финляндской границѣ центра тяжести великаго Русскаго государства въ значительной мѣрѣ увеличила вмѣстимость или емкость Финляндіи для населенія. Этой близостью объясняется удвоеніе почти финляндскаго населенія со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи и такое его сгущеніе, какого не представляетъ ни одна въ мірѣ страна изъ лежащихъ за 60° сѣв. шир. И всѣ эти выгоды куплены для Финляндіи не особенно дорогою цѣною, такъ какъ съ одной стороны она не несетъ непосильныхъ расходовъ на общее государственное управленіе Имперіи, а съ другой—въ союзѣ съ Россіею не утратила своей автономіи и самобытности.

Такимъ образомъ положеніе, которое Финляндская область занимаетъ въ общемъ строѣ Имперіи, при всей своей особенности, вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя созданы для нея природою и исторіею. Обособленная и даже индивидуализированная своимъ географическимъ положеніемъ, этнографическимъ составомъ своего населенія и условіями культурно-историческими, Финляндія пользуется и полною административною автономіею, будучи связана съ Россіею только самыми прочными изъ всѣхъ узъ -узами экономическихъ интересовъ, уже достаточно вошедшими въ сознаніе населенія Финляндіи.

П. Семеновъ.

ТОМА II-го, ЧАСТИ I-й.

ФИНЛЯНДІЯ.

ОЧЕРКЪ I. Историческія судьбы Финляндіи и ея отношенія къ Швеціи и Россіи. С. И. Барановскаго. 3

[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] — Усадьба [illegible]

Отдѣльные рисунки: [illegible]

ОЧЕРКЪ II. Природа Финляндіи, ея граниты и озера. С. И. Барановскаго. 33

[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible]

Отдѣльные рисунки: [illegible]

ОЧЕРКЪ III. Промышленность Финляндіи. С. И. Барановскаго. 49

[illegible] — Земледѣліе и землевладѣніе. — [illegible] — Механическія силы; фабрики: хлопчато-бумажныя, писчебумажныя, [illegible] — Судостроеніе и судоходство. — [illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] Карагина. [illegible] — Постройка [illegible]

ОЧЕРКЪ IV. Финское племя 65

Составъ нар[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] Жители Ясниса.— Выборгск[illegible] Карази[illegible]

Отдѣльные рисунки: [illegible]

ОЧЕРКЪ V. Города Финляндіи. С. И. Барановскаго 77

[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] Монрено, Дмоховскаго. [illegible] — Борго, Каразина. [illegible]

Отдѣльные рисунки: [illegible] Бальдингера.

ОЧЕРКЪ VI. Полярная Финляндія. С. И. Барановскаго. 111

[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] кофе.— Переселеніе Лопарей.—На [illegible]

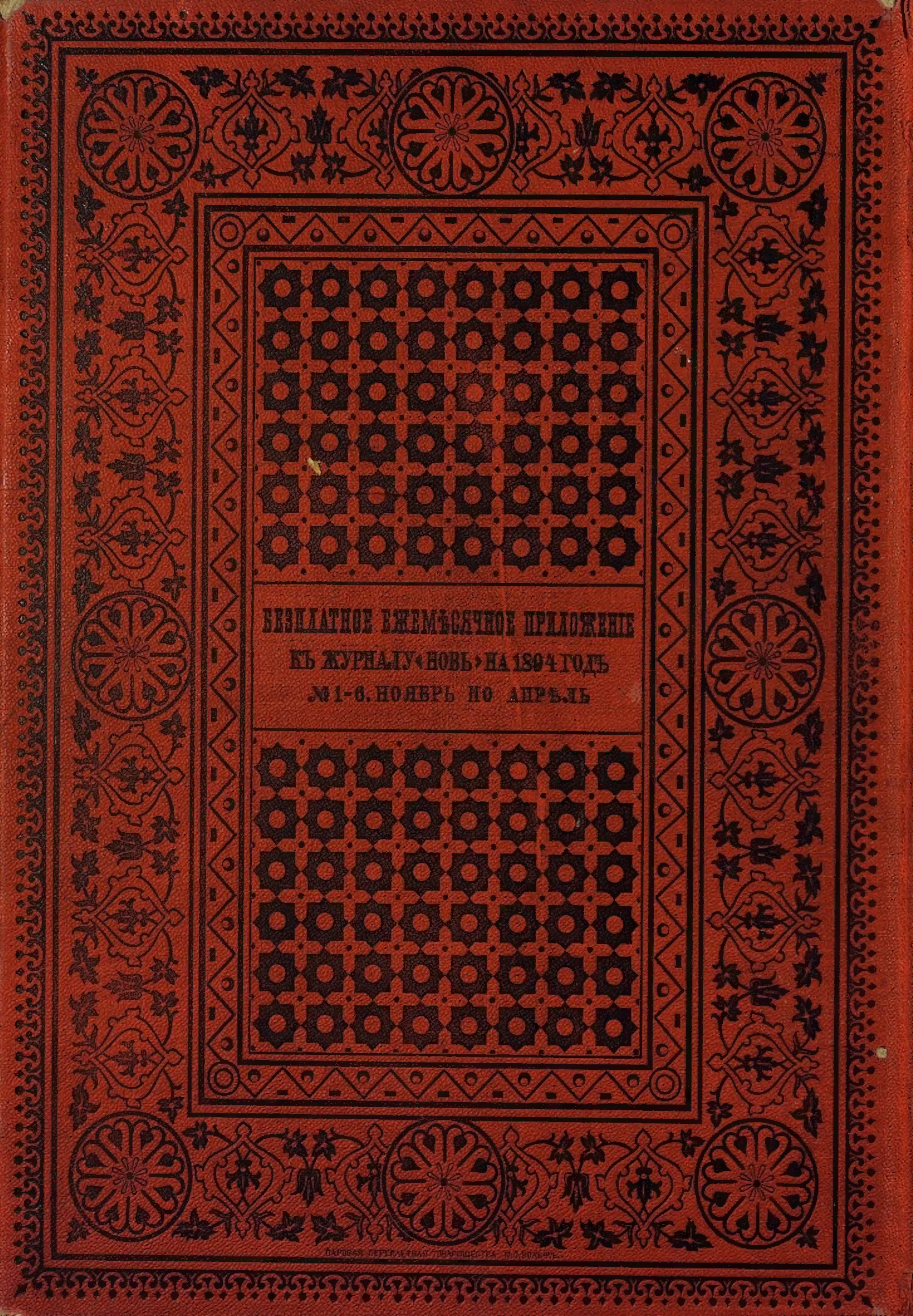
ОЧЕРКЪ VII. Общій обзоръ экономическаго состоянія Финляндіи. П. П. Семенова. 119

[illegible]

Рисунки въ текстѣ: [illegible] Каразина.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1894 ГОДЪ
№ 1-6. НОЯБРЬ ПО АПРѢЛЬ
ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.